

6804.

75 б / 12

Отк. детск.

Отк

Р 4а / 30

Автор Беркев.

Конец пов. „Молодой Грандиссон"

ОБРАЗЕЦЪ
МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Переведенный съ Голландскаго на Французской языкъ *Господиномъ Беркиномъ.*

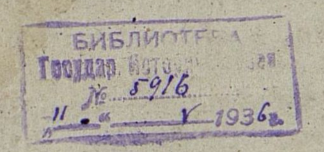
Переводъ съ Французскаго.
СЪ ФИГУРАМИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Губернской Типографіи
у А. Рѣшетникова.
1799.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ОБРАЗЕЦЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Вы мнѣ позволили писать къ вамъ, любезная матушка! какое это пріятное утѣшеніе для моего сердца! сколь это было нужно для меня, будучи такъ далеко отъ васъ.

Я здоровъ, и благополучно прибылъ къ вашимъ пріятелямъ, которые меня приняли какъ своего роднаго сына. Не смотря на то, сердце мое тоскуетъ; и вы не повѣрите, какъ мнѣ скучно. Вы конечно назовете это ребячествомъ; но какъ бы то ни было, я плакалъ

во всю дорогу. Я безпрестанно думалъ объ васъ и о той грусти, которую сердце мое чувствовало, разлучаясь съ вами. Простите меня, любезнѣйшая матушка; я знаю какъ вы меня любите; грусть моя должна васъ безпокоить, и я не буду болѣе говорить объ ней.

Вы справедливо хвалили мнѣ Госпожу Делиль, вашу пріятельницу. Она такъ ласкова и такъ благосклонна, что при первомъ взглядѣ не льзя не полюбить ее. По пріѣздѣ моемъ она обняла меня точно такъ, какъ вы часто меня обнимали, когда бывали довольны мною.

Вы спросите и о Господинѣ Делиль? Ахъ! я не могу вамъ изъяснить, какъ онъ достоинъ всякаго почтенія. Я возьму его въ образецъ себѣ, и твердо увѣренъ, что возмужавъ, самъ буду всѣми почитаемъ. Конечно и батюшка мой былъ таковъ же; потому что вы мнѣ часто говаривали, какой

онъ честной человѣкъ былъ. Ахъ! какъ бы я былъ щасливъ, естьлибъ онъ теперь еще былъ живъ; я бы ему повиновался во всемъ, и любилъ бы его всею душею, любя однакожъ не меньше и васъ. Но небу это не было угодно; оно лишило меня родителя; и я о томъ плачу, но безъ ропоту, потому что оно мнѣ еще оставило родительницу, и при томъ столь добрую, каковы вы. И по тому жалобы мои были бы не справедливы; но я весьма обязанъ благодарить Бога, и молить его всегда, дабы сохранилъ васъ для меня.

Простите, любезнѣйшая матушка; прости милая сестрица! Въ это письмо вмѣщаю множество сердечныхъ желаній о вашемъ благополучіи. Вспоминайте иногда обо мнѣ, которой безпрестанно объ васъ думаетъ. Ахъ! какъ этотъ годъ покажется мнѣ долгъ! Время текло такъ скоро, когда мы были вмѣстѣ.

Госпожа Дюфуръ къ своему сыну.

Письмо твое весьма меня обрадовало, любезный сынъ! Печаль твоя объ нашей разлуки, доказываетъ мнѣ, что ты имѣешь чувствительное сердце. Сынъ, разлучающійся съ матерью безъ грусти, конечно ее не любитъ.

При всемъ томъ ты долженъ повиноваться разсудку. Нужно было, чтобы мы не жили всегда вмѣстѣ; ибо молодые люди лучше образуются въ чужихъ людяхъ, нежели у матери. Учись вооружать себя твердостію противъ непріятныхъ приключеній жизни. И та жизнь, которая кажется щастливѣйшею, бываетъ сопровождаема множествомъ разныхъ непріятностей; потому привыкай съ молодыхъ лѣтъ сносить оныя съ терпѣніемъ. Когда тебѣ будетъ грустно, что мы не вмѣстѣ, то вообрази себѣ только, съ какимъ удовольствіемъ мы

обнимемся по прошествіи двухъ лѣтъ, и тогда ты конечно утѣшишься. Между тѣмъ мы будемъ писать другъ къ другу такъ часто, какъ будетъ возможно: писать почти тоже, что и разговаривать.

Ты теперь почувствуешь, какъ это хорошо, что ты съ толикимъ раченіемъ учился. Что бы было тогда, когда бы ты къ нещастію своему не имѣлъ охоты къ наукамъ. Мы были бы въ разлукѣ, и ты не въ состояніи бы былъ писать ко мнѣ о томъ, что дѣлаешь, и о томъ, чему учишься.

Пользуйся, любезный сынъ! случаемъ, которой тебѣ представился; будь прилѣженъ и трудолюбивъ, пріобрѣтай познанія, и не забывай никогда, что всякая потерянная минута не возвратна. Въ томъ домѣ, гдѣ ты живешь, ты всегда будешь имѣть хорошіе примѣры, и замѣтивъ, что всѣ люди весь день занимаются, по-

гда и ты привыкнешь къ упражненію, что я предпочитаю охотѣ къ чтенію.

Ты находишь Господина Делиля почтенія достойнымъ человѣкомъ, и намѣренъ взять его себѣ въ образецъ? Ты меня восхищаешь, любезный сынъ; такой выборъ есть уже шагъ къ добродѣтели; съ твердымъ намѣреніемъ подражать почтеннымъ людямъ, обыкновенно сопряжена нужная способность къ успѣху. Правда, отецъ твой былъ точно таковъ же, какъ онъ; онъ непрестанно имѣлъ попеченіе о составленіи щастія своей жены и дѣтей, или старался полезнымъ сдѣлаться другимъ; послѣ его потери я не имѣю другой отрады, кромѣ надежды, что нѣкогда ты будешь достоинъ называться его сыномъ.

Прощай, любезный Гильомъ! пиши мнѣ о всѣхъ твоихъ упражненіяхъ и удовольствіяхъ; но всегда пиши такъ, какъ будто гово-

ришь. Письма должны быть просты, естественны, и безъ всякихъ прикрасъ. Маленькая сестра твоя о тебѣ очень тоскуетъ; она мнѣ упрекаетъ, что я не умѣю съ ней такъ играть, какъ ты.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Премного благодарю васъ, любезная матушка, за письмо ваше. Я тотчасъ показалъ оное Госпожѣ Делиль. Какая безподобная у васъ мать, сказала она мнѣ, прочитавши письмо ваше. Такъ сударыня, отвѣчалъ я; матушка моя точно такова, какъ вы, и за это она меня обняла. Послушай другъ мой, примолвила она, такъ какъ матушка ваша позволила вамъ писать къ ней, и приказываетъ давать ей отчетъ во всемъ до васъ касающемся; то вы ничего не забывайте. Пишите къ ней о ва-

шихъ упражненіяхъ, о вашихъ забавахъ и о разговорахъ съ моими сыновьями и дочерью; можетъ быть вы этимъ уменьшите грусть ея о вашемъ отсутствіи.

Однакожъ, сударыня, говорилъ я ей: матушка всегда мнѣ запрещала говорить о томъ, что дѣлается въ чужихъ домахъ, и конечно она желаетъ, чтобъ я говорилъ ей только о себѣ.

Такъ отвѣчала она, ваша матушка права; кто безъ позволенія пересказываетъ о всемъ происходящемъ въ чужихъ домахъ или въ училищѣ, тотъ безразсудный болтушка, котораго всегда презираютъ и ненавидятъ; но я вамъ позволяю писать вашей матушкѣ о всемъ томъ, что вы замѣтите у насъ въ домѣ, такъ какъ она мнѣ истинная пріятельница, и я ей ввѣряю всѣ мои тайны.

О матушка! какъ меня обрадовало это позволеніе! Какъ мно-

то я вамъ буду писать о моемъ другѣ Карлѣ! Такъ, такъ, объ немъ-то я буду съ вами говорить всѣхъ чаще. Вы не повѣрите, сколь онъ разуменъ, прилѣженъ, чувствителенъ и добръ! Мы всегда вмѣстѣ, и любовь моя къ нему возрастаетъ со дня на день.

Эдуардъ, братъ его, которой старѣе его двумя годами, гораздо не столько любезенъ; но маленькая Эмилія, ихъ меньшая сестра, ахъ! безподобная дѣвочка.

Госпожа Делиль также къ вамъ пишетъ. Она у меня взяла письмо мое, чтобъ его вложить въ свое. Жаль мнѣ, что я не могу еще съ вами долѣе разговаривать. Мнѣ кажется, что я никогда не устану, писавъ къ вамъ.

Простите, любезная матушка! берегите ваше здоровье. Не оставляйте меня вашими разумными наставленіями; и можетъ быть со временемъ я буду столько же

любви достоинѣ, какѣ другѣ мой Карлѣ. Цѣлую милую мою сестрицу.

Госпожа Дюфурѣ кѣ своему сыну.

Поздравляю тебя, любезный сынѣ, сѣ такимѣ другомѣ, каковѣ Карлѣ! Знакомые мнѣ люди, видившие его вѣ домѣ отца его, описывали мнѣ его самымѣ любезнымѣ и разумнымѣ мальчикомѣ. По этому посуди самѣ, какая польза отѣ хорошаго поведенія и выполненія своей должности: всѣ люди будутѣ любить и уважать.

Вѣ Эдуардѣ сѣ малыхѣ лѣтѣ примѣчено упрямство и суровость. Но ты, любезный Гильомѣ, для того только замѣчай его недостатки, чтобѣ себя предохранять отѣ оныхѣ, не имѣя однакожѣ ни малѣйшаго отвращенія кѣ нему. Эдуардѣ еще молодѣ, онѣ можетѣ исправиться, и до

этой благополучной перемѣны онъ заслуживаетъ одно сожалѣніе. Ты самъ также имѣешъ недостатки и безъ сомнѣнія очень радъ, естьли объ нихъ судятъ снисходительно.

Я вижу изъ письма Госпожи Делиль, что она тебя любитъ. Это должно быть тебѣ поощреніемъ, стараться по возможности твоей быть того достойнымъ. Ты долженъ чувствовать, сколь были бы чувствительны для моего сердца упреки, кои бы она тебѣ дѣлала. Но нѣтъ, я въ тебѣ увѣрена, ты не престанешъ стараться быть милымъ твоей матери. Прощай любезный сынъ!

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Матушка! Карлъ къ вамъ пишетъ, и вы найдете его письмо въ моемъ. Какой прекрасной по-

черкъ, и какая пріятность въ выраженіяхъ! Но будьте спокойны; естьли то зависитъ отъ меня и отъ моего прилѣжанія, то я постараюсь вскорѣ быть въ состояніи писать такъ же хорошо, какъ и онъ. Мнѣ не больше, какъ двенадцать, а ему уже тринадцать лѣтъ; разницы цѣлой годъ, въ которой я могу довольно успѣть.

Ничего бы недоставало къ моему благополучію, матушка! естьлибъ вы были здѣсь, чтобъ видѣть, какъ я щастливъ. Всѣ наши ученія не иное что, какъ забавы. Мы учимся по Латынѣ, по Аглински, Исторіи, Географіи, рисовать, и ходимъ всякой день въ поле прогуливаться, для узнанія растѣній. Я увѣренъ, любезная матушка, что вы съ удовольствіемъ примѣтите то, сколько мой учитель чистописанія долженъ быть доволенъ моими успѣхами.

Господинъ Вернетъ, человѣкъ весьма ученый и весьма набожный,

учитъ насъ закону; но какимъ же образомъ? --- Ахъ! матушка, я всегда любилъ Господа Бога, но съ того времени, какъ Господинъ Вернетъ началъ намъ говорить объ немъ, я никогда не встаю не обѣщаясь самъ себѣ, ничего такого не дѣлать, что бы не было ему угодно, и когда ложусь спать, я всегда спрашиваю самаго себя, хорошо ли я препроводилъ день. Не бойтесь, чтобъ въ такомъ домѣ я потерялъ свое время! Для меня служитъ хорошимъ примѣромъ другъ мой Карлъ. --- Между нами есть соревнованіе, которое не вредитъ нашему дружеству; а еще напротивъ, кажется, что мы отъ того другъ друга больше любимъ. Я оканчиваю письмо, меня зовутъ завтракать. Лети письмо и скажи моей маминькѣ, что я ее люблю всѣмъ сердцемъ; скажи ей, что я обнимаю ее тысячекратно.

Госпожа Дюфуръ къ своему сыну.

Сохрани ко мнѣ, любезный Гильомъ, изъявляемыя тобою чувства, и мать твоя будетъ всегда щастлива!

Госпожа Делиль увѣдомляетъ меня, что ты учишься вмѣстѣ съ ея дѣтьми. Съ какимъ милосердіемъ Небо помогаетъ невозможности матери твоей дать тебѣ воспитаніе своимъ иждивеніемъ. Будь благодаренъ къ твоимъ благодѣтелямъ, и думай непрестанно, что первѣйшіе суть тѣ, которые доставляютъ тебѣ случай пріобрѣтать дарованія и познанія. Твое прилѣжаніе есть одинъ только способъ оказать твою благодарность. Не теряй ни одной минуты: ибо прошедшей часъ никогда уже не возвратится. Какъ я буду довольна, когда увижу, что умъ сына моего обогащенъ полезнѣйшими знаніями и сердце исполнено добродѣтельнѣйшихъ чув-

ствій. Такая надежда конечно можетъ утолить мою печаль о нашей разлукѣ : да послужитъ она и къ подкрѣпленію твоего мужества. Такъ сынъ мой, я тебѣ повторяю : небо не опредѣлило намъ жить всегда вмѣстѣ. Но ни что намъ не воспрепятствуетъ другъ друга любить, хотя бы мы и еще большимъ разстояніемъ были разлучены между собою. Прощай, любезный сынъ, исполняй твою должность, не забывая и забавъ. Я могу только тогда быть щастлива, когда ты благополученъ.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Ваканціи наши начались, и мы завтра ѣдемъ въ деревню, любезнѣйшая матушка! какъ я тамъ буду веселиться! Карлъ беретъ много книгъ и красокъ съ собою. Сказываютъ, что тамошнія о-

кружныя мѣста имѣютъ пріятныя мѣстоположенія. Мы постараемся снять оныя на бумагѣ. Маленькая Эмилія беретъ съ собою пяльцы, чтобъ шелками изображать прекраснѣйшіе цвѣты. Хотя ей еще нѣтъ двенадцати лѣтъ, однако она удивительное имѣетъ въ томъ искуство. Мы все трое съ великою радостію ѣдемъ въ деревню; Эдуардъ только одинъ тѣмъ не доволенъ, и мнѣ его жаль. Мнѣ кажется, это худой знакъ, не любить деревенскаго воздуха. Я слышалъ его разговоръ съ братомъ и съ сестрою. Вотъ онъ отъ слова до слова.

Эмилія. Знаешъ ли, что нашъ любезной Г. Вернетъ поѣдетъ съ нами въ деревню?

Карлъ. Знаю, и я тому очень радъ.

Эдуардъ. А я не очень радъ.

Карлъ. Для чего же, братецъ?

Эдуардъ. Для того, что онъ всегда найдетъ причину дѣлать мнѣ выговоры.

Карлъ. Ну! такъ выговоры его должны тебя исправлять. Мнѣ кажется, что тѣ люди, которые по благосклонности своей предостерегаютъ насъ о нашихъ погрѣшностяхъ, конечно могутъ почесться искренними нашими друзьями; и я ихъ почитаю гораздо больше тѣхъ, которые намъ ласкаютъ.

Эдуардъ. Я думалъ по кр йней мѣрѣ, что на нѣсколько времени избавлюся отъ несносной Латыни. Однакожъ нѣтъ, мы будемъ принуждены всякой день твердить наши уроки также, какъ и въ городѣ, и все таки будемъ учиться по Аглински, Исторіи и Географіи.

Карлъ. Ну конечно, и упражненіе будетъ прогонять нашу скуку, и отъ того наши забавы будутъ намъ пріятнѣе. Въ молодыхъ лѣтахъ должно привыкать къ трудамъ. --- Однакожъ ты Эдуардъ еще не уложилъ своихъ вещей?

Эдуардъ. Я прикажу человѣку все уложить.

Карлъ. Да ему и безъ того севодни много дѣла.

Эдуардъ. Чтожъ нужды, онъ за то ляжетъ спать попозже.

Эмилія. Бѣдняшка! весь день въ работѣ, а ты еще хочешь, чтобъ онъ позже легъ спать.

Эдуардъ. И чтожъ это за бѣда.

Эмилія. Хотя и не бѣда, но ты долженъ его пожалѣть, здѣлавъ это самъ, потому что тебѣ время на то есть. А сверхъ того это и не твой человѣкъ, и ты не можешь ничего ему приказывать. Папинька намъ часто говаривалъ, что тотъ, кто приказываетъ другимъ дѣлать то, что можетъ самъ сдѣлать безъ труда, всегда привыкаетъ къ гордости или къ лѣности.

Эдуардъ. Послушай, сударыня, мнѣ не нужны твои наставленія, оставь ихъ для себя.

Размолвка ихъ дошла бы до настоящей ссоры, но Карлъ взявъ

нихъ обоихъ за руки: Ну, милые, помиритесь, сказалъ онъ имъ. Братьямъ и сестрамъ дурно ссориться. Отъ того раждается въ сердцахъ зависть и мщеніе. Эдуардъ! коли тебѣ лучше хочется остаться здѣсь, то дай мнѣ ключи; я уложу твои вещи, пока человѣкъ пойдетъ обѣдать.

О матушка! какая разница между этими двумя братьями! и какія любезныя свойства ласковость и услужливость! Однако прощайте, я долженъ васъ оставить. Постараюсь къ вамъ описать тотчасъ по прибытіи нашемъ въ деревню. Жаль только, что вы и сестрица не можете быть съ нами.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Мы уже здѣсь, любезная матушка! О какой прекрасной загород-

ный домъ! Со всѣхъ сторонъ плѣнительныя гулянья. Въ саду такая чистота, которая съ перваго взгляду плѣняетъ. У Карла особливой садъ, гдѣ онъ можетъ сѣять и садить все, что ему вздумается. И знаете ли, что онъ здѣлалъ? Нѣтъ! ничто не можетъ быть благороднѣе такого поступка.

Изъ сбереженныхъ своихъ денегъ, на которыя хотѣлъ онъ купить токарные инструменты, подарилъ онъ три гульдена садовнику, имѣвшему присмотръ за его садомъ во время отсутствія его. Онъ конечно бы могъ и не подарить его, потому что его отецъ достаточную плату даетъ садовнику. Но у этого человѣка шестеро малолѣтныхъ дѣтей, онъ бѣденъ, а Карлъ благотворителенъ; и такъ мнѣ кажется, что онъ очень хорошо поступилъ въ семъ случаѣ. Однакожъ Эдуарду показалось, что онъ не хорошо сдѣлалъ. Не глупъ ли ты братецъ?

сказалъ онъ ему. Зачто ты далъ столько денегъ этому человѣку? Батюшка платитъ ему за работу.

Правда, братецъ, отвѣчалъ Карлъ. Но посмотри, какъ онъ хорошо смотрѣлъ за моимъ садомъ, и за то нужно было его наградить. Впрочемъ онъ не богатъ, и у него много дѣтей. Не справедливо ли имѣть сожалѣніе къ нещастнымъ.

Эдуардъ. Такъ, однакожъ по крайней мѣрѣ на что тебѣ давать ему больше того, что ему слѣдуетъ?

Карлъ. Ахъ! братецъ, есть ли бы батюшка всегда давалъ намъ только-то, что мы по справедливости можемъ требовать, то бы мы очень мало получали.

Эдуардъ. Развѣ ты осмѣлишься ему сказать о томъ, что ты теперь сдѣлалъ?

Карлъ. Безъ сомнѣнія; я надѣюсь, что никогда небуду дѣлать такого, чего бы я ему не могъ сказать.

Эдуардъ. Я увѣренъ, что онъ тебя побранитъ за то добрымъ порядкомъ.

Карлъ. А я напротивъ увѣренъ, что онъ меня совсѣмъ бранить не станетъ. Я видалъ часто, что онъ самъ дарилъ садовника, когда былъ доволенъ его трудами.

Эдуардъ. Батюшка даетъ свои деньги, а ты даешъ чужія.

Карлъ. Прошу извинить братецъ! Деньги, которыя я отдалъ садовнику, были точно мои. Я ихъ собралъ моею бережливостію, мнѣ позволено было ими располагать, и я не могъ лучше оныя употребить.

Эдуардъ. Какъ! Не лучше ли бы было естьлибъ ты купилъ, такъ какъ я, ракитокъ и шутихъ, чтобъ сдѣлать маленькой фейерверкъ для матушки, празднуя наше прибытіе сюда.

Карлъ. Ракитки только на одну минуту; а сверхъ того отъ

нихъ часто бываютъ нещастныя случаи. При томъ повѣрь мнѣ братецъ, матушка будетъ очень довольна мною, что я такъ употребилъ мои деньги. Садовникъ купитъ башмачонки для малыхъ своихъ дѣтей, и они не будутъ больше бѣгать босикомъ по камнямъ и по грязи.

Эдуардъ. И такъ ты думаешъ, что можешъ по твоей волѣ употреблять деньги, которыя батюшка даетъ?

Карлъ. Не всегда. Когда мнѣ онъ дастъ ихъ на покупку вещей необходимо мнѣ нужныхъ, то я былъ бы и неблагодаренъ и непослушенъ, естьли бы издержалъ ихъ на что нибудь другое; но когда онъ мнѣ дастъ ихъ на собственныя мои надобности, то въ моей воли состоитъ употреблять ихъ такъ, какъ я хочу, только лишь бы въ томъ не вредилъ ни себѣ, ни другимъ. А чѣмъ полезнѣе я ихъ употреблю для

другихъ, тѣмъ довольнѣе батюшка будетъ мною.

Эдуардъ. Ты право смѣшной мальчикъ. Ты было назначилъ тѣ три гульдена на покупку токарныхъ инструментовъ, а вмѣсто того отдалъ ихъ такому человѣку, до котораго тебѣ совсѣмъ и дѣла нѣтъ.

Карлъ. Нѣтъ, онъ мнѣ жалокъ. Сохрани меня Богъ, чтобъ я только думалъ о своихъ забавахъ, не безпокоясь о нуждахъ другихъ. Ахъ! любезный Эдуардъ, будемъ жалостливы къ бѣднымъ; они такіе же люди, какъ и мы; они наши братья. Я и безъ токарныхъ инструментовъ не менѣе буду благополученъ.

Эдуардъ не могъ ничего на то отвѣчать, и оставя насъ, пошелъ играть съ кошкою, сидѣвшею на дерновой лавкѣ.

Что вы объ этомъ думаете, маминька! Я стыжусь за Эдуарда, и люблю Карла еще больше. О естьли я когда сверьхъ нужнаго

что нибудь лишнее имѣть буду, то никогда не употреблю ничего на мои удовольствія, не оказавъ напередъ какому ни будь неимущему помощи въ его нуждѣ. Какое большое удовольствіе должно быть помогать человѣку, имѣющему нужду въ нашей помощи! Прощайте, любезная матушка; Я съ нетерпѣливостію ожидаю вашихъ писемъ.

Госпожа Дюфуръ къ своему сыну.

Послѣднее твое письмо, милый сынъ, меня восхитило. Ты справедливо предпочитаешъ образъ мыслей Карла предъ Эдуардовымъ. Какъ довольно было сердце его, видя радость честнаго садовника! Это удовольствіе для него будетъ возобновляться всегда, когда онъ увидитъ бѣдныхъ дѣтей въ башмакахъ. Лучшій спо-

собѣ заслуживать быть богатымъ, есть дѣлать людей благополучными. Но чтобъ быть истинно щедрымъ, не довольно раздавать бѣднѣ деньги; надобно по примѣру Карла умѣть лишать себя удовольствій, дабы быть въ состояніи давать болѣе. Надобно, любезный Гильомъ, давать только тѣмъ, которые желали бы трудиться, но слабость здоровья, или старость, или болѣзни имъ въ томъ препятствуютъ; также и тѣмъ, которые, какъ садовникъ, работаютъ весь день, и при всемъ томъ не получаютъ довольно, чтобы прокормить и одѣть дѣтей своихъ. Послушай сынъ мой, можно быть щедрымъ и безъ богатства. Естьли ты не можешь давать денегъ, то можешь помогать нещастнымъ совѣтами, можешъ утѣшать ихъ въ бѣдствіи, и можешъ просить объ нихъ достаточныхъ и тебѣ знакомыхъ людей, которые тебя любятъ и почитаютъ. Но при томъ ты

долженъ чувствовать, что для этого нужно, чтобъ ты употреблялъ свое время къ наукамъ и къ пріобрѣтенію знаній и добродѣтелей, которыя бы тебя сдѣлали достойнымъ любви.

Господинъ Делиль доставилъ мнѣ твой рисунокъ. Я радуюсь, что ты столь похвально успѣваешъ въ твоемъ ученьи. Рисованье, любезный сынъ, есть похвальное искуство, которое ты не долженъ пренебрегать, и естьли бы небо опредѣлило тебя и въ другое званіе, къ другимъ дѣламъ, то рисованіе будетъ для тебя забавнымъ упражненіемъ, которое предохраняя тебя отъ праздности, предохранитъ и отъ пороковъ, которые она влечетъ за собою. Употребленіе свободныхъ часовъ на полезное или пріятное искуство, есть вѣрное предохраненіе юности отъ страстей. Я надѣюсь, что ты не забудешъ мое наставленіе, также какъ и

любовь мою, съ которою я мысленно тебя обнимаю.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Ахъ! матушка, у насъ великое нещастіе случилось. Эдуардъ боленъ, и Госпожа Делиль также, а мы всѣ въ печали. Вы увидите, что Эдуардъ самъ виноватъ тому, что онъ теперь терпитъ. Онъ еще щастливъ, что спасся. Естьли бы ему тотчасъ не помогли, то конечно бы утонулъ.

Это было вчера послѣ обѣда. Онъ по утру не выучилъ своего урока, и за то Господинъ Дѣлиль приказалъ ему остаться въ его комнатѣ для выученія онаго. Но посмотрите, какъ онъ не послушенъ! Не смотря на это приказаніе, онъ вышелъ и пришелъ къ намъ. Но позвольте мнѣ пожалуй-

те разсказать вамЪ все обстоятельно, какЪ это случилось.

Мы сЪ четверть часа какЪ вышли на хуторЪ, которой не очень далеко, сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ, чтобЪ тамЪ пополдничать сливками: вдругЪ услышали мы, что ЭдуардЪ бѣжитЪ за нами запыхавшись. Мы остановились и дождались его, думая, что ему позволили итти сЪ нами. ОнЪ догналЪ насЪ, и мы пошли вмѣстѣ. Вскорѣ встрѣтились мы сЪ мальчикомЪ, которой везЪ на тѣлежки боченокЪ сЪ постнымЪ масломЪ. ОнЪ посторонился учтиво, дабы насЪ пропустить, но колесо попало вЪ выбойну, тѣлежка опрокинулась и боченокЪ скатился. Бѣдной мальчикЪ не зналЪ что дѣлать, потому что не вЪ силахЪ былЪ одинЪ поднять боченка на тѣлежку, и никого тутЪ не было, кто бы могЪ пособить ему. КарлЪ тотчасЪ побѣжалЪ кЪ нему: ступай ГильомЪ, ступай ЭдуардЪ, кричалЪ онЪ намЪ, мы должны помочь это-

му доброму мальчику, и четверо сможемъ поднять боченокъ. Вотъ хорошо, отвѣчалъ Эдуардъ, куды пристало намъ заниматься такимъ дѣломъ и марать платье. Для чего же не такъ? говорилъ Карлъ: мнѣ кажется никакой нѣтъ непристойности дѣлать добро; а чтобъ не замарать наше платье, то мы можемъ остеречься. Ну! оставайся и смотри на насъ, а мы и трое то можемъ сдѣлать. Эдуардъ въ самомъ дѣлѣ остался; но мы двое помогли мальчику, и въ минуту тѣлежку подняли и поставили на нее боченокъ. А между тѣмъ Эдуардъ пѣлъ и смѣялся надъ нами. Мальчикъ былъ очень радъ, и поблагодаря насъ повезъ свою тѣлежку. Ну Карлъ, сказалъ Эдуардъ, это прекрасно; я замѣчаю, что ты будешь со временемъ хорошій масляникъ. Такъ что же братецъ? отвѣчалъ ему Карлъ улыбаясь, естьли я когда нибудь буду масляникомъ и со мною также случится неща-

стіе, что опрокинется моя тѣлежка, то я очень буду радъ, естьли найдется такой человѣкъ, которой изъ жалости мнѣ поможетъ. Смѣйся, отвѣчалъ Эдуардъ; да что скажетъ батюшка, естьли узнаетъ, что ты сдѣлалъ? Карлъ ему тѣмъ будетъ милѣе, сказала Эмилія; батюшка доброй человѣкъ, и на Карловомъ мѣстѣ онъ безъ сомнѣнія то же бы сдѣлалъ. -- Фуй, сказалъ Эдуардъ, вы заставляете меня краснѣть за васъ обоихъ: очень пристало такимъ людямъ, какъ мы, мѣшаться въ дѣла крестьянскаго мальчика! Такимъ людямъ, какъ мы? прервалъ Карлъ; а кпожъ мы таковы? Правда; батюшка почитаемъ всѣми, какъ именитой купецъ, и какъ совершенно честный человѣкъ; но мы, Эдуардъ! мы еще дѣти, и можетъ быть со временемъ будемъ меньше почитаемы, нежели этотъ мальчикъ, котораго ты теперь такъ презираешь. Тебѣ бы должно помнить то, что ба-

тюшка намъ часто говаривалъ, что всѣ люди между собою братья, и что тотъ, которой оказываетъ больше услугъ другимъ, всегда больше почитаемъ. Впрочемъ естьли мы помогли этому мальчику, то кто знаетъ, не будетъ ли со временемъ кому нибудь изъ насъ нужна его помощь?

Вы увидите, матушка, что Карлъ не ошибся. Лишь только пришли мы на хуторъ, какъ Эдуардъ звалъ насъ кататься на лодкѣ, которая была тутъ близко на пруду. Эмилія и Карлъ отказались, говоря, что ихъ батюшка это имъ строго запретилъ. Вотъ тебѣ на! Онъ про это ни отъ кого не узнаетъ, сказалъ Эдуардъ. Однакожъ братецъ, отвѣчалъ Карлъ, намъ не должно ничего такого дѣлать, о чемъ бы батюшка не могъ знать. Коль не хотите, сказалъ Эдуардъ; такъ я пойду гулять по лугу, а здѣсь мнѣ скучно. Мы всѣ думали, что

онъ въ самомъ дѣлѣ туда пойдетъ. Но, какъ бы вы думали, матушка? Вмѣсто того, чтобъ итти туда, какъ онъ сказалъ, онъ обошелъ около хутора, и сѣлъ въ лодку. Черезъ полчаса мы услышали крикъ, и тотчасъ туда побѣжали съ прикащикомъ и его сыномъ. Какъ мы испугались, когда увидѣли лодку опрокинуту и нещастнаго Эдуарда въ водѣ!

Мальчикъ стоялъ въ водѣ возлѣ его, и тащилъ его за кафтанъ, но не имѣлъ столько силы, чтобъ вытащить. Его-то крикъ мы и слышали. Прикащикъ бросился тотчасъ въ прудъ, и наконецъ вытащилъ ихъ обоихъ изъ воды. Но Эдуардъ былъ безъ памяти и безъ движенія. Эмилія рыдала, я былъ такъ тронутъ, что не могъ ни слова говорить, одинъ только Карлъ былъ спокоенъ и сохранилъ присутствіе духа. Онъ приказалъ тотчасъ, чтобъ брата отнесли въ домъ къ прикащику,

дабы привесть его въ чувство; потомъ говорилъ сестрѣ, чтобы она успокоилась, опасаясь, чтобъ отецъ не услышалъ ея крику. Я пойду къ нему, примолвилъ онъ, и осторожно предупрежу его о случившемся нещастіи; а вы смотрите за братомъ.

Не удивляетесь ли вы, маминька, такой разумной и нѣжной предосторожности?

Но какой это ударъ былъ для родителей, когда они узнали о томъ. Госпожа Делиль упала въ обморокъ. Господинъ Делиль, подавъ ей нужную помощь, побѣжалъ къ сыну. Его несли домой, и никто не думалъ, чтобъ онъ ожилъ. Г. Делиль при всей своей твердости, залился слезами. О! какъ доброй отецъ любитъ дѣтей своихъ! Онъ забываетъ всѣ ихъ проступки, видя ихъ въ опасности! Какъ не благодарно то дитя, которое забываетъ, что всякой важной его проступокъ терзаетъ сердце родителей!

употребя много стараній, привели въ чувство Эдуарда; но онъ лежитъ въ постелѣ; у него теперь сильная лихорадка, и вотъ онъ довольно наказанъ за свое непослушаніе. Онъ былъ близокъ къ смерти, и черезъ то могъ бы лишить жизни и мать свою! Вотъ наставленіе для меня, быть всегда послушнымъ и покорнымъ.

Прощайте, любезнѣйшая матушка; я не замедлю опять къ вамъ писать.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Госпожѣ Делиль гораздо лучше, любезнѣйшая матушка! Эдуардъ скоро оправится, и я надѣюсь, что этотъ случай его научитъ. Я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ о мальчикѣ, которой спасъ Эдуарда, держа его за платье. Но я забылъ вамъ сказать, что это

тотъ самой былъ мальчикъ, которой везъ тѣлежку, и которому мы помогли.

Карлъ справедливо тогда сказалъ, что можно имѣть нужду въ помощи всякаго человѣка, и не знавъ въ какомъ случаѣ; и это должно быть причиною для насъ, никого не презирать, но быть всякому полезнымъ, когда случай къ тому представится. Конечно бы Эдуардъ погибъ, естьли бы мы не помогли мальчику; ибо естьлибъ онъ остался на дорогѣ съ опрокинутой тѣлежкой, то не подоспѣлъ бы къ спасенію Эдуарда, и не могъ бы кричать о помощи. Я долженъ вамъ описать разговоръ, которой мы имѣли объ этомъ приключеніи вчера послѣ обѣда, когда мы были съ Господиномъ Делиль у больнаго въ комнатѣ.

Эдуардъ. Вы очень любезны, что пришли меня навѣстить.

Карлъ. И ты бы, братецъ, пришелъ къ намъ, естьли бы мы были больны.

Эдуардъ. Гильому можетъ быть лучше хотѣлось итти гулять.

Гильомъ. Право нѣтъ, Эдуардъ, для меня очень пріятно видѣть, что ты начинаешь поправляться.

Эмилія. А особливо, когда мы подумаемъ, что чуть было тебя не потеряли.

Эдуардъ. Правда, безъ того добраго мальчика я бы конечно утонулъ.

Г. Делилъ. Я очень радъ, любезный сынъ, что ты такъ думаешъ. Теперь ты видишъ, какъ и Карлъ тебѣ говорилъ, что ни когда не льзя знать, не будемъ ли мы имѣть нужды въ томъ человѣкѣ, которому нужда бываетъ въ насъ.

Эдуардъ. Конечно такъ, батюшка. Я очень жалѣю, что не помогъ этому мальчику, которой долженъ былъ послѣ того мнѣ оказать великую услугу.

Г. Делилъ. Я тобою доволенъ, сынъ мой, что ты признаешъ свою

вину. Ты долженъ всегда помнить о своемъ избавителѣ, съ тѣми мыслями, что можетъ быть когда нибудь будетъ такой случай, гдѣ ты ему тѣмъ же заплатить можешъ. До того же времяни ты можешь нѣкоторымъ образомъ отплатить ему, помогая вмѣсто его всѣмъ тѣмъ, коихъ ты увидишь въ нуждѣ. Изъ твоего нещастія ты можешь еще то полезное наставленіе имѣть, что бы никогда не презирать тѣхъ, которые кажутся по состоянію своему хуже насъ. Что бы сдѣлалъ на мѣстѣ этаго деревенскаго мальчика городской молодчикъ? Онъ бы безъ сомнѣнія только сталъ кричать о помощи, а не бросился бы тебя спасать, и ты бы могъ утонуть въ его глазахъ, прежде нежели бы онъ отважился и ногою ступить въ прудъ. Напротивъ того деревенской мальчикъ, будучи смѣлѣе и сострадательнѣе, бросился въ воду, подвергая опасности собственную свою жизнь.

Ты не сдѣлалъ ему малой услуги, которая тебѣ бы стоила малаго труда, а онъ не смотря на твое жестокосердіе къ нему, не страшился подвергнуть опасности свою жизнь для твоего спасенія. ---- Сдѣлалъ ли ты до сихъ поръ, и сдѣлаешъ ли еще можетъ быть и во всю свою жизнь такое дѣло, какъ онъ? Нѣжные родители, братъ, сестра и другъ ему обязаны спасеніемъ милаго человѣка, котораго они могли лишиться. И такъ остерегайся презирать кого нибудь изъ подобныхъ себѣ, въ какомъ бы состояніи судьба ихъ ни поставила, по тому что люди низкаго званія намъ бываютъ гораздо полезнѣе самыхъ знатнѣйшихъ. Остерегайся особливо, любезный сынъ, считать себя болѣе почтенія достойнымъ, и нужнѣе для свѣта, нежели ремесленники и земледѣльцы; безъ нихъ мы были бы всѣ въ жалостномъ состояніи, и всякой, кто исполняетъ обязанности своего

званія съ точностію и съ доброхотствомъ къ ближнимъ, тотъ всегда имѣетъ право на почтеніе наше; чтобъ быть достойнымъ уваженія, должно сдѣлаться полезнымъ для другихъ.

Во время разговора Г. Делиля, слезы навернулись у меня въ глазахъ, любезная матушка. Мнѣ казалось, что всѣ эти чувства были уже впечатлѣны въ моемъ сердцѣ. Это справедливо, я нѣсколько разъ замѣтилъ, что простолюдимы охотнѣе помогаютъ, видя кого нибудь въ нуждѣ. Между тѣмъ какъ знатные и богатые еще размышляютъ, пристойно ли имъ оставить свое спокойствіе, увеселенія или праздность, то простолюдимы уже помогли, или спасли нещастнаго. Кто такъ расположенъ помогать своимъ братьямъ, тотъ не можетъ имѣть худаго сердца.

Прощайте, любезная матушка; мы завтра ѣдимъ обѣдать къ

сестрѣ Господина Демиля. Я долженъ васъ оставить. Намъ должно сего дни ранѣе лечь спать, дабы завтра рано встать. Эдуардъ не поѣдетъ съ нами: ему это такъ досадно, что и я за него о томъ жалѣю. Вотъ еще наказаніе за его проступокъ. Я вамъ буду писать о нашемъ посѣщеніи. Одно ваше письмо, любезная матушка, весьма бы обрадовало меня. Простите.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Намъ было очень весело у Господина и Госпожи Оберъ. Желалъ бы я, чтобъ вы увидѣли, какъ другъ мой Карлъ велъ себя въ многочисленной компаніи. Я былъ очень не ловокъ противъ него, однакожъ все еще не такъ, кажется мнѣ, какъ другой мальчикъ почти нашихъ же лѣтъ. Онъ держалъ себя всегда такъ

принужденно; онъ ничего другаго не дѣлалъ, какъ поклоны; и не смѣлъ никому глядѣть прямо въ глаза, какъ будто бы стыдился какого нибудь худаго дѣла. Карлъ напротивъ учтивъ съ благородною смѣлостію; видъ его свободенъ и скроменъ; онъ слушаетъ другихъ со вниманіемъ, а самъ говоритъ мало, но все, что скажетъ, то справедливо и пріятно, и всѣ его со удовольствіемъ слушаютъ. Онъ съ удивительною разборчивостію изъявляетъ всякому то, что слѣдуетъ. Почтителенъ къ вышшимъ и старшимъ себя, онъ учтивъ съ равными, и ласковъ къ нижшимъ! О! какъ бы я желалъ сравниться съ нимъ во всемъ! Когда не знакомой кто нибудь говоритъ со мною, то я бываю въ замѣшательствѣ, и незнаю что отвѣчать, или боюсь сказать что нибудь такое, что могло бы оказать мою глупость — Но я чуть было не забылъ вамъ разсказать,

что съ нами случилось на возвратномъ пути. Господинъ и Госпожа Делиль поѣхали впередъ съ Эмиліей и съ одной дамой изъ сосѣдства, Г. Вернетъ, Карлъ и я были въ другой каретѣ. Проѣхавъ съ полмили, увидѣли мы бѣднаго старика, сидящаго подъ деревомъ. Карлъ приказалъ кучеру остановиться, и оборотясь къ Г. Вернету: пожалуйте, сударь, сказалъ ему, посмотрите на этого старика! Онъ кажется слѣпъ, и съ нимъ никого нѣтъ. Что дѣлаетъ тутъ этотъ бѣднякъ? Позвольте мнѣ выттти и поговорить съ нимъ? Хорошо, другъ мой, отвѣчалъ ему почтенный Г. Вернетъ. Карлъ тотчасъ вышелъ изъ кареты и побѣжалъ къ бѣдному слѣпому. Кто ты таковъ, другъ мой? спросилъ онъ его, и что ты дѣлаешъ одинъ въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ? Увы! отвѣчалъ слѣпой, я живу больше мили отсюда: я вышелъ сего дни по утру просить милостыни въ деревнѣ, которая...,

я не знаю вЪ которой она стороНѢ; а вожатой мой, негодной шалунЪ, не хотѢлЪ меня проводить, потому что я не собралЪ столько денегЪ, что бы ему заплатить по обыкновенію: я надѣюсь только на Бога, которой можетЪ быть пошлетЪ кого нибудь мнѣ на помощь. --- ОднакожЪ, говорилЪ ему КарлЪ, солнце уже сѣло, и скоро наступитЪ ночь, какЪ же ты останешся здѣсь? Я долженЪ буду погибнуть, отвѣчалЪ слѣпой. НѣтЪ сказалЪ на то КарлЪ; я буду тотЪ, котораго ты ожидаешь отЪ Бога для спасенія твоего. АхЪ! ГосподинЪ ВернетЪ, сказалЪ КарлЪ пришедши кЪ намЪ, неужели вы не позволите мнѣ имѣть удовольствіе спасти бѣднаго слѣпаго, оставленнаго безЪ помощи, и которой погибнетЪ, естьли мы надЪ нимЪ не сжалимся? Ночь наступаетЪ, что будетЪ дѣлать бѣдной старикЪ, естьли нѣкому его проводить? ОнЪ живетЪ только одну милю отсюда; почему

не можемъ мы довезти его туда въ нашей Каретѣ? --- Такъ, Карлъ отвѣчалъ ему Г. Вернетъ, слѣдуй внушеніямъ великодушнаго твоего сердца, Карлъ выслушавъ это, тотчасъ пошелъ къ старику, и взявъ его за руку, посадилъ въ карету. Другой, кромѣ моего друга, постыдился бы можетъ быть, ѣхать съ человѣкомъ въ лохмотьяхъ: но онъ напротивъ, кажется, считалъ это себѣ за честь. Намъ не далеко надо было своротить съ дороги, чтобъ старика завезти въ его избу. Я примѣтилъ, что Карлъ, помогая ему вытти изъ кареты, сунулъ ему тихонько денегъ въ руку. Старикъ оставилъ насъ, желая намъ всякаго благополучія. По пріѣздѣ нашемъ, всѣ его хвалили за такое человѣколюбивое дѣло. Но, сказала Эмилія, этотъ человѣкъ съ бородою и въ лохмотьяхъ, конечно дѣлалъ странную фигуру въ вашей каретѣ. --- Ахъ? сестрица, я не думалъ о его одеждѣ, отвѣ-

чалъ Карлъ; такъ я былъ радъ тому; что имѣлъ случай помочь нещастному. Господинъ Делиль простеръ къ нему свои объятія, и Карлъ бросился къ нему. Отецъ, обнявъ его съ нѣжностію, сказалъ ему: продолжай, любезный сынъ, продолжай не только быть жалостливымъ къ нещастнымъ, и имъ помогать; но и почитать ихъ. Незабывай никогда, что Христосъ обѣщалъ наградить насъ за всѣ услуги, которыя мы окажемъ отъ добраго сердца, и сожалѣнія всѣмъ страждущимъ, и которыя онъ приметъ за оказанныя ему самому; но не забывай также, что для пріобрѣтенія права быть благодѣтельнымъ и щедрымъ, надобно начать тѣмъ, чтобъ быть справедливымъ, воздавая всякому то, чѣмъ мы ему обязаны, и исполняя всѣ должности своего состоянія и званія. Богъ уважитъ только щедрость человѣка трудолюбиваго, дѣятельнаго и воздержнаго.-- Карлъ со слезами поцѣловалъ ру-

ку своего родителя; а я? ахъ матушка! какъ бы непростительно было для меня, естьли бы я не воспользовался толь хорошимъ примѣромъ.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Благодарю васъ, любезная матушка, за милостивое письмо ваше. Вы очень давно ко мнѣ не писали. Я боялся, что вы чѣмъ нибудь не довольны мною. Знаете ли, что я дѣлаю? Я ношу всегда съ собою послѣднее ваше письмо, чтобъ чаще его читать, и повторять ваши наставленія. Мнѣ кажется, что всякой разъ по прочтеніи, добрыя мои намѣренія болѣе и болѣе во мнѣ утверждаются.

Вчера были имянины Госпожи Делиль. Карлъ всталъ очень рано. Онъ молился гораздо долѣе обык-

новеннаго. Онъ конечно благодарилъ Бога, что онъ даровалъ ему такую нѣжную мать, и просилъ его, думаю я, сохранить ее, и подкрѣпить его въ намѣреніи повиноваться ей во всю его жизнь. По томъ надѣлъ онъ новое платье, и вамъ бы онъ очень понравился въ немъ. Однакожъ я долженъ вамъ описать все случившееся гораздо прежде.

Съ мѣсяцъ уже, какъ Эдуардъ и Карлъ получили новыя платья, по ихъ собственному выбору. Эдуардъ свое тотчасъ сталъ носить, а Карлъ носилъ все еще прошлогоднее платье, которое было еще очень хорошо. Когда отецъ у него спрашивалъ, для чего онъ новое платье не носитъ, то онъ отвѣчалъ, что бережетъ его для праздничнаго посѣщенія. Вотъ, матушка, это посѣщеніе было то, которое онъ долженъ былъ сдѣлать своей матушкѣ, въ день ея имянинъ. Какъ любезенъ Карлъ! и

какъ хорошо выдумано все, что онъ дѣлаетъ! Эмилія уже стучалась у нашихъ дверей, и ожидала насъ съ нетерпѣніемъ. Мы вмѣстѣ сошли внизъ, и нашли Господина и Госпожу Делиль въ залѣ за чаемъ. Карлъ первый поздравилъ свою матушку. О! естьли бы я могъ вспомнить все то, что онъ ей говорилъ! Но я былъ слишкомъ растроганъ, чтобы могъ затвердить всѣ его слова: онъ ей обѣщалъ, вѣчно быть благодарнымъ, и ежедневно стараться въ уплату за материнскія ея попеченія объ немъ, дѣлать ей честь своимъ поведеніемъ, своими знаніями и добродѣтелями: при томъ поднесъ онъ ей букетъ цвѣтовъ, которые самъ возрастилъ. Послѣ его Эмилія поднесла своей матушкѣ прекрасной работной кошелекъ своей работы. Этотъ подарокъ былъ совсѣмъ не ожидаемъ, и потому былъ тѣмъ пріятнѣе. Госпожа Делиль обняла своихъ дѣтей, и цѣловала ихъ съ нѣж-

ностію." По томъ обнялъ ихъ и отецъ, между тѣмъ, какъ я дѣлалъ свое поздравленіе какъ умѣлъ. По крайней мѣрѣ оно было отъ искренняго сердца, ибо я истинно люблю достойныхъ моихъ благодѣтелей. Эдуардъ пришелъ послѣ насъ. Я очень увѣренъ, что онъ любитъ свою матушку. Да кто бы и не любилъ ее! Но какъ бы то ни было, онъ не могъ мнѣ сдѣлать такого удовольствія, какъ Карлъ. Одинъ дѣлаетъ все пріятнѣе другаго. Эмилія получила прекрасныя серги; Карлу и Эдуарду подарили модныя пряжки; а мнѣ, любезная матушка, очень хорошій микроскопъ, и Геометрическіе инструменты. О! какъ любезна Госпожа Делиль! и чѣмъ заслужилъ я этотъ подарокъ?

Въ вечеру къ намъ собралось великое множество гостей изъ сосѣднихъ деревень. Карлъ раскладывалъ кушанье и подчивалъ Дамъ;

однимъ словомъ онъ хозяйничалъ за столомъ.

Вотъ какое длинное письмо, любезная матушка; но я пишу о моемъ другѣ, и къ вамъ, а потому не удивляюсь, что не могъ прежде кончить. Прощайте; любите меня, и не оставляйте вашими совѣтами.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Я всякой день здѣсь нахожу новыя удовольствія, любезная матушка. Сынъ вашъ сдѣлался теперь садовникомъ. Хочешь ли мнѣ помочь, сказалъ мнѣ намедни другъ мой? Надобно было сдѣлать другое расположеніе саду. Время цвѣтовъ уже прошло. Я хочу насѣять салату, чтобъ подчивать матушку во все лѣто. --- Съ охотою, отвѣчалъ я ему: я тебѣ очень буду обязанъ всегда, когда ты мнѣ дашь случай сдѣлать что нибудь

для тебя. Мы тотчасъ надѣли легкіе камзольчики, и оба принялись за лопатки. --- Въ тотъ же вечеръ садъ былъ расчищенъ : мы выбрали лукъ, дабы передъ отъѣздомъ нашимъ опять посадить его въ землю. Вчера мы встали въ пять часовъ : въ нашей работѣ не долго спятъ, потому что при солнечномъ жару ничего не можно пересаживать. Сего дни по утру мы очень рано принялись за работу, и къ удовольствію нашему кончили ее прежде завтрака. Мы дожидаемся, когда взойдутъ наши посѣвы, и когда примутъ корень посаженныя нами деревья. Между тѣмъ намъ довольно дѣла будетъ полоть траву. Какое удовольствіе будетъ для насъ видѣть, какъ будутъ приниматься наши маленькія растѣнія. Эдуардъ смѣется надъ нами ; но не правда ли, любезная матушка, что сѣять и садить гораздо пріятнѣе, чѣмъ бѣгать и гулять безъ виду и намѣренія? Тѣло отъ того дѣлается

гибче и члены развязнѣе; при томъ чрезъ то можно научиться лучше почитать труды и тѣхъ, которые обдѣлываютъ землю, и которымъ мы понастоящему обязаны нашимъ пропитаніемъ. Я досѣлѣ думалъ также, какъ и другіе дѣти, которые пользуются произведеніемъ натуры, не разсуждая объ нихъ; но Карлъ научаетъ меня разсуждать обо всемъ, что я вижу.

Я могу вамъ привести тому еще примѣръ въ разговорѣ, которой мы имѣли. Не знаю, писалъ ли я уже къ вамъ, что у Карла былъ прекрасной птичникъ съ разными птицами, за которыми онъ самъ ходитъ. По окончаніи нашей садовой работы, мы прогуливались съ Эмиліею. Подождите не множко, сказалъ онъ намъ, я долженъ васъ оставить; я еще не кормилъ моихъ птицъ.

Эмилія. Пойдемъ съ нимъ, Гильомъ.

Гильомъ. Съ охотою, Эмилія.

Карлъ. Какъ вы милы, что хотите посмотрѣть моихъ питомцовъ.

Гильомъ. О прекрасныя птички! какъ они радуются видя тебя!

Карлъ. Это отъ того, что они привыкли ѣсть изъ моихъ рукъ.

Гильомъ. Можно сказать, что они тебя узнаютъ?

Карлъ. Я ласкаюсь, что они нѣсколько меня знаютъ; однакожъ примѣтилъ, что когда я приду къ нимъ въ шляпѣ, тогда они отъ меня улетаютъ, какъ будто бы я имъ былъ чужой. Привязанность моей собаки надежнѣе, и она меня, думаю я, узнаетъ, въ чемъ бы я ни былъ.

Эмилія. Эдуарду должно поучиться у тебя быть гораздо попечительнѣе. Не уморилъ ли онъ намедни съ голоду свою коноплянку? О! естьли бы у меня была птичка, я бы никакъ объ ней не забыла.

Карлъ. Ты права. Должно имѣть попеченіе объ этихъ бѣдненькихъ птичкахъ, потому что они не могутъ сами о себѣ стараться.

Эмилія. Но не лучше ли бы еще было ихъ выпустить на волю, нежели держать въ заперти? Заключаютъ только тѣхъ, которые сдѣлали что нибудь худое другимъ; а эти бѣдненькія птички конечно никому ничего не сдѣлали.

Карлъ. О! безъ сомнѣнія; но они не нещастны и въ клѣткѣ. Естьли бы они прежде были на волѣ, то я бы конечно ихъ не лишилъ свободы; но они родились, тутъ, и я бьюсь объ закладъ, что, естьли я отопру птичникъ, то они не скоро вылетятъ.

Эмилія. Однакожъ они видятъ, что другія птички свободно летаютъ по воздуху. Каково бы намъ было, естьли бы насъ заперли?

Карлъ. Намъ бы очень скучно было сидѣть взаперти, и очень бы хотѣлось быть на волѣ. Но мои птицы, которыя родились и воспитаны въ птичникѣ, никакого не имѣютъ понятія объ этой разности. Они довольны, естьли только ихъ кормятъ и поятъ. Они ради тому, что у нихъ есть, не думая о томъ, чего имъ недостаетъ.

Эмилія. Я очень рада, что ты меня въ этомъ успокоилъ. Тетушка мнѣ обѣщала подарить чижика. Я хотѣла взять его только съ тѣмъ, чтобъ выпустить на волю. Теперь я буду очень стараться объ немъ, и у него всегда довольно будетъ корму въ клѣткѣ и зимой, когда другія птички съ трудомъ ищутъ свою пищу подъ снѣгомъ.

Карлъ. Очень хорошо, Эмилія! Намъ не запрещено держать въ клѣткахъ птицъ для нашего увеселенія, которыхъ пѣніе насъ забавляетъ. Но когда мы забываемъ

имѣть объ нихъ попеченіе, и когда мы ихъ мучимъ изъ злости или шалости, то это худо и непростительно.

Вы видите, матушка, какое доброе сердце у Эмиліи! Я думаю, что сестрицѣ не покажется письмо мое слишкомъ длиннымъ. Вотъ хорошій образецъ къ подражанію ей.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Карлъ, Эдуардъ и я, обѣдали вчера у Г. Тесьера. Сынъ его нашъ почти ровесникъ, съ которымъ мы очень были веселы. Я вамъ опишу, любезная матушка, нашъ разговоръ объ немъ, когда мы пришли домой. Эмилія насъ встрѣтила, и спросила съ пріятнымъ видомъ, довольны ли мы были тамъ?

Очень довольны, любезная сестрица, отвѣчалъ Карлъ; но мнѣ

бы было еще веселѣе, естьли бы ты съ нами была.

Эмилія. Ты очень милъ, братецъ. Однакожъ Эдуардъ, кажется, не очень доволенъ.

Эдуардъ. Правда. Я въ другой разъ останусь дома. Молодой Тесье совсѣмъ мнѣ не нравится.

Карлъ. По чему же, Эдуардъ? Онъ такъ ласковъ и учтивъ!

Эдуардъ. По тому, что онъ больше кажется человѣкомъ въ сорокъ, нежели въ четырнадцать лѣтъ.

Карлъ. А это самое мнѣ въ немъ и нравится. Не удивительно ли тебѣ кажется, что онъ по своимъ лѣтамъ такъ разуменъ и знающъ?

Эдуардъ. Какая нужда ему была показывать намъ всѣ свои Физическіе инструменты? Чтобы ты сказалъ, естьли бы я сталъ говорить о пользѣ Геометріи кому нибудь, кто ничего объ ней не разумѣетъ? Учтиво ли бы это было съ моей стороны?

Карлъ. Конечно такъ, потому что ты знаешь, что не всѣ такъ воспитаны, чтобъ разумѣли объ этой наукѣ. Но молодой Тесье могъ думать объ насъ, что мы такъ же обучены, какъ онъ; и судя по его скромности, я не думаю, чтобъ онъ хотѣлъ насъ стыдить. Онъ хотѣлъ только насъ позабавить разными любопытными опытами электрической своей машины. Признаюсь, что они мнѣ тѣмъ болѣе сдѣлали удовольствія, что мнѣ показалось, что сіи знанія не свыше нашихъ понятій, и я отъ того получилъ больше желанія учиться всѣмъ наукамъ, которыя имѣютъ предметомъ познаніе натуры.

Эдуардъ. Что же ты скажешь на то, что у молодаго человѣка такъ богатаго, есть токарный станокъ?

Карлъ. Мнѣ онъ такъ полюбился, что я хочу, какъ скоро накоплю довольно денегъ, купить себѣ такой же станокъ. Ручны-

ми работами всегда пріятно проводится время, а особливо когда требуютъ нѣсколько искусства, которое полезно пріобрѣтать чрезъ упражненіе.

Эдуардъ. Мнѣ это право очень смѣшно кажется. Карлъ Делиль будетъ токаремъ! Прекрасная идея! Вотъ хорошее ремесло для тебя, когда будешъ когда нибудь бѣденъ.

Карлъ. Не шути, братецъ! Много людей, гораздо знатнѣе насъ, приходили въ бѣдность. Хотя я не думаю имѣть нужду въ токарномъ художествѣ для пропитанія своего, однакожъ буду заниматься имъ, когда устану отъ ученія. При томъ я думаю, что отъ того лучше буду въ состояніи судить о работахъ художниковъ и ремесленниковъ, естьли самъ буду заниматься иногда ручною работою, которая требуетъ прилѣжанія и точности. Мнѣ кажется очень непростительно,

естьли люди, которые сами никогда почти не работают, присвоивают себѣ право охуждать тѣхъ художниковъ, которые устают или скучаютъ иногда отъ дневной своей работы.

О! любезная матушка, естьли бы вы были столько богаты, что бы могли мнѣ купить токарной станокъ! Но нѣтъ, не безпокойтесь объ этомъ. Я буду работать на Карловомъ станкѣ. Молодой Тесье выточилъ при насъ изъ слоновой кости коробочку, которую мнѣ подарилъ. Я ее посылаю вамъ для сестрицы. Но скажите мнѣ, совсѣмъ ли правъ Карлъ, что извинялъ молодаго Тесье. Естьли я не ошибаюсь, то вы мнѣ говорили когда-то, что люди истинно скромные никогда не говорятъ о томъ, чего другіе не знаютъ; развѣ только когда ихъ о томъ попросятъ; а молодаго Тесье никто не просилъ, чтобъ онъ намъ дѣлалъ изъясненія о его

электрической машинѣ. Что касается до меня, любезная матушка, то я всегда буду остерегаться показывать изъ себя болѣе, нежели каковъ я въ самомъ дѣлѣ, и постараюсь показывать другимъ только тѣ мои качества, которыя могутъ мнѣ пріобрѣсть ихъ дружество и почтеніе, не возбуждая ихъ ревности.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Господинъ и Госпожа Делиль уѣхали на нѣсколько дней къ одному ихъ пріятелю, а Г. Вернетъ поѣхалъ въ городъ. И такъ, любезная матушка, мы теперь одни съ старою горнишною женщиною и однимъ слугою. Эмилія въ отсутствіи своей матушки смотритъ за хозяйствомъ. Она всѣмъ приказываетъ съ такимъ благоразуміемъ, какъ будто она де-

сятью годами старѣе. Не прекрасно ли это вЪ такой молодой дѣвушкѣ? Ей только двенадцать лѣтЪ, а слуги почитаютЪ ее уже какЪ Госпожу. Знаете ли почему? По тому, что она сЪ ними всегда говоритЪ ласково; однакожЪ безЪ всякой фамиліарности. Она вЪ этомЪ слѣдуетЪ примѣру своего брата Карла. Вы не повѣрите, какЪ его любятЪ и почитаютЪ всѣ люди вЪ домѣ. ЭдуардЪ, напротивЪ, все сЪ ними играетЪ, и они не могутЪ его терпѣть. Правда, онЪ часто имЪ дѣлаетЪ оскорбленіи и поступаетЪ сЪ ними сЪ несносною надмѣнностію. Также часто не слушается онЪ и своего родителя. Подумайте, любезная матушка, передЪ отъѣздомЪ своимЪ сказалЪ ему отецЪ его: ЭдуардЪ, естьли ты хочешЪ, чтобЪ тебя любили, то долженЪ имѣть сожалѣніе о слугахЪ; по тому что они для пропитанія своего должны исполнять твою волю, и для того ты долженЪ

имъ приказывать только самое нужное, и то порядочнымъ и даже ласковымъ образомъ; а когда они то исполнятъ, тогда твой долгъ и польза изъявлять имъ твое удовольствіе, не дѣлая имъ однакожъ никакой довѣренности. ---- Но Эдуардъ все противное тому дѣлаетъ. О! естьлибъ онъ поѣхалъ съ своими родителями! Теперь какъ ихъ нѣтъ здѣсь, чтобъ исправлять его поступки, то нѣтъ способа съ нимъ ужиться.

Карлъ, Эмилія и я, также занимаемся нашимъ ученіемъ, какъ и при Господинѣ и Госпожѣ Делиль. Но Эдуардъ пользуется ихъ отсутствіемъ, и проводитъ цѣлые дни въ рѣзвости, или бѣгая по полямъ. Онъ даже и намъ мѣшаетъ въ нашихъ упражненіяхъ, какъ будто наша прилѣжность напоминаетъ ему о его лѣности. Мы вчера по утру въ углу комнаты рисовали, а Эдуардъ забавлялся тѣмъ, что заставлялъ ле-

тать привязаннаго на ниткѣ жука, и будто бѣгая за нимъ, подбѣгалъ къ намъ и толкалъ наши стулья, чтобъ намъ мѣшать въ работѣ. Эмилія разгорячась по своей вспыльчивости, хотѣла его крѣпко побранить; но Карлъ ее предупредилъ, и сказалъ съ кротостію своему брату: милый Эдуардъ, естьли ты хочешь играть, то пожалуй играй; но за чѣмъ ты намъ мѣшаешь?

Эдуардъ. Не видишь ли ты, что я бѣгаю за жукомъ?

Эмилія. Вотъ, можно этому повѣрить.

Карлъ. Я не хочу тебя сердить, но скажи мнѣ пожалуй, какое удовольствіе можетъ находить мальчикъ твоихъ лѣтъ въ такой забавѣ? Не мучаешь ли ты напрасно бѣдную тварь?

Эдуардъ. Ну хорошо, я его пущу, естьли ты со мною пойдешъ въ садъ.

Карлъ. То есть: естьли я не захочу итти съ тобою, то ты не

перестанешь мучить бѣднаго жука. Но онъ не виноватъ, естьли я съ тобой не пойду; и это уже не одна шалость, естьли ты не иначе хочешъ пустить на волю бѣдную тварь, какъ когда я исполню твое желаніе, чегобъ тебѣ и требовать не надлежало. Послушай, Эдуардъ, въ твои лѣта должно быть или очень корыстнымъ, или имѣть худое сердце, чтобы не дѣлать даромъ добраго дѣла.

Эдуардъ. Вотъ - те на! А тебѣ никогда не угодно дѣлать того, что я требую?

Карлъ. По моему мнѣнію гораздо лучше дѣлать то, что батюшка хочетъ; а онъ хочетъ, чтобы это время было употреблено на труды.

Эдуардъ. Какъ будто бы онъ здѣсь, чтобъ насъ къ тому принуждать?

Карлъ. И такъ ты ничего не дѣлаешь безъ принужденія.

Эмилія. О! это по тому, что Эдуардъ думаетъ, что праздность отличаетъ людей, не имѣющихъ нужду доставать себѣ пропитаніе.

Эдуардъ. Вы оба всегда противъ меня.

Карлъ. Никакъ братецъ: и хотя Эмилія правду говоритъ; но чтобъ доказать тебѣ, что я готовъ дѣлать, что тебѣ угодно, то сей часъ иду съ тобой. Я могу кончить мой рисунокъ и въ другое время. Пойдемъ въ садъ. Мнѣ всегда пріятно исполнять твое желаніе.

Они еще не прошли черезъ всю аллею, какъ пошелъ сильной дождь, которой ихъ принудилъ воротиться, къ великой досадѣ Эдуарда. Чтобъ его утѣшить, то Карлъ предложилъ ему, чтобъ намъ прочесть не много изъ древней исторіи. --- Поди ты, мнѣ не нужны твои книги, отвѣчалъ ему сурово Эдуардъ. Я не хочу быть ученымъ, а буду купцомъ.

Карлъ. А развѣ ты думаешь, что знаніе Исторіи для купца не полезно?

Эмилія. Хорошій купецъ, которой будетъ умѣть говорить только о цыфиряхъ и товарахъ!

Эдуардъ передразнилъ сестру, и хотѣлъ насъ уговорить играть въ уголки, взявъ къ тому еще одного слугу. Но Карлъ, которой не смотря на кротость ему свойственную, былъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ, отвѣчалъ ему: нѣтъ братецъ, не отъ меня зависѣло теперь, сдѣлать тебѣ пристойное удовольствіе, однакожъ дождь намъ помѣшалъ! Я тебѣ предлагалъ другую забаву, которой долженъ бы ты быть доволнымъ, но ты на то не согласился; сестра же и другъ мой на то согласны, то я думаю; что лучше исполнить ихъ порядочное желаніе, нежели твои затѣи.

Эдуардъ знавъ, что братъ его не легко перемѣняетъ свои

намѣренія, тотчасъ вышелъ съ недовольнымъ видомъ; и не смотря на дождь, побѣжалъ на дворъ играть съ большою Англинскою собакою, съ которою для того и подружился, чтобы ее безпрестанно дразнить. Онъ не прежде, какъ чрезъ часъ пришелъ домой, вымочась такъ, что не было сухой нитки на немъ, и съ головы до ногъ въ грязи. А мы въ это время, прочитавъ жизнь Эпаминонда, которая доставила намъ чрезмѣрное удовольствіе, имѣли время приняться опять за рисунки, и ихъ окончить. Послѣ обѣда случилась оказія переслать ихъ къ Г. Делилю; и мы сегодни по утру очень были ради, когда услышали, что онъ ими былъ очень доволенъ. Но что подумалъ онъ о Эдуардѣ, которой ему ничего не послалъ?

Вотъ что меня огорчаетъ. Я бы, Богъ знаетъ, что далъ, естьлибъ онъ былъ такъ же добръ, такъ же любезенъ, и такъ же

прилѣженъ, какъ братъ его. Тогда бы ничего не недоставало болѣе къ благополучію его родителей. Я съ сожалѣніемъ вижу, какъ имъ это прискорбно. О любезная матушка, естьли я когда нибудь вамъ столькожъ сдѣлаю огорченій! Нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны. Когда я подумаю о вашей ко мнѣ горячности, то чувствую все, что я долженъ дѣлать, чтобъ быть того достойнымъ. Я вамъ обѣщаю, всегда стараться дѣлать вамъ удовольствіе. Я слышу, что и сестрица вамъ тоже обѣщаетъ, обнимаю ее съ нѣжностію за столь хорошее намѣреніе. Прощайте, любезная матушка!

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Служанка здѣшняго дома трудно больна. Вы увидите, матушка, можно ли быть чувствительнѣе и жалостнѣе доброй Эмиліи. Она

сего дни по утру встала на разсвѣтѣ, чтобы отнесть лѣкарства бѣдной больной. Она не была покойна, пока не увидѣла, что она все приняла, потому что лѣкарь неотмѣнно то приказалъ. Всякой бы видя ее сказалъ, что она о сестрѣ своей старается. Какъ это мило, что молодая дѣвушка такъ человѣколюбива! Эдуардъ хотѣлъ ей за то выговорить. Тебѣ очень прилично, сказалъ онъ ей, ходить самой за служанкой. --- А для чегожъ не такъ, братецъ? отвѣчала она ему: ты вить играешь въ кегли съ слугою. Естьли они обязаны намъ служить, когда здоровы; то намъ должно за ними ходить, когда они больны. Надобно быть очень нечувствительну, или горду, чтобъ не имѣть жалости къ больнымъ. Сверьхъ того, развѣ бѣдная Марья мало ночей просиживала у меня, когда я бывала больна въ дѣтствѣ? Этого еще очень мало, что я дѣлаю для нее то, что и она дѣлала для ме-

ня. Я воображаю, какЪ бы мнѢ было пріятно на ея мѢстѢ видѢть, что ко мнѢ имѢютЪ привязанность. ЭдуардЪ такЪ былЪ пристыженЪ, что сЪ досадою вышелЪ изЪ горницы. АхЪ! подумалЪ я про себя, Эмилія тоже самое дѢлаетЪ, что моя матушка дѢлала. Когда наша бѢдная Нанета была больна лихорадкою, тогда вы сами за ней ходили. Но это воспоминаніе внушаетЪ мнѢ мысль, которая меня печалитЪ. ЗдѢсь трое слугЪ вЪ домЪ! А у васЪ, любезная матушка, и ни одной служанки нѢтЪ кЪ вашимЪ услугамЪ. КакЪ вы должны быть нещастны! Вы должны сами дѢлать множество такого, что не соотвѢтствуетЪ ни вашему происхожденію, ни состоянію. Еще лучше бы было, естьли бы сестрица была такЪ велика, чтобы могла вамЪ помогать. Но нѢтЪ, она еще больше горя вамЪ причиняетЪ. А я, что здѢсь дѢлаю? ВмѢсто того, что бы быть у васЪ и вамЪ помо-

гать всѣми силами, и васъ утѣшать, я провождаю здѣсь спокойно дни мои. Эта мысль тревожитъ сердце мое. Одно только можетъ облегчить мою грусть, что я научась, буду со временемъ въ состояніи прекратить ваши нещастія. О какъ столь пріятная надежда меня ободряетъ! Прощайте, любезная матушка! я васъ обнимаю въ слезахъ и въ радости.

Госпожа Дюфуръ къ своему сыну.

Какъ я люблю Эмилію! Такъ, сынъ мой, нѣтъ добродѣтели любезнѣе человѣколюбія. Желательно было бы, чтобъ всѣ молодыя дѣвицы воспользовались толь прекраснымъ примѣромъ; и вмѣсто того, чтобы тревожить слугъ, онѣ бы старались обходиться съ ними снисходительно. Какъ можно не желать удовольствія, быть любиму отъ тѣхъ, которые насъ

окружаютЪ? Послушай, любезный сынЪ; кто не заботится о тѣхЪ людяхЪ, которые ему служатЪ, по крайней мѣрѣ показываетЪ душу нечувствительную кЪ пріятнымЪ чувствамЪ благодѣянія и сострадания; берегись всякой связи сЪ такимЪ человѣкомЪ; ты рано или поздо будешЪ имЪ обманутЪ.

Но для чего же ты огорчаешся, что у меня нѣтЪ служанки? У меня есть помощница, которая облегчаетЪ мнѣ трудныя работы, и внѣ дома исправляетЪ все, что для моего хозяйства нужно. ЧтожЪ касается до домашнихЪ дѣлЪ, то я люблю сама ими заниматься, и это моя должность и мое удовольствіе, хотя бы и для того только, чтобы заблаговременно пріучить твою сестру подражая мнѣ, сдѣлаться хорошею хозяйкою: КакіяжЪ упражненія, по твоимЪ словамЪ, не приличествуютЪ моему происхожденію и

моему состоянію? Ты не довольно подумалъ о томъ, что хотѣлъ сказать. Нѣтъ никакого стыда самой себѣ услуживать, когда не въ состояніи платить за услуги другимъ. Не лучше ли тебѣ кажется, чтобъ ты могъ сказать послѣ моей смерти: „Матушка „моя сама готовила свое простое „кушанье; наши платья были ея „работы; едва могла она доставать себѣ нужное: но никому „не была должна;„ ---- нежели когда бы тебѣ стали упрекать: „Родители твои жили по своему „званію и состоянію; у нихъ былъ „огромной домъ, великолѣпные „уборы, множество слугъ: но „они тебѣ оставили одни долги „въ наслѣдство?„ --- Богатство, любезный Гильомъ, дастъ случай и щастіе; но познанія, пріобрѣтаемыя разсужденіемъ, дарованія, обработываемыя упражненіемъ, добродѣтели, въ которыхъ мы дѣлаемъ навыкъ, составляютъ только истинное наше достоин-

ство, и единственное, которое не подвержено перемѣнамъ щастія, и съ которымъ мы твердо можемъ надѣяться, что будемъ полезны и любимы. Нѣтъ нужды, каковы бы труды ни были, естьли только оные способствуютъ къ вспоможенію другимъ въ нуждахъ, или къ умноженію невиннымъ образомъ ихъ удовольствій и удобностей къ жизни; и естьли только ты занимаешся ими со вниманіемъ и прилѣжаніемъ, то всегда будешь почтенъ въ глазахъ разсудительныхъ и добродѣтельныхъ людей, а о прочихъ ты не долженъ безпокоиться.

Однакожъ чувствительность твоего сердца, и изъявленія твоей любви, заставили меня плакать отъ радости. Когдабъ я была и еще бѣднѣе теперешняго, то и тогда бы почитала себя богатою, имѣя такого сына, который обѣщаетъ столько добрыхъ качествъ. Прощай, любезный сынъ, продол-

жай слѣдовать щастливымъ расположеніямъ, которыя ты теперь показываешь; не забывай никогда, чтобъ имѣть право быть человѣколюбиву, сострадательну и великодушну, должно начать тѣмъ, чтобъ быть трудолюбиву, справедливу и безкорыстну.

Сестра твоя весьма была тронута твоимъ письмомъ, и я замѣтила, что съ этого времени она стала еще прилѣжнѣе и послушнѣе! О мои дѣти! естьлибъ вы всегда другъ друга поощряли къ исполненію вашихъ обязанностей.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Ахъ! любезная матушка, при какомъ страшномъ нещастіи мнѣ случилось намѣдни быть! Оно еще и теперь меня тревожитъ. Нѣтъ! я не въ состояніи вамъ о томъ пи-

сать, а лучше пошлю вамъ копїю съ писемъ, писанныхъ Эмилїею и Карломъ къ ихъ родителямъ, дабы ихъ о томъ увѣдомить; также и отвѣты, полученные отъ нихъ. Вы увидите, какъ они всѣ человѣколюбивы. Прочтите, пожалуйте прочтите.

Эмилїя Делиль къ своей матери.

Мы были въ великомъ страхѣ нынѣшнюю ночь, любезная маминька. Домъ Г. Риго, нашего сосѣда, совсѣмъ сгорѣлъ. О какой страшной огонь! Небо было такъ красно, какъ кровь, сердце у меня билось, и я плакала. Какъ жалко видѣть отца семейства, теряющаго все свое имѣнїе! Какъ осторожну должно быть отъ огня, когда въ одну минуту онъ можетъ сдѣлать такое ужасное нещастїе!

Причиною тому молодыя дѣвицы Риго. Вчера въ вечеру онѣ ти-

хонько пошли въ кухню за жаромъ, которой отнесли въ каморочку, куда совсѣмъ не ходятъ. Онѣ тайкомъ хотѣли испечь себѣ лепешку. Черезъ полчаса онѣ услышали, что отецъ ихъ кличетъ; онѣ поскорѣе съѣли свою лепешку еще почти сырую, и сошли внизъ. Когда пришло время спать, то онѣ пошли въ свою горницу, не думая больше объ угольяхъ, которые оставили въ каморкѣ. Конечно отъ того загорѣлся полъ и мебели. Наконецъ въ нынѣшнюю ночь въ два часа, когда всѣ спали, загорѣлся и весь домъ, Богъ ихъ довольно за то наказалъ! Вотъ, маминька, для того, что имъ захотѣлось дурной лепешки, и сожгли онѣ домъ своего отца! Теперь онѣ сами въ отчаяніи, просятъ прощенія, и едва живы съ печали, но какая въ томъ польза? Все уже згорѣло. Не могли спасти ни мебелей, ни бумагъ, ни денегъ. Съ трудомъ и молодыя дѣвицы спаслись въ однихъ карсе-

тахъ; и самъ Г. Риго былъ въ опасности лишиться жизни. Онъ во многихъ мѣстахъ тѣла страшно обожженъ, и конечно бы погибъ въ огнѣ безъ отважносии одного изъ его слугъ.

Куда теперь дѣнется спѣсь этихъ дѣвицъ? Вчера онѣ были богаты, а сегодни бѣдны! Онѣ презирали крестьянъ, потому что у нихъ нѣтъ богатыхъ домовъ; а сегодни за щастіе почитаютъ, что эти крестьяне пустили ихъ изъ жалости въ свою избу. Какъ мало время надо, чтобъ быть уничиженну! О! конечно очень дурно не имѣть снисхожденія къ людямъ ниже нашего состоянія, когда видимъ, какую великую нужду можемъ имѣть въ состраданіи всѣхъ людей!

Это письмо такъ длинно, что я боюсь васъ обезпокоить, любезная маминька. Хотя я и не смѣю вамъ всегда сказывать, что я сдѣлала, однакожъ мнѣ надобно еще

нѣчто вамъ объявить. Не прогнѣваетесь ли вы за это на вашу Эмилію. О! конечно нѣтъ, вы такъ добры и такъ жалостливы. У молодыхъ дѣвицъ Риго всѣ платья сгорѣли, и онѣ ни одного не могли спасти. Я каждой изъ нихъ послала по одному платью отъ себя и бѣлья. Я бы желала больше имъ послать; Но все, что у меня есть, принадлежитъ вамъ, и я не могу сама тѣмъ располагать безъ вашего позволенія. Всепокорнѣйше прошу васъ простить мою смѣлость въ томъ, что я имъ уже послала. Я за это впредь буду бережливѣе въ другихъ моихъ выдачахъ. Вы не будете имѣть нужды мнѣ замѣнить то, что я отдала. Благодаря вашей милости, у меня еще довольно. Прощайте любезная маминька, обнимите за меня папиньку, и будьте оба увѣрены въ моемъ почтеніи и въ моей любви.

Карлъ Делиль къ своему отцу.

Позвольте, любезный батюшка, просить васъ о нещастной фамиліи. Таковое движеніе моего сердца можетъ ли вамъ быть противно? О! конечно нѣтъ! Ваше сердце для того слишкомъ чувствительно и великодушно.

Вы изъ письма Эмиліи къ матушкѣ узнали о чрезвычайномъ нещастіи, случившемся съ Г. Риго. Но это еще не все. Эмилія вамъ писала только о его домѣ и вещахъ; но онъ въ опасности лишиться и своей дачи. Когда онъ былъ богатъ, то его заимодавцы не тревожили; а теперь, какъ ихъ долги имъ кажутся безнадежны, то они силою хотятъ ихъ получить, и грозятъ запрещеніемъ на его имѣніе, съ тѣмъ, чтобъ продать. Когда я былъ у него, то слышалъ, что онъ сказывалъ Прокурору Гельсону, что всѣ его долги составляютъ не

больше двухъ тысячь гульденовъ. Эта сумма не велика. Стоитъ ли это, чтобъ послѣ такого ужаснаго нещастія еще лишить его послѣдняго способа къ воспитанію дѣтей, и чтобъ онъ претерпѣвалъ нужду въ своей старости?

Вотъ, батюшка, что я думаю! Наслѣдство, которое дядюшка мнѣ оставилъ послѣ смерти, состоитъ въ пяти тысячахъ гульденовъ. Эта сумма въ вашихъ рукахъ, и вы можете ею располагать. Я очень могу обойтись безъ двухъ тысячь гульденовъ, чтобъ только избавить честнаго человѣка отъ разоренія. Я буду довольно богатъ, особливо съ вашею милостію и моимъ стараніемъ сдѣлаться способнымъ къ тому состоянію и званію, которое вы мнѣ опредѣляете. Прошу васъ, батюшка, не откажите мнѣ въ моей прозбѣ. Я отъ того несравненно больше буду имѣть удовольствія, нежели отъ двухъ тысячь

гульденовЪ. О! какое бы щастіе было для меня, естьли бы я могЪ спасти отЪ бѢдности нещастнаго старика и его дѢтей! Вы сами такЪ благотворительны, то позвольте мнѢ вЪ семЪ случаѢ уподобиться вамЪ. Не научаете ли вы повседневно меня быть таковымЪ? Естьли бы вы были здѢсь, то бы я васЪ не отступно просилЪ. --- Но довольно обЪ этомЪ! Вы по своему благоразумію разсудите, можетЪ ли моя прозьба быть исполнена? Мой долгЪ слѢпо повиноваться вашей волѢ, и любить васЪ душевно.

Прошу васЪ изЪявить матушкѢ живѢйшія чувствія сыновней моей привязанности.

ГосподинЪ Делиль кЪ своему сыну.

Ты пишешЪ, любезный КарлЪ, что отЪ меня научился быть бла-

говорительнымъ! Конечно я всегда старался вкоренить въ сердцѣ твоемъ сострадание къ нещастію тебѣ подобныхъ. Любовь нашихъ братій сверьхъ доставляемой намъ пріятности, дѣлаетъ насъ еще достойнѣе предъ лицемъ Всевышняго существа. Прозьба твоя, есть доказательство великодушнаго твоего сердца, и прошеніе столь похвальное заслуживаетъ награду. Замѣчаемыя мною въ тебѣ расположенія, для меня гораздо дороже двухъ тысячь гульденовъ. Но великодушіе, сынъ мой, требуетъ и благоразумія. Ты хочешь дать двѣ тысячи гульденовъ такому человѣку, который въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ въ нихъ нужды, и которому, можетъ быть, обидно покажется, что ты хочешь ихъ дать. Г. Риго лишился своего дому и мебелей: этого конечно много, потому что ему надобна великая сумма исправить эту потерю. Но у него остались еще дача его и должники,

и эти два предмета больше, нежели достаточны къ пристойному содержанію его и дочерей его. И такъ нужно только избавить его отъ хлопотъ, причиняемыхъ ему заимодавцами, а по томъ что бы ссудить его деньгами, нужными къ выстройкѣ его дома. Для первой надобности, я при семъ посылаю двѣ тысячи гульденовъ. Поспѣши облегчить печаль нещастнаго Рито, и вкуси удовольствіе благородной души. Скажи ему, что по возвращеніи моемъ я съ нимъ объ этомъ сдѣлаюсь, и что онъ во всѣхъ своихъ надобностяхъ, можетъ надѣяться на мою помощь.

Но что касается до наслѣдства послѣ твоего дяди; то мы оба съ тобою онымъ не можемъ распоряжать, пока ты будешь совершенныхъ лѣтъ. Я храню эту сумму какъ твой опекунъ, а не какъ отецъ твой. Прощай, любезный сынъ, мы съ матерью тебя обнимаемъ, и за то любимъ больше прежняго.

Госпожа Делиль къ своей дочери.

О естьли бы я была съ тобою, любезная Эмилія, съ какимъ бы восхищеніемъ я тебя прижала къ моему сердцу! Я похваляю тебя за оказанную помощь дѣвицамъ Риго въ ихъ нещастіи. Въ награжденіе за то я дамъ тебѣ новой случай имѣть удовольствіе сдѣлать добро. Ты найдешь въ камодѣ, подлѣ моей постели, кусокъ матеріи и два куска полотна, которые были назначены для насъ обоихъ, и которые можешь ты послать къ дѣвицамъ Риго на платье. Я увѣрена въ добромъ сердцѣ Эмиліи, что этотъ случай ей будетъ гораздо пріятнѣе, нежели естьлибъ это я сдѣлала для нее самой. Намъ въ этотъ годъ довольно будетъ и прошлогоднихъ платьевъ, и мы будемъ думать про себя, чтобы быть истинно щедрыми, надобно умѣть чего нибудь

лишаться. Изъ тщеславія, любезная Эмилія, такъ же даютъ, но не лишая себя ни забавъ, ни выгодъ своихъ: но сердечная щедрость находитъ въ томъ удовольствіе, чтобъ собою жертвовать нуждамъ другихъ.

Прощай, любезная Эмилія! Не забывай никогда правила, которое ты сама себѣ предписала въ твоемъ письмѣ, — чтобъ никогда не гордиться богатствомъ сего свѣта, когда одна ночь можетъ насъ всего лишить; — и не презирать подобныхъ тебѣ по тому, что можешь имѣть нужду въ ихъ помощи, въ такое время, когда о томъ ни мало не воображаешъ. Имѣй предъ глазами всегда ужасное приключеніе, которое ты мнѣ описала. Думай безпрестанно, какъ опасно шутить съ огнемъ, когда отъ одной искры часто зависитъ наше разореніе и самая смерть.

Увѣрь въ моей любви Гильома и братьевъ. Я надѣюсь скоро и-

мѣть радость, васъ обнять и тебѣ особенно изъявить удовольствіе, которое мнѣ причинилъ твой поступокъ.

Карлъ Делиль къ своему отцу.

Я спѣшу, любезнѣйшій родитель, отвѣчать на милостивое письмо, которымъ вы меня почтили. Естьли бы вы видѣли, какъ меня Г. Риго благодарилъ, то вы бы также, какъ я, до слезъ были растроганы. Между тѣмъ, какъ онъ меня обнималъ, градомъ текли у него слезы. Ахъ! эти слезы должны быть очень пріятны для него; потому что я отъ моихъ такое имѣлъ удовольствіе.

Я долженъ вамъ описать все, что я сдѣлалъ. Я ему отдалъ двѣ тысячи гульденовъ, въ видѣ займа, которой вы ему предлагаете, для расплаты съ заимодавцами, и которой онъ можетъ запла-

тить, когда вЪ состоянiи будетЪ. ОнЪ хотѣлЪ дать мнѣ росписку, которую я принявЪ, при немЪ разодралЪ, сказавЪ ему, что вы мнѣ такЪ приказали, и что вы предоставили себѣ удовольствiе сЪ нимЪ о томЪ сдѣлаться, какЪ и то, чтобЪ помочь ему во всѣхЪ нуждахЪ, которыя онЪ будетЪ имѣть при выстройкѣ сгорѣвшаго его дома

О любезный батюшка, какое вы прiятное удовольствiе мнѣ сдѣлали, а при томЪ и какое наставленiе вы мнѣ дали! Я конечно воспользуюсь онымЪ. Желаю быть скоро вЪ вашихЪ обЪятiяхЪ, чтобы васЪ благодарить за то, какЪ должно.

Пожалуйте скажите матушкѣ, что Эмилiя уже выполнила ея приказанiе. Она употребила всѣ свободные свои часы, и шила сама платье, и по ея проворству и другихЪ швей, дѣвицы Риго, вмѣсто матерiи, получатЪ готовыя платья.

Съ нетерпѣливостію мы ожидаемъ возвращенія къ намъ родителей, толь достойныхъ нашего почтенія и всей нашей любви.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Ахъ матушка! бѣдному Карлу обварили ногу, и онъ не можетъ ходить. Эдуардъ тому виноватъ по своей неосторожности; онъ опрокинулъ на брата чайникъ съ кипяткомъ. Не льзя было оказать больше терпѣливости и добродушія въ такомъ случаѣ, какъ мой милый другъ. Другой бы осердился на своего брата, и крѣпко бы его побранилъ; но Карлъ старался только скрыть боль, которую онъ чувствовалъ. Это ничего, говорилъ онъ, и мнѣ не очень больно. Пожалуй не безпокойся, Эдуардъ. Однакожъ мы скоро увидѣли, что ему гораздо бы-

ло больнѣе, нежели какъ онъ сказывалъ; ибо нога его такъ распухла, что принуждены были разрѣзать ножницами чулокъ, чтобъ его разуть. Эмилія заливалась слезами; видишь, говорила она Эдуарду, вотъ что ты сдѣлалъ своею неосторожностію; ты можетъ быть на всегда изувѣчилъ брата: лучше бы это нещастіе случилось со мною. Лучше, естьли бы ни съ кѣмъ этого не случилось, сказалъ Карлъ, прервавъ рѣчь своей сестры. Ну, любезная Эмилія, это не стоитъ того, чтобы ты безпокоилась. Я скоро вылѣчуся. Эдуардъ безъ всякаго намѣренія это сдѣлалъ. Это конечно нещастіе, и когда бы оно и гораздо больше было, то не должно слишкомъ печалиться. Терпѣніе въ нещастіяхъ, которымъ мы не сами виноваты, есть добродѣтель очень нужная въ нашей жизни; а снисхожденіе къ тѣмъ, которые безъ намѣренія бываютъ тому причиною, есть

долгъ тѣмъ болѣе необходимой, что мы весьма часто въ немъ имѣемъ нужду для нашихъ собственныхъ ошибокъ.

Нѣтъ, отвѣчала Эмилія, я не извиняю Эдуардовой неосторожности. Посмотрите-ка, онъ стоитъ какъ пѣнь, вмѣсто того, чтобъ тотчасъ послать за лѣкаремъ.

Не надо, говорилъ Карлъ; дайте мнѣ только тряпокъ и холодной воды, чтобъ примачивать къ ногѣ. Черезъ нѣсколько дней все пройдетъ: однакожъ, говорилъ онъ Эмиліи и мнѣ, когда Г. Вернетъ пріѣдетъ, то пожалуйте не сказывайте ничего, чтобъ Эдуарду за это чего нибудь не было. Это не есть прощеніе, естьли мы жалуемся за сдѣланную намъ боль, и то безъ намѣренія. А ты, братецъ, дай мнѣ руку, и обойми меня. Твоя печаль мнѣ чувствительнѣе этой пустой ожоги, которая мнѣ почти никакой боли не причиняетъ.

Какъ тотъ щастливъ, кто можетъ такъ преодолѣвать себя! Хорошо думать, что Карлъ правъ, но кто бы такъ же поступилъ? Однакожъ я очень чувствую, что ни какой пользы нѣтъ сердиться въ такомъ случаѣ, и отъ того боль не пройдетъ. Я очень помню, любезная матушка, что вы говорили, что человѣкъ не умѣющій преодолѣвать себя, чтобы сносить съ терпѣніемъ и безъ ропоту то, чего онъ не можетъ перемѣнить, никогда не будетъ владѣть своими страстями, а потому никогда не будетъ ни щастливъ, ни добродѣтеленъ. Но удовольствіе, съ какимъ я пишу къ вамъ, заставляетъ меня забыть, что Карлъ меня просилъ посидѣть у него.

Прощайте, любезная матушка; позвольте, чтобъ я васъ оставилъ и возвратился къ моему другу!

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Бѣдный Карлъ! вотъ уже два дни, какъ у него нога все на подушкѣ лежитъ. Я вижу, что онъ много терпитъ, хотя и старается ничего не показывать. Эмилія вчера спросила его, не скучно ли ему, что онъ не можетъ ходить? Что за польза мнѣ скучать, отвѣчалъ онъ? Я тѣмъ только болѣзнь мою умножу. Я лучше хочу себя ободрять надеждою, что скоро буду здоровъ. А сверхъ того не стыдно ли было бы, естьлибъ я не могъ себя утѣшить въ такомъ маломъ нещастіи? Можетъ еще во сто разъ хуже случится со мною въ жизни: а этотъ легкой припадокъ научаетъ меня заранѣе быть тверду, естьли и больше что нибудь со мною случится. Батюшка говоритъ, что должно съ малолѣтства привыкать всякое произшествіе принимать съ хорошей его стороны.

Однакожъ, отвѣчала Эмилія, все таки прискорбно терпѣть такъ отъ другаго.

Правда, говорилъ Карлъ, я желалъ бы лучше, чтобъ я самъ тому былъ причиною; то бы братецъ теперь такъ не печалился о томъ.

Эмилія. Развѣ тебѣ не скучно быть принужденну сидѣть въ горницѣ, не смѣя поворотиться.

Карлъ. Отъ чегожъ мнѣ быть скучно, когда я имѣю удовольствіе видѣть такіе искренніе опыты твоей дружбы?

Эмилія. Ты слишкомъ любезенъ, братецъ, что это замѣчаешь. Однакожъ, чуть было тебѣ ногу совсѣмъ не сварили.

Карлъ. Это и должно меня успокоивать въ моемъ приключеніи. Мнѣ не прилично было бы жаловаться, когда я вижу многихъ людей, которые во всю жизнь принуждены ходить на костыляхъ.

Эмилія. Я право думаю, что ты бы нашелъ такъ же утѣшеніе, когдабъ у тебя и отняли ногу?

Карлъ. Не нужно тебѣ сказывать, что мнѣ это было бы очень прискорбно. Но естьли бы это нещастіе со мною случилось по волѣ Божіей, то бы я старался подвергнуть себя оной, для испрошенія у него твердости, нужной мнѣ въ такомъ случаѣ. Все, что съ нами ни случается безъ нашей вины, милая Эмилія, происходитъ отъ провидѣнія; и подвергая себя его премудрости, мы найдемъ и въ самомъ своемъ нещастіи источникъ щастія.

Что скажете вы о семъ, матушка? Поступать такъ, какъ Карлъ, не есть ли единственное средство отвращать всѣ нещастія? Я помню еще злополучной тотъ день, когда я лишился моего батюшки. Вы плакали, я былъ въ отчаяніи: но наши стенанія и слезы не могли ему возвратить

жизни. Вы меня взяли за руку и говорили: пойдемъ, сынъ мой, помолимъ Всемогущаго о нашемъ утѣшеніи. Я скоро увидѣлъ, что вы стали спокойнѣе, и я самъ почувствовалъ, что сердце мое облегчилося молитвою.

Вотъ хорошее средство, которое я нашелъ для услажденія печали. Я буду подвергать себя воли Божіей во всемъ, что только можетъ со мною огорчительнаго случиться; и постараюсь изъ того еще получить возможную пользу: и я надѣюсь, что тогда буду имѣть довольно силы сносить нещастія, съ одной стороны помышляя, что Богу такъ угодно, которому я повседневно говорю: *да будетъ воля твоя*; а съ другой стороны разсуждая, что нѣтъ нещастія, отъ котораго бы не можно было ожидать какого нибудь блага.

Но для чего же началъ я вамъ говорить о такихъ печальныхъ

вещахъ, вамъ, любезная матушка, кому бы я не желалъ писать ничего такого, кромѣ радостнаго?

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Господинъ и Госпожа Делиль теперь лишь прiѣхали, любезная маминька. Мы отъ того въ такой радости, что я невъ силахъ вамъ ее изъяснить, и всѣ слуги радуются о ихъ возвращенiи. Не хорошей ли это знакъ, когда слуги радуются о возвращенiи своихъ Господъ? Я хочу, когда выросту, быть столь же человѣколюбивъ, столь же ласковъ и столь же снисходителенъ, сколь Г. Делиль, потому что есть величайшее удовольствiе заставлять себя любить.

Но надобно поговорить съ вами о другѣ моемъ Карлѣ. Г. Вернетъ у насъ спросилъ сего утра

послѣ завтрака, не хотимъ ли мы итти прогуляться? Хотя Карлу теперь гораздо легче, однако онъ насъ просилъ его уволить отъ прогулки. Моя рана еще не совсѣмъ зажила, сказалъ онъ намъ; и я желаю, чтобъ мои родители, по возвращеніи своемъ, не могли совсѣмъ оной примѣтить. Естьли я пойду прогуливаться, моя нога можетъ чрезъ то почувствовать усталость, и мои родители могутъ сіе замѣтить. Это ихъ огорчитъ. Я лучше лишусь удовольствія прогулки, нежели имъ причинить печаль. ---- Это похвально, сказалъ ему Г. Вернетъ. Ваша нѣжная предосторожность дѣлаетъ честь вашему сердцу. Карлъ остался въ своей комнатѣ; а Г. Вернетъ, Эдуардъ, Эмилія и я прогуливались до полудни.

По возвращеніи нашемъ, застали мы Карла ожидающаго насъ въ столовой. Мы сему удивились, потому что онъ намъ сказалъ,

что не хочетъ выходить изъ своей комнаты. Онъ съ трудомъ могъ сойти съ лѣсницы; но удовольствіе выпти на встрѣчу своихъ родителей, превозмогло боль его ноги. Онъ просилъ поранѣе отобѣдать, чтобъ свободнѣе принять родителей. Съ какою поспѣшностію онъ шелъ къ дверямъ, услышавъ приближающуюся карету! Съ какою радостію бросился въ объятія своихъ родителей!

Сіе побудило меня думать о радости, коею я буду наслаждаться, любезная маминька, когда возвращусь къ вамъ. О! она будетъ столь же велика, какъ и Карлова.

Между тѣмъ, какъ Господинъ и Госпожа Делиль взошли въ ихъ комнату, чтобъ скинуть дорожное платье, Карлъ попросилъ Эмилію сыграть что нибудь на клавесинѣ. Лишь только она начала, какъ мы услышали трескъ разбитой посуды, что и произве-

ло между нами слѣдующей разговорѣ:

Эдуардѣ. Ахѣ! вотѣ еще что-то разбито. Слуги очень неосторожны.

Карлѣ. Не обвиняй ихѣ такѣ скоро, братецѣ. Мы еще не знаемѣ, кто тому причиною.

Эдуардѣ. Я знаю, что люди поступаютѣ сѣ посудой такѣ, какѣ будто бы она ничего не стоитѣ.

Карлѣ. Я посмотрю, можетѣ быть, что бѣда и не такѣ велика.

Эдуардѣ. Бьешься ли обѣ закладѣ, Эмилія, что онѣ найдетѣ еще средство извинить виноватаго.

Эмилія. Онѣ очень хорошо сдѣлаетѣ. Не радѣ ли ты тому, что онѣ молчитѣ о твоей неосторожности, чрезѣ которую ты обварилѣ ему ногу? Сколько разѣ Карлѣ избавлялѣ тебя и меня отѣ наказаній. Представь себя на мѣстѣ бѣднаго слуги.

Эдуардъ. Ты увидишь, что Карлъ будетъ утверждать, что ничего не бывало.

Эмилія. Карлъ никогда не лжетъ, а старается извинять.

Эдуардъ. Вотъ онъ идетъ, всякой бы сказалъ по его лицу, что онъ это разбилъ.

Эмилія. Это доказательство добраго его сердца.

Эдуардъ (къ Карлу.) Ну чтожъ не справедливо ли я сказалъ, что разбито что нибудь?

Карлъ. Я о томъ не спорю; разбита фарфоровая тарелка.

Эдуардъ. Ты и теперь скажешь, что это маловажно?

Карлъ. Важно ли или нѣтъ; но бѣда сдѣлана, надобно стараться сему пособить.

Эдуардъ. Естьли бы я былъ на маминькиномъ мѣстѣ, то я заставилъ бы слугу заплатить за такую неосторожность.

Карлъ. Это было бы очень несносно для слуги, которой од-

нимъ только жалованьемъ довольствуется.

Эдуардъ. Это научило бы его быть осторожнѣе.

Карлъ. Но ты Эдуардъ не поступалъ ли самъ когда нибудь неосторожно, и надѣешся ли на себя никогда того больше не сдѣлать?

Эдуардъ. Естьли бы я и разбилъ что нибудь, то по крайней мѣрѣ это добро наше.

Карлъ. Прошу извинить. Имѣніе нашихъ родителей не есть наше; мы еще ничѣмъ не владѣемъ.

Эдуардъ. Естьли когда нибудь ты будешь Господиномъ, то я напередъ ужь вижу, что твои слуги все будутъ ломать, что только имъ попадется.

Карлъ. Все то, что имъ попадется? Я сомнѣваюсь, чтобъ были слуги, которые бы били для забавы: это происходитъ всегда по неожиданному случаю, и по

тому - то мнѣ кажется, что должно ихъ прощать.

Эдуардъ. Вотъ рѣдкая добродѣтель, безпрекословно. Слуга не сдѣлаетъ никогда тебѣ вреда.

Карлъ. Я буду остороженъ въ выборѣ, стараясь не брать неосторожныхъ людей для моихъ услугъ. Однако естьли одинъ изъ нихъ разобьетъ что ни есть, то я его прощу въ томъ, такъ, какъ будто бы я то самъ сдѣлалъ; и естьли это будетъ съ нимъ часто случаться, то я его отошлю.

Эдуардъ. Но мнѣ кажется, что о томъ должно сказать маминькѣ.

Карлъ. И я тоже хочу; но съ тѣмъ, чтобъ испросить прощенiе виноватаго.

Эдуардъ. А ктожъ виноватъ: Иванъ или Авдотья?

Карлъ. Ни тотъ, ни другой, а причиною ты.

Эдуардъ. Я? Вотъ новость?

Карлъ. Однакожъ справедливо! Не кормилъ ли ты сегодни по утру твою собаку на фарфоровой тарелкѣ, и не забылъ ли ее въ прихожей на скамейкѣ?

Эдуардъ. Это правда. Но что же это значитъ?

Карлъ. Слуга пошелъ за скамейкой безъ свѣчи, и взявъ ее уронилъ тарелку.

Эдуардъ. Чѣмъ же я виноватъ, что онъ пошелъ за нею въ темнотѣ?

Эмилія. Это онъ всякой день дѣлаетъ. Вся бѣда происходитъ отъ тебя. Тарелка была не на своемъ мѣстѣ, а слуга не могъ догадаться, что она была на скамейкѣ.

Эдуардъ. Вы говорите всегда сударыня о томъ, что до васъ не касается. Послушай, Карлъ, папинька и маминька ничего о томъ незнаютъ.

Карлъ. Какъ же, Эдуардъ, ты хотѣлъ сей часъ ихъ увѣдо-

типъ о произшедшемъ; а теперь хочешь скрыть для того, что самъ виноватъ. Это несправедливо, и есть великое доказательство твоей недовѣренности къ нимъ. Должность добраго дитяти есть ничего не скрывать отъ своихъ родителей; и чистосердечно обнаруживать предъ ними всѣ свои погрѣшности, а сія особливо очень простительна. Посмотри теперь, братецъ, должно ли намъ желать столько зла слугѣ за легкую погрѣшность, естьли мы оной такъ часто и сами подвержены бываемъ?

Лишь только Карлъ пересталъ говорить, какъ Господинъ и Госпожа Делиль взошли. Онъ имъ разсказалъ приключенiе о фарфоровой тарелкѣ съ такимъ веселымъ видомъ и съ такою ловкостiю, что заставилъ ихъ смѣяться.

Эдуардъ былъ очень радъ, что такъ хорошо отдѣлался. О!

маминька, какъ щастливы тѣ, которые имѣютъ такого брата, какъ мой другъ! Я надѣюсь очень, что найду также хорошаго защитника въ моей сестрицѣ, естьли когда нибудь буду имѣть нужду въ ея краснорѣчіи, чтобъ быть оправдану предъ вами въ какомъ нибудь проступкѣ. Но при томъ уповаю, что никогда онаго самопроизвольно не сдѣлаю.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Любезная маминька! сколь вы будете довольны другомъ моимъ Карломъ! Нынѣча день его рожденія, но онъ не сдѣлалъ бала для молодыхъ его товарищей изъ данныхъ ему отцемъ денегъ. Онъ ихъ не употребилъ даже и на покупку книгъ, такъ какъ прежде то дѣлалъ. Онъ совсѣмъ иначе съ ними поступилъ. Надобно съ начала вамъ сообщить разговоръ,

которой онъ имѣлъ съ своимъ отцомъ.

Мы обыкновенно всякое утро передъ завтракомъ прочитываемъ нѣсколько листовъ изъ Библіи. Г. Делиль взошелъ въ горницу въ половинѣ нашего чтенія. Карлъ всталъ тотчасъ со стула, чтобъ пожелать добраго дня своему родителю.

Карлъ. Желаю вамъ добраго дня, папиньна, спокойно ли препроводили сію ночь?

Г. Делиль. Очень хорошо, любезный сынъ, и ты также хорошо, какъ и я вижу. Но продолжай твое чтеніе, я не хочу тебѣ помѣшать.

Карлъ. Я опасался, папинька, чтобъ не было неблагопристойно читать въ то время, когда вы удостоили меня вашимъ посещеніемъ.

Г. Делиль. Надобно, чтобъ должность преимуществовала во всемъ. Я съ удовольствіемъ буду тебя слушать.

Карлъ. Я готовъ вамъ повиноваться. --- И подавъ стулъ своему папинькѣ, началъ читать громко. По окончанiи чтенiя Г. Делиль изъявилъ ему, сколь онъ доволенъ его чтенiемъ. Сiе дарованiе, сказалъ онъ, гораздо труднѣе прiобрѣсть, нежели какъ думаютъ. Большая часть читающихъ, читаютъ безъ примѣчанiя, и чрезъ то портятъ смыслъ книги, что очень непрiятно для слушающихъ ихъ. ---- Но сегодни день твоего рожденiя, я пришелъ тебя поздравить.

Карлъ. Позвольте мнѣ васъ обнять и изъявить вамъ мою благодарность. Сей день возобновляетъ въ памяти моей всѣ ваши и маминькины ко мнѣ милости и попеченiя.

Г. Делиль. Мы награждены за то твоимъ хорошимъ поведенiемъ. Продолжай, любезный сынъ, твои успѣхи въ ученiи, и

составь чрезЪ то твоихЪ родителей свидѣтелями твоего благосостоянія.

Карлъ. Я удвою мою прилѣжность, чтобЪ быть достойнымЪ всей вашей ко мнѣ любви. Прошу васЪ, папинька, снабжать меня вашими наставленіями, коимЪ я буду всегда сЪ почтеніемЪ слѣдовать. ---- Но прежде начатія сего для меня новаго года, прошу васЪ о прощеніи погрѣшностей, кои я могЪ сдѣлать вЪ прошедшемЪ году.

Г. Делиль. Я не помню, чтобЪ ты когда нибудь сдѣлалЪ что ни есть непріятное для меня. Я очень радЪ тебѣ изЪявить мое о томЪ удовольствіе, не сЪ тѣмЪ однакожЪ, чтобЪ чрезЪ то тебя возгордить, но чтобЪ ободрить кЪ продолженію твоего хорошаго поведенія.

Боже мой! сколь должна быть пріятна для сыновняго сердца хвала своихЪ родителей! Я непоколебимо рѣшился ничего не у-

пускать, дабы заслужить отЪ васЪ подобную похвалу. Но вотЪ еще что Г. Делиль сказалЪ:

Сей день есть день торжественный для насЪ. Я хочу, чтобЪ ты его проводилЪ весело. Я тебѣ отдаю все то, что ты найдешЪ вЪ сей бумагѣ. Ты можешь оное употребить по твоей воли, и сдѣлать, естьли ты хочешЪ, маленькой балЪ для твоихЪ друзей. ОднакожЪ время вамЪ одѣваться, (смотря на часы), уже девятой часЪ. Одѣнься поскорѣе и сойди сЪ ГильомомЪ кЪ твоей матери, она васЪ ожидаетЪ.

Вы можете легко вообразить, вЪ какомЪ восторгѣ былЪ Г. Делиль, видя столь хорошія качества вЪ своемЪ сынѣ. Слезы радости и нѣжности блистали вЪ его глазахЪ. НапротивЪ того, сколь должно быть мучительно для толь нѣжныхЪ родителей дурное поведеніе Эдуарда.

Я имѣю еще много вамъ писать, но письмо мое уже довольно велико. Я оставляю достальное до завтрева.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Я начинаю продолжать прерванное мною письмо, любезная маминька!

Прежде нежели пошли мы завтракать, Карлъ развернулъ бумажку, данную ему отцемъ. Онъ нашелъ въ ней десять флориновъ. Никогда еще онъ не видалъ себя столь богатымъ. Подумавъ нѣсколько времяни, Гильомъ, сказалъ онъ мнѣ, я желалъ бы знать твое мнѣніе. Мнѣ кажется, что въ здѣшнемъ сосѣдствѣ мало такихъ молодыхъ людей, коихъ бы общество могло намъ доставить удовольствіе. Они по большой части столь рѣзвы, что мы мало

получимъ удовольствія въ ихъ собраніи, Молодой Тесьеръ только одинъ, коего свойства сходны съ моими; но онъ уже три дни тому назадъ, какъ уѣхалъ въ городъ. Что совѣтуешъ мнѣ сдѣлать съ моими деньгами?

Естьли бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, тобъ берегъ ихъ на полезную покупку. Три или четыре часа танцованія скоро пройдутъ; но эстампы или книги будутъ забавлять насъ каждый день.

Но, отвѣчалъ онъ, не скучно ли тебѣ будетъ, естьли мы одни проводимъ вечеръ, по обыкновенію нашему?

Нѣтъ, конечно, отвѣчалъ я. Твоя компанія доставляетъ мнѣ всегда много веселія.

Въ семъ случаѣ, отвѣчалъ онъ, обнимая меня, я могу послѣдовать первому моему намѣренію; и послѣ сихъ словъ мы вошли въ залу.

Госпожа Делиль обняла своего сына со всевозможною нѣжностію, и поздравила его со днемъ его Ангела. Послѣ завтрака мы остались одни съ Господиномъ Делилемъ.

Карлъ взявъ руку своего отца, сказалъ ему: смѣю ли васъ просить объ одной вещи, папинька?

Г. Делиль. О чемъ, сынъ мой?

Карлъ. Находите ли вы за нужное, чтобъ я позвалъ къ себѣ въ гости моихъ молодыхъ сосѣдей?

Г. Делиль. Это зависитъ отъ тебя.

Карлъ. Вы мнѣ позволяете употребить данныя вами мнѣ деньги по моей воли?

Г. Делиль. Такъ точно, любезный сынъ.

Карлъ. Коли такъ, такъ я знаю, какъ праздновать мои имянины.

Г. Делиль. Хочешь ли ты меня удостоить твоей довѣренности.

Карлъ. Съ великой охотою, папинька. Я боюсь только, чтобъ вы не похулили мое намѣреніе.

Г. Делилъ. Нѣтъ сынъ мой, ты можешь говорить безъ всякой опасности. Я никогда не примѣтилъ, чтобъ ты худо употребилъ твои деньги. Ты имѣешь власть ихъ употреблять по твоей воли. Я увѣренъ, что ты ихъ не тратишъ на бездѣлушки, и впредь одобряю. ---- Посмотримъ, что хочешъ ты купить?

Карлъ. Я не имѣю нужды ни въ чемъ. По вашей щедрости, у меня всего довольно. Я хочу оныя употребить на доставленіе веселія бѣднымъ деревенскимъ мальчикамъ. Какое веселіе доставлю симъ бѣдняшкамъ, терпящимъ нужду! Сыновья нашихъ богатыхъ сосѣдей, коихъ я могъ бы позвать, имѣютъ излишество во всемъ также, какъ и я; а тѣ, коихъ я хочу угощать, иногда бываютъ цѣлые дни безъ хлѣба. Какъ они будутъ ради хоро-

шему обѣду, которой я прикажу изготовить! Ихъ радость причинитъ мнѣ больше удовольствія, нежели всѣ игры или танцы, коимъ я могъ бы предаться съ моими друзьями. Но все сіе съ тѣмъ условіемъ, что это не будетъ вамъ противно, папинька.

Г. Делиль. Не уже ли ты думаешь, любезный сынъ, что это можетъ быть мнѣ противно? Нѣтъ; я похваляю во всемъ твое хорошее намѣреніе. Четырнадцатый твой годъ, въ которой ты вступаешь такъ хорошо, доставитъ тебѣ дни исполненные счастіемъ. Доброта твоего сердца не останется безъ награды.

Карлъ. Ахъ! папинька, я только тѣмъ исполняю долгъ мой. Сколько милостей получилъ я отъ неба въ теченіи прошлаго года? Не справедливо ли, чтобъ я подѣлился съ подобными мнѣ?

Г. Делиль. Обними меня, сынъ мой, и спѣши совершить похваль-

ное твое намѣреніе. Ты можешь раздать повелѣнія слугамъ. Я прикажу, чтобъ они тебѣ повиновались.

Что скажете о семъ, любезная маминька? Ахъ, естьли бы я былъ такъ богатъ, какъ Г. Делиль, то я все бы отдалъ вамъ и сестрицѣ! А по томъ у васъ выпросилъ бы сколько нибудь, дабы быть столькожъ благодѣтельнымъ, какъ и другъ мой.

Гилгомъ Дюфуръ къ своей матери.

Вчера то, любезная матушка, Карлъ угощалъ обѣдомъ бѣдныхъ деревенскихъ мальчиковъ. Ихъ было десятеро, и всѣ почти ровесники. Кушанье для нихъ было очень довольно. Я никогда не имѣлъ столько удовольствія, сколько при видѣ кушающихъ сихъ добрыхъ дѣтей. Благодарность и радость были изображены на лицахъ ихъ.

Они пили за наше здоровье съ повтореніемъ : да здравствуетъ Карлъ Делиль ! --- Мы сидѣли за однимъ столомъ съ ними, и раздѣляли ихъ искреннюю радость. По окончаніи обѣда, мы съ ними играли.

Вы весьма пріятнымъ дѣлаете сей день для нихъ, сказалъ намъ Г. Делиль, тѣмъ, что унижаетесь до низкаго ихъ состоянія, и берете участіе въ ихъ забавахъ.

Уже поздо было тогда, какъ сіи дѣти захотѣли разойтись. Карлъ спросилъ у своего отца, что стоитъ обѣдъ? Г. Делиль отвѣчалъ, что онъ слишкомъ уплаченъ удовольствіемъ, кое онъ и его супруга чрезъ то получили. Тогда Карлъ раздѣлилъ свои деньги между деревенскими гостями, давъ каждому мальчику по флорину. Вы не можете вообразить радость и восхищеніе сихъ толь хорошо угощенныхъ мальчиковъ. Карлъ былъ столь тѣмъ тронутъ, что не могъ болѣе при

семъ остаться, и взявъ меня за руку вышли мы вонъ, не могши выговорить ни слова. Наконецъ пришедши домой, Карлъ мнѣ сказалъ: не правда ли, любезный другъ, что наибольшее удовольствіе состоитъ въ облегченіи нещастныхъ?

Правда, любезный другъ, отвѣчалъ я, пожимая его руку. Ты чрезъ сей хорошій поступокъ доставилъ мнѣ великое удовольствіе.

Увы! думалъ я самъ въ себѣ, сколь бѣднаго состоянія люди жалки! Или они не въ силахъ выработать нужное имъ; или работа ихъ не доставляетъ имъ все то, что имъ нужно. Я помню, что вы мнѣ говаривали, что только сіи два рода нещастныхъ заслуживаютъ наше сожалѣніе. Они претерпѣваютъ иногда недостатки въ наинужнѣйшихъ вещахъ для жизни, и всѣ ихъ труды недоставляютъ имъ нужное, между тѣмъ, какъ мы садимся всякой

день за изобильной столЪ, снабженный даже излишнимЪ. Я буду тѣмЪ болѣе благодаренЪ небу, отЪ котораго мы получаемЪ сіи милости; и тѣмЪ болѣе буду жалостливЪ кЪ бѣднымЪ. Мое наивеличайшее удовольствіе будетЪ помогать имЪ. Ежели же достатокЪ мой не позволитЪ помогать деньгами, то буду снабжать ихЪ добрыми совѣтами.

Какое было наше удивленіе, вошедши вЪ залу, найтить вЪ оной многочисленную компанію. Г. Делиль созвалЪ дѣтей сосѣднихЪ праздновать сЪ нимЪ имянины своего сына.

Мы имѣли прекрасной концертЪ, а послѣ онаго балЪ. КакЪ бы я желалЪ умѣть такЪ играть на клависинѣ и танцовать, какЪ КарлЪ и его сестра. Но вы знаете маминька, что это не есть моя погрѣшность. Я не имѣлЪ учителей, и вы были не вЪ состояніи мнѣ оныхЪ доставлять. Нынѣ, какЪ я имѣю случай пользоваться уро-

ками моихъ друзей, то буду стараться столь великіе успѣхи дѣлать въ оныхъ, чтобъ съ ними сравняться, и тѣмъ болѣе вамъ нравиться.

Я долженъ окончить сіе письмо, любезная маминька, меня зовутъ прогуливаться. Я надѣюсь, что сія прогулка будетъ пріятна; а по возвращеніи постараюсь вамъ ее описать. Прощайте, любезная матушка.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Мы не имѣли вчера столько удовольствія въ нашей прогулкѣ, сколько я отъ оной ожидалъ. Съ начала погода была довольно хороша; но по томъ пошелъ столь сильной дождь, что мы принуждены были взойти въ трактиръ, чтобъ переждать ненастье. Эдуардъ ворчалъ сквозь зубы; Эми-

лія была печальна; и я, признаться вамъ, былъ тожъ не веселъ. Одинъ Карлъ былъ равнодушенъ. Слѣдующій разговоръ докажетъ вамъ, сколь мало трогала его сія помѣха въ нашей прогулкѣ.

Эдуардъ. Какъ мы нещастливы, что сей дождь помѣшалъ намъ въ нашей прогулкѣ, и лишаетъ насъ удовольствія, которое мы получали отъ оной.

Карлъ. Мы напьемся здѣсь чаю, а между тѣмъ дождь можетъ быть пройдетъ. Впрочемъ легко можемъ возвратиться домой.

Эдуардъ. Какъ это можно въ такой сильной дождь?

Карлъ. Для чего же не такъ, братецъ. Мы перемочимся до нитки, это правда; но какъ скоро придемъ домой, то передѣнемся въ сухое платье.

Эмилія. Я желала бы лучше, чтобъ было сухо.

Карлъ. Твоя прогулка была бы пріятнѣе. Но для нашего саду дождь былъ нуженъ. Садов-

никъ нашъ давно уже желалъ дождя, и мнѣ кажется, что его желаніе справедливѣе твоего.

Эдуардъ. (съ насмѣшливою улыбкою) Конечно такъ, садовниковы желанія должны имѣть преимущество.

Карлъ. Конечно; ибо деревья много бы пострадали отъ зноя. И чтожъ естьли бы чрезъ сію великую сушь не дали бы плодовъ. Не жаль ли бы тебѣ было бѣдныхъ крестьянъ, естьли бы жаръ истребилъ хлѣбъ въ полѣ, и естьли бы худая жатва принудила возвысить цѣну хлѣба?

Эмилія. О! они бы были очень жалки!

Карлъ. Радуйся же дождю, который ихъ избавляетъ отъ сего нещастія, и который скоро доставитъ тебѣ новыя удовольствія. Ты увидишь, какъ трава будетъ казаться свѣжѣе и зеленѣе; какъ цвѣты въ нашемъ партерѣ примутъ новую живость.

Эмилія. Я не сержусь уже болѣе на дождь, и терпѣливо буду ждать, пока перестанетъ.

Эдуардъ. Одинъ день ничего не значитъ. Лучше бы было, естьли бы онъ пошелъ въ ночь или завтра. Мы могли бы сегодни прогуливаться.

Карлъ. Тѣ, кои поѣдутъ въ дорогу въ сію ночь или завтра, желаютъ лучше, чтобъ теперь онъ шелъ, Для чего ты хочешь, чтобъ хорошая, или дурная погода, были управляемы твоимъ своенравіемъ?

Эмилія. Карлъ справедливо говоритъ. Наши желанія столь различны между собою, что никакъ не льзя ихъ сообразить такъ, чтобъ всѣ люди были довольны.

Карлъ. Повѣрьте мнѣ, мы были бы очень нещастливы, естьли бы всѣ наши желанія были удовлетворяемы. Можно ли сравнить удовольствіе, которое бы мы имѣли отъ нашей прогулки, съ

тѣми нещастіями, которыя сей дождь предупреждаетъ?

Эмилія. Но посмотрите на бѣдненькихъ птицъ: онѣ мнѣ жалки.

Карлъ. Онѣ могутъ спрятаться подъ крышками, естьли имъ противенъ дождь. Впрочемъ для сего самаго, какъ говоритъ батюшка, ихъ перья имѣютъ въ себѣ нѣчто масляное, что и спасаетъ ихъ отъ мокроты.

Эмилія. Ахъ, я этому очень радуюсь. Мнѣ кажется, что въ природѣ все очень разумно расположено.

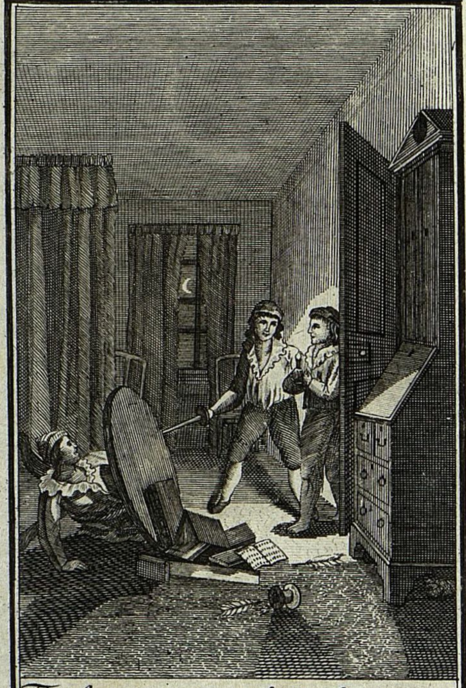
Дождь не переставая итти, принудилъ насъ взять зонтики, коими снабдилъ насъ трактирщикъ. Съ помощію которыхъ возвратились мы домой. Карлъ старался насъ развеселить дорогой; но всѣ его шутки и защита зонтиковъ не охранили насъ отъ грязи. Мы пришли домой выпачканы въ грязи съ ногъ до головы. Перемѣнивши платье, Карлъ,

Эмилія и я начали играть вЪ воланЪ, чтобЪ производимымЪ чрезЪ то движеніемЪ предохранить насЪ отЪ слѣдствій сырости. ЭдуардЪ не хотѣлЪ сЪ нами играть и безпрестанно ворчалЪ, и не могЪ найти себѣ лучшаго упражненія, какЪ дразнить бѣдную свою собаку.

Сія прогулка подала мнѣ случай замѣтить, сколь вредно быть столь своенравну, что не хотѣть покориться ни мало препятствіямЪ, кои могутЪ сЪ нами случиться вЪ теченіи нашей жизни. ЧрезЪ сіе самоволіе наималѣйшая помѣха нашему желанію можетЪ привесть насЪ вЪ великую досаду; досадажЪ лишаетЪ насЪ всѣхЪ тѣхЪ помощей, кои бы мы могли себѣ доставить, естьли бы хладнокровно взирали на случившееся сЪ нами. --- Одно только препятствіе мнѣ не сносно. Это то, кое мнѣ мѣшаетЪ обнять любезную мою маминьку и милую мою сестрицу.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Надобно, любезная матушка, разсказать вамъ смѣшную исторію, которая случилась вчера вечеромъ. Спустя полчаса, какъ мы легли спать, услышали великой шумъ. Что бы это могло быть, сказалъ я другу моему? Я не знаю, отвѣчалъ онъ. Это можетъ быть воры, повторилъ я. И въ ту же минуту мы услышали Эдуарда чрезмѣрно кричащаго. Карлъ вскочилъ съ постели, надѣлъ наскоро платье и схватя охотничій ножъ: иди за мной Гильомъ, сказалъ онъ мнѣ. Это происходитъ въ горницѣ Эдуарда. Я засвѣтилъ свѣчу, и мы пошли въ комнату брата его, дабы увидѣть, что могло такое произойти въ оной. Карлъ не показалъ ни малѣйшаго страха; но я, признаюсь, весь дрожалъ. При входѣ въ горницу увидѣли Эдуарда лежащаго на полу, и покры-

При входѣ въ горницу увидѣли Эдуарда лежа
щаго на полу, и покрытаго столомъ книгами
и бумагами.

таго столомЪ, книгами и бумагами. Мы пособили ему встать; по томЪ попросили его разсказать намЪ, какЪ это случилось.

Эдуардъ. Я ничего о томЪ не знаю опричь того, что очень испугался.

Карлъ. Но какимЪ образомЪ ты находишся на полу?

Эдуардъ. Я тебѣ это скажу; но дай мнѣ время опомниться.

Тильомъ. Не видѢлЪ ли ты кого нибудь? не воры ли?

Эдуардъ. НѢтЪ, я этого не думаю; но не знаю еще, что такое могло быть.

Карлъ На что же ты такЪ ужасно кричалЪ?

Эдуардъ. Ты самЪ бы тоже сдѢлалЪ, естьли бы былЪ на моемЪ мѢстѢ. Я не знаю, какЪ я упалЪ сЪ постели. Это конечно былЪ дьяволЪ или мертвецЪ, которой меня стащилЪ сЪ постели.

Карлъ. Ты бредишЪ, ЭдуардЪ?

Эдуардъ. Нѣтъ не брежу, сюда приходилъ злой духъ, говорю тебѣ.

Карлъ. Я боялся, что не случилось ли съ тобой что нибудь опасное; а теперь вижу, что это лишь смѣшное. --- Но ты все еще дрожишь, Гильомъ такъ же внѣ себя. Выпейте по стакану воды; да воды-то здѣсь нѣтъ, повременипе не много, я сей часъ принесу.

Эдуардъ. Не ходи одинъ, братецъ, кликни Ивана.

Карлъ. Онъ мнѣ не нуженъ. Не шуми только, чтобъ не разбудить батюшку и матушку.

Гильомъ. Осмѣлишся ли ты пробѣжать домъ, не имѣя никого съ собою?

Карлъ. А для чего же не такъ? чего бояться?

Эдуардъ. Я не трусливѣе тебя; однако не осмѣлюсь то сдѣлать. Постой Карлъ, послушай же.

Гильомъ. Какъ бы не такъ! Онъ уже далеко. Должно признаться, что онъ смѣлѣе насъ. Однакожъ Эдуардъ, разскажи мнѣ, какъ это съ тобой случилось.

Эдуардъ. Дай прежде Карлу возвратиться.

Гильомъ. Да вотъ уже и Карлъ.

Эдуардъ. Не случилось ли чего съ тобою, братецъ?

Карлъ. Со мною много случилось! Вопервыхъ прошолъ я корридоръ, по томъ взошелъ на лѣсницу, послѣ чего отперъ шкапъ и вынулъ сію бутылку, и все это, какъ видите благополучно. — Ну выпейте-ка по спакану воды, она вамъ придастъ смѣлость къ ожиданію злаго духа.

Эдуардъ. Я тебя прошу этимъ не шутить.

Карлъ. Для чего же духами не шутить?

Гильомъ. Это значитъ, что ты не вѣришь ихъ пребыванію.

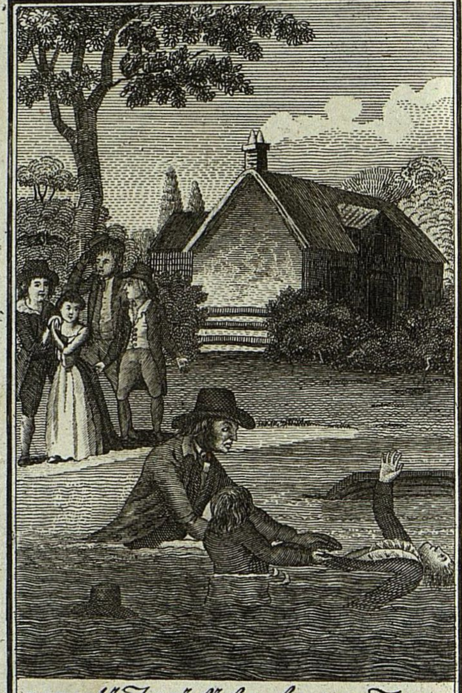
Карлъ. Точно такъ; но разскажи намъ Эдуардъ, по какому приключенію мы всѣ трое встали съ постели и находимся теперь здѣсь. Что съ начала понудило тебя встать съ постели?

Эдуардъ. Это духъ, говорю я тебѣ.

Карлъ. Это не что другое, какъ странный сонъ, котораго ты столько испужался, что и проснулся.

Эдуардъ. Нѣтъ не то: я вамъ разскажу мою исторію подробно. Я всталъ съ постели, чтобъ погасить свѣчу; но лишь легъ я опять въ постелю, какъ услышалъ что-то ходящее по комнатѣ весьма тихо. Я приподнялъ голову, и раскрывши занавѣсъ, увидѣлъ въ семъ углу двѣ зазженныя свѣчи, кои казались мнѣ то малыми, то большими, и при томъ шевелились.

Карлъ. Это тебѣ чудилось.

мальчикъ стоялъ въ водѣ возлѣ его, и тащилъ его за кафтанъ, но не имѣлъ столько силы, чтобъ вытащить.

Эдуардъ. Какъ бы не чудилось! Я это такъ ясно видѣлъ, какъ теперь тебя самаго вижу. Я лежалъ недвижимъ, не смѣя дышать. Вдругъ свѣчи погасли, и я услышалъ бѣганье по комнатѣ и сильные скочки къ дверямъ.

Гильомъ. Одно только разсказываніе приводитъ меня въ ужасъ.

Эдуардъ. Карлъ какъ ни кажется смѣлымъ; но на моемъ мѣстѣ не менѣе бы меня струсилъ.

Карлъ. Но для чего же ты не кликнулъ кого нибудь, чтобъ потребовать огня?

Эдуардъ. Я со страху былъ не въ состояніи кричать. Все было утихло; но скоро по томъ услышалъ я, что что-то подкрадывалось вдоль стѣны, и при слабомъ сіяніи луны, увидѣлъ я противъ оконныхъ занавѣсокъ великое бѣлое пугалище. Оно становилось минута отъ минуты болѣе. Я закрылъ рукою глаза, боясь глядѣть на оное, и хотѣлъ на щастіе отважиться слезть по-

тихоньку съ постели и выбѣжать изъ горницы. Пугалище начало прыгать и пришло прямо ко мнѣ. Тогда въ страхѣ я упалъ, и зацѣпивъ за столъ, уронилъ на себя. Но тише! мнѣ кажется, что я его еще слышу.

Гильомъ. И мнѣ тоже кажется. Я слышу, что-то шевелится у коммода.

Карлъ. Я бьюсь объ закладъ, что это не иное что, какъ какое нибудь животное.

Эдуардъ. Пугалище имѣло бѣлую большую голову, такъ какъ у нашей дворовой сабаки.

Карлъ. Поищемъ, и естьли оно здѣсь, то его найдемъ.

Карлъ началъ осматривать всѣ углы, и вскорѣ закричалъ: вотъ духъ. Я его нашелъ. Что же бы вы думали, что это было, любезная матушка? Этотъ духъ, которой насъ такъ напугалъ, не что другое былъ, какъ бѣлая жирная кошка. Мы всѣ померли со смѣху. Карлъ началъ смѣять-

ся надѣ легковѣріемѣ своего брата; а кошку поколотивши, выбросили вонѣ.

Эдуардѣ казался удивленнымѣ отѣ сего приключенія. Я не могу понять, говорилѣ онѣ, какѣ эта кошка могла мнѣ казаться столь страшной величины.

Карлѣ. Это есть свойство страха. Онѣ намѣ представляетѣ вещи совсѣмѣ другими, нежели онѣ вѣ самомѣ дѣлѣ, и увеличиваетѣ ихѣ вѣ нашемѣ воображеніи.

Эдуардѣ. Но двѣ свѣчи-то? Я ихѣ очень порядочно видѣлѣ; онѣ стояли на нѣкоторомѣ разстояніи одна отѣ другой.

Карлѣ. Это были кошкины глаза.

Послѣ сего разговора пошли обратно спать вѣ свою комнату, и очень спокойно проводили остатокѣ ночи. Сего дня при завтракѣ, разсказали странное наше приключеніе Господину и Госпожѣ Делиль. Они хвалили смѣлость и хладнокровіе Карлово; а Эдуар-

да и меня назвали трусами. Я признаюсь вамъ, маминька, что мнѣ и самому досадно, что я такъ робокъ. Мальчику тринадцати лѣтъ, знающему, что волшебство не что иное, какъ пустякъ, не должно бы бояться онаго.

Прощайте, любезная матушка. Вы ко мнѣ не столь часто пишете, какъ я желаю, и сколько имѣю въ томъ нужду. Эмилія часто со мною говоритъ о моей сестрѣ. Она желаетъ знать, здорова ли она. Увѣдомьте меня о семъ, и поцѣлуйте ее за меня.

Госпожа Дюфуръ къ своему сыну.

Я очень чувствительна, любезный сынъ, къ нѣжному твоему упреку, что не пишу къ тебѣ чаще. Я бы не имѣла пріятнѣе сего занятія, естьлибы имѣла свободное время. Но ты самъ знаешь,

сколь мало я онаго имѣю. Оно все преисполнено подробностями домоводства и попеченія, кое требуетъ отъ меня твоя сестра. Я должна ее воспитывать сама. Малой мой достатокъ принуждаетъ меня замѣнять учителей, коихъ я не въ состояніи ей доставлять. Я нахожу себя довольно награжденною за мои труды ея хорошими дарованіями. Она все выучиваетъ съ великою легкостію, ничто не утомляетъ ея охоту къ ученію, и я всякой день съ удовольствіемъ вижу пріумноженіе ея успѣховъ. Нравственныя ея качества не менѣе причиняютъ мнѣ радости: трудно бы было имѣть лучше и благодарнѣе ея сердце. --- Но не думай, чтобъ я тебя чрезъ то меньше любила. Всѣ мои чувства раздѣляются между вами двумя. И, естьли признаться, что больше времени и попеченій истощаю для твоей сестры; то это по тому, что она имѣетъ въ томъ болѣе

нужды, и что чрезъ дружество Господина и Госпожи Делиль, небо доставило тебѣ случай къ твоему воспитанію. Мнѣ очень жаль, что я къ тебѣ такъ рѣдко пишу. Но, любезный сынъ, прежде нежели употреблять время къ удовлетворенію нашихъ желаній, надобно оное употреблять къ исполненію нашихъ должностей. И сколь бы ни было велико удовольствіе, кое я вкушаю въ чтеніи твоихъ писемъ; велѣла бы тебѣ число оныхъ уменьшить, естьлибъ я не знала, что ты на то употребляешъ только время твоего отдохновенія.

Все то, что ты мнѣ отъ времени до времени пишешъ о Эмиліи, дѣлаетъ неограниченное удовольствіе твоей сестрѣ. Прекрасное письмо, которое сія любви достойная дѣвица писала къ своей матери касательно бѣдныхъ погорѣлыхъ, съ котораго ты мнѣ прислалъ копію, сдѣлало живѣйшее впечатлѣніе въ твоей сест-

рѣ. Она ежедневно говоритъ со мной о семъ нещастномъ приключеніи. О! любезная маминька, сказала она мнѣ вчера, естьли бы я была богата, то и я такъ же бы поступила, какъ Эмилія! Какое она должна имѣть удовольствіе, помогая симъ бѣднымъ Госпожамъ Риго. Конечно, дочь моя, отвѣчала я ей; она должна быть очень щастлива. И я также, видя, что ты принимаешъ участіе въ нещастіи твоего ближняго. Это знакъ, что ты имѣешъ доброе сердце, и ты заслуживаешъ чрезъ сіе, чтобъ брали такъ же участіе въ твоихъ печаляхъ. Существованіе сихъ благосклонныхъ расположеній весьма нужно между людьми, дабы заимообразно вспомоществовать другъ другу въ нуждахъ. Что касается до богатства, дочь моя, оно не всегда нужно къ благодѣянію. Утѣшая нещастнаго, плача съ нимъ, подавая ему добрые совѣты, удѣляя для него

часть своего времени и прося для него вспоможенiе твоихъ знакомыхъ, ты показываешь болѣе великодушiя, нежели богатый, которой даетъ ему частицу своего излишества. Ежели хочешь быть полезной нещастнымъ, то отложи къ сторонѣ всѣ пустяки, кои наше тщеславiе находитъ нужными, работай съ прилѣжностiю и будь довольна нужнымъ; чрезъ что и будешъ въ состоянiи снабжать бѣдныхъ.

Все, что вы говорите маминька, очень справедливо, сказала она мнѣ. Когда я печальна и что мои милыя подружки тѣмъ огорчены, то это придаетъ мнѣ еще болѣе печали; но тожъ и увеличиваетъ мою къ нимъ дружбу, видя ихъ участiе въ моей печали. Я чувствую, что я за то въ состоянiи пожертвовать имъ всѣмъ, что бы было наипрiятнѣйшимъ для меня.

Не справедливо ли сынъ мой, что это доказываетъ наинѣжнѣйшiя чувства? Сестра твоя имѣ-

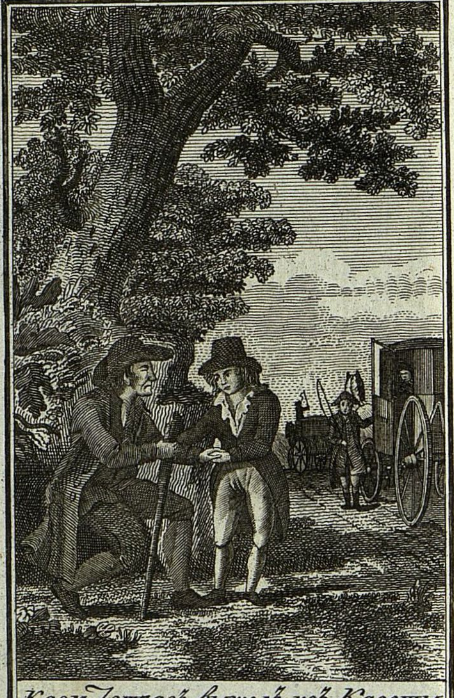
етъ вседневно онымъ подобныя, что заставляетъ меня плакать отъ радости.

Я не меньше тронута тѣми, кои ты изъявляешъ въ своемъ письмѣ. Я чувствую, что они происходятъ изъ глубины твоего сердца; ---- и я ихъ собираю съ радостію въ мое. Они услаждаютъ мою меланхолію. Я вижу, что не все еще потеряла на земли, лишась мужа: небо оставило мнѣ дѣтей, дѣтей столь достойныхъ любви, и кои меня взаимно любятъ. Да, вамъ-то я двоимъ препоручаю составленіе щастія вашей матери. Это вамъ легко будетъ сдѣлать, ибо оно состоитъ только въ томъ, чтобъ васъ видѣть благополучными, чрезъ ваши добродѣтельныя качества.

Всѣ письма, полученныя мною отъ Госпожи Делиль, преисполнены похвалами о твоемъ хорошемъ поведеніи и прилѣжности къ ученію. Дружество, кое насъ

соединяетъ, имѣетъ безъ сомнѣнія участь въ сихъ похвалахъ. Однако я надѣюсь, что довольно живо чувствуешъ множество ея милостей, чтобы ничего не дѣлать такого, кое бы могло привлечь на тебя упреки. Тебѣ было бы очень стыдно ихъ заслужить, имѣя безпрестанно въ Карлѣ примѣръ столь любезный и столь достойный послѣдованія. Привязанность, кою онъ сдѣлалъ къ тебѣ, меня чрезмѣрно ласкаетъ. Никогда не чувствуютъ живой склонности къ тѣмъ, кои недостойны почтенія. Продолжай слѣдовать хорошимъ примѣрамъ твоего друга. Молодой человѣкъ, украшенный столь благородными качествами, долженствуетъ тебѣ внушать похвальное соревнованіе, и ты не можешъ отвѣчать его любьви, какъ стараясь учиниться достойнымъ отъ него оной.

Я вижу, что твое сердце страждетъ отъ невозможности подражать его благотворитель-

Карлъ вотчасъ вышелъ изъ Кареты и побѣжалъ къ бѣдному слѣпому.

ности. Мнѣ было бы очень пріятно тебѣ доставить средство упражняться въ сей трогающей добродѣтели. Не забывай, любезный сынъ, что есть еще другія добродѣтели столь же нужныя, и при томъ сходственнѣе съ положеніемъ твоего состоянія. Это есть кротость, умѣренность, повседневное стараніе пріобрѣтать знанія, чтобъ учинить себя полезнымъ обществу; быть довольнымъ тѣмъ, что ты имѣешъ, предохранять твое сердце отъ зависти и ревности. Повѣрь мнѣ, любезный Гильомъ, что сіи добродѣтели труднѣе пріобрѣтать, и онѣ употребительнѣе, и чаще и больше имѣютъ вліяніе на наше состояніе и на подобную сему участь другихъ, нежели самое благотвореніе. Между тѣмъ обработывай оное въ сердцѣ твоемъ, дабы то самое тебѣ служило и поощреніемъ къ трудамъ и побужденіемъ къ бережливости до той минуты, въ кою фортуна

тебѣ позволитъ слѣдовать движеніямъ твоего великодушнаго сердца. Ожидая сего, сынъ мой, получи нѣсколько денегъ, кои я тебѣ посылаю. Желала бы послать тебѣ ихъ больше; но сіе есть все, что состояніе моихъ обстоятельствъ позволяетъ мнѣ сдѣлать въ сію минуту. Это единственно только опредѣлено на твои удовольствія; и я увѣрена, что ты ихъ будешъ употреблять достойно благороднаго и чувствительнаго сердца. Прощай, любезный Гильомъ, я тебя обнимаю со всѣми восхищеніями матери, коя ожидаетъ своего щастія только отъ нѣжныхъ и добродѣтельныхъ дѣтей своихъ.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Тысячу разъ благодарю васъ, маминька, за подарокъ, которой вы мнѣ прислали. Какъ! вы пи-

шете, что это безделица! О! нѣтъ. Позвольте вамъ сказать, я почитаю его великимъ. Вы не богаты, --- такъ угодно Богу! --- а дарите мнѣ десять флориновъ на мои удовольствія. Не правда ли, что вы теперь при вашемъ маломъ достаткѣ даете больше, нежели когдабъ вы были богаты, и подарили бы въ десять разъ болѣе? Но я боюсь, маминька, чтобъ вы сами не терпѣли нужды, обогащая меня. Эта мысль возмущаетъ ту радость, которую я имѣлъ получивши вашу милость. По крайней мѣрѣ будьте увѣрены, что я чувствую всю цѣну вашего подарка, и постараюсь употребить его такъ, чтобъ вы были тѣмъ довольны.

Признаюсь вамъ, мнѣ весьма пріятно было читать въ вашемъ письмѣ о моей сестрицѣ, и я съ нѣкоторою гордостію и самолюбіемъ разсказалъ Эмиліѣ то, что вы объ ней пишете. Мнѣ кажет-

ся, что я больше бы гордился ея совершенствами, нежели моими собственными. Эмилія съ удовольствіемъ услышала, что вы хвалите ея поведеніе. Она день ото дня становится умнѣе и любезнѣе. А какъ моей сестрицѣ пріятно знать объ ней что нибудь больше, то я опишу вамъ другой случай, которой недавно былъ съ Эмиліею.

Правда, сначала сдѣлала она не большой проступокъ; но слѣдствіе дѣлаетъ ей столько чести, что съ удовольствіемъ опишу вамъ все дѣло, какъ оно случилось. Эмилія была вчера въ залѣ съ Эдуардомъ. Тамъ забавлялись они попеременно играя аріи на клависинѣ. Вы знаете, что въ этой залѣ стоитъ шкапъ съ разною фарфоровою посудою, весьма дорогой цѣны. Эмилія по любопытству отворила его, чтобъ посмотрѣть нѣкоторыя Китайскія штуки, недавно подаренныя Господину Делилю. Одну изъ нихъ

взяла она вЪ руки, чтобЪ ее лучше разсмотрѣть. ЭдуардЪ, которой всегда думаетЪ только о шалостяхЪ, сказалЪ ей сЪ надмѣнною робостію, что слышитЪ походку ихЪ матушки. Эмилія боясь, чтобЪ ее не застали у шкапа, и чтобЪ не принять за то выговорЪ, поспѣшила поставить фарфорЪ вЪ шкапЪ. Но вынимая сЪ торопливостію свои руки изЪ онаго, уронила одну чашку, которая разбилась вЪ дребезги. Она была вЪ изумленіи, видя сіе нещастіе, и знаючи, что эта чашка очень дорога, и что ея маминька чрезмѣрно оную берегла, потому что она принадлежала кЪ чайному сервизу, подаренному ей наилучшею ея пріятельницею. ЭдуардЪ оставивЪ клависинЪ, подошелЪ кЪ Эмиліи, и произвелЪ слѣдующій разговорЪ:

ЭдуардЪ. Ты тутЪ оказала твое искуство бить фарфорЪ. Не желалЪ бы я быть на твоемЪ мѣстѣ.

Эмилія. О братецЪ! ты видишЪ, что я уже довольно огорчена; не стращай меня болѣе, прошу тебя. Подай лучше мнѣ доброй совѣтЪ.

Эдуардъ. Какой совѣтЪ могу я тебѣ дать? Ты здѣсь ни вЪ какой лавкѣ такой чашки не найдешЪ; и я не нахожу другаго средства, какЪ отправиться тебѣ вЪ Китай, чтобЪ тамЪ найти чашку подобную сей.

Эмилія. Какое находишЪ ты удовольствіе огорчать меня твоими насмѣшками?

Эдуардъ. Такоежъ, какое ты имѣла рыться вЪ шкапѣ.

Эмилія. Ты и самЪ иногда тоже дѣлаешь.

Эдуардъ. Теперь не о томЪ дѣло. Какая была тебѣ нужда трогать сей фарфорЪ?

Эмилія. Это правда; однакожЪ естьли бы ты меня напрасно не испужалЪ, то я бы ничего не разбила.

Эдуардъ. Этотъ сервизъ подаютъ всякое утро матушкѣ. Ты его теперь разрознила; все равно, хоть бы ты его и весь разбила.

Эмилія. Я бы все на свѣтѣ отдала, только чтобъ этого не случилось.

Эдуардъ. Печалься, печалься, это много тебѣ поможетъ.

Эмилія. Ахъ, братецъ! Какъ ты безжалостливъ! Карлъ бы меня такъ не огорчилъ.

Эдуардъ. Не плачь больше, я тебѣ скажу, какъ этому пособить.

Эмилія. Ты меня чувствительно обяжешъ.

Эдуардъ. Никто не слыхалъ, что теперь сдѣлалось. Мы соберемъ куски и положимъ ихъ въ шкапъ. За обѣдомъ ты скажешъ, что будто ты слышила, что-то упало въ шкапѣ. Я подтвержу тоже. Матушка пойдетъ смотрѣть, и безъ сомнѣнія подумаетъ, что чашка разбилась сама собою.

Эмилія. Нѣтъ, братецъ; вотъ этого-то я и не сдѣлаю.

Эдуардъ. Для чего же? Ты этимъ никого не обвиняешь.

Эмилія. Что нужды. Это худое средство оправдываться. Лучше чашку разбить, нежели солгать.

Эдуардъ. Вотъ хорошо. Я тебѣ подаю средство выйти изъ бѣды, а ты не хочешь онымъ пользоваться; такъ дѣлай же какъ хочешъ.

Эмилія. Что со мною будетъ? Какъ мнѣ быть?

Эдуардъ. Я страшуся за тебя; но при всемъ томъ очень глупъ, что о тебѣ сожалѣю, ты добровольно хочешь быть наказанной.

Эмилія. Конечно такъ. Я лучше соглашусь быть наказанною, нежели солгать маминьки. Я намѣрена сказать ей сама о моемъ проступкѣ, прося въ ономъ прощенія; и впредь никогда не буду

рыться въ шкапѣ, гдѣ будетъ стоять посуда.

Она готовилась итти, какъ увидѣла свою маминьку, входящую въ залъ. Она остановилась вся растроена, стыдилась, краснѣла, блѣднѣла, ея лицо покрывалось разными красками, и прежде нежели могла выговорить одно слово, слезы потекли изъ глазъ ея. Она ожидала отъ своей матушки трогательныхъ выговоровъ. Но какое было ея восхищенie, когда Госпожа Делиль, которая все происходившее слышала, обняла ее нѣжно, и лаская ее сказала: ты добрая дѣвица, любезная Эмилія. Я не знаю, что ты разбила; но хотя бы это было еще драгоцѣннѣе, то я тебя прощаю за твою чистосердечность и твою довѣренность. Въ твои лѣта легко подвергаются неумышленнымъ погрѣшностямъ; и дабы себя въ оныхъ исправить, надобно прибѣгнуть къ совѣтамъ людей опытныхъ; но чтобъ со-

вѣты заслужить, надобно признаться въ своихъ преступленіяхъ, даже и въ тѣхъ самыхъ, кои можно бы скрыть. А ты, Государь мой, продолжала она оборотясь къ Эдуарду, поди въ свою комнату, и тамъ размышляй о примѣрѣ, которой подала тебѣ сестра, хотя и моложе тебя. Ты очень щастливъ, что отецъ о томъ не свѣдущъ; онъ строжѣе бы меня поступилъ съ тобою. Поди и краснѣй о склонности твоей ко лжи. Я вижу, что не могу больше теперь полагаться на твои слова, и что напротивъ, я всегда могу вѣрить словамъ дочери моей.

Вы видите, маминька, сколь много Эмилія была награждена за то, что не послѣдовала худымъ совѣтамъ Эдуарда. Она дорого заплатила бы за ея ложь, понеже Госпожа Делиль все слышала. Я увѣренъ, что повѣствованіе сей исторіи послужитъ къ

пользѣ моей сестрицѣ; не съ тѣмъ, чтобъ она когда нибудь подумала обмануть васъ; нѣтъ, я этого никакъ не думаю; но сіе послужитъ къ подкрѣпленію въ добрыхъ правилахъ, которыя она отъ васъ получаетъ. Ахъ, какъ она счастлива, что можетъ внимать онымъ изъ собственныхъ вашихъ устъ! Когда будетъ то время, что мы будемъ оба съ сестрицею возлѣ васъ, изъявляя вамъ истинную нашу любовь?

Гилгомъ Дюфуръ къ своей матери.

О матушка! здѣсь всѣ находятся въ величайшемъ уныніи. Карлъ взявъ съ собою Ивана, поѣхалъ сего утра весьма рано верьхомъ посѣтить одного изъ своихъ друзей, живущаго за двѣ мили отсюда. Но что же? онъ еще по сіе время не бывалъ назадъ. Родитель его приказывалъ ему возвратить-

ся въ пятомъ часу, а теперь уже болѣе девяти. Онъ никогда не нарушалъ приказаній родителей. Надобно думать, что съ нимъ случилось нещастіе. Ночь очень темна, и ужасной становится туманъ. Господинъ Делиль послалъ теперь своего прикащика съ крестьянами, для исканія Карла. Съ какою нетерпѣливостію я ожидаю его возвращенія!

Полночь.

Какое отчаяніе! Посланный прикащикъ возвратился назадъ. Онъ былъ у того пріятеля, къ которому ѣздилъ Карлъ; и ему тамъ сказали, что Карлъ уѣхалъ оттуда съ Иваномъ въ четвертомъ часу. Что съ нимъ случилось? Не заблудился ли онъ въ лѣсу? Не упалъ ли съ лошади? Какъ можно о томъ узнать! Воры, можетъ быть, его убили! О, небо! Госпожа Делиль отъ того умретъ. Эмилія безпрестанно плачетъ. Эдуардъ бѣгаетъ какъ безумной по покоямъ и по двору.

Г. Делиль старается утѣшать свою супругу ; но примѣтно, что и самъ онъ находится въ отчаяніи. Онъ теперь послалъ мужиковъ верьхами по разнымъ дорогамъ, для отысканія бѣднаго Карла. Примѣтно, что естьли бы Господинъ Делиль не боялся оставить свою супругу въ дурномъ положеніи, въ которомъ она находилась, то онъ бы уже полетѣлъ самъ искать своего сына. О, естьлибъ я поѣхалъ съ моимъ другомъ! то я по крайней мѣрѣ раздѣлилъ бы всѣ его опасности. Госпожа Делиль желала, чтобъ я остался дома, по причинѣ моего насморку. Естьли бы я ее о томъ попросилъ, то она, можетъ быть, и позволила бы мнѣ ѣхать съ нимъ. Я очень нещастливъ, и самъ не знаю, какъ сношу мою печаль. Не могу больше держать перо, и не вижу, что пишу.

Три часа утра.

Нѣтъ еще Карла! Никто въ домѣ не легъ спать, да какъ же

и можно спать. Эдуардъ и Эмилія безпрестанно кричатъ : о братецъ ! о братецъ ! А это меня еще болѣе опечаливаетъ. О! естьли бы скорѣе разсвѣтало !

Семь часовъ утра.

Слава Богу, матушка, мы услышали о Карлѣ. Слуга, которой съ нимъ ѣздилъ, теперь только лишъ взошелъ въ комнату. Ничего опаснаго не приключилось съ моимъ другомъ. Онъ безвиненъ въ безпокойствіи, кое онъ намъ причинилъ долгимъ своимъ невозвращеніемъ; и не чуть не заслуживаетъ, чтобъ ему за то пеняли, а напротивъ требуетъ всевозможныя похвалы. О! когда вы узнаете его приключеніе! Но Г. Делиль желаетъ, чтобъ мы теперь легли спать, дабы успокоиться отъ возмущенія и горести, кои намъ причинило долгое Карлово невозвращеніе. Надобно повиноваться. Прощайте, матушка, до моего пробужденія. Первое мое попеченіе будетъ писать къ вамъ. Я

для этого встану гораздо ранѣе.

Десять часовъ.

Я разскажу вамъ все повѣствованіе, слышанное мной отъ слуги, которой ѣздилъ съ Карломъ.

Молодой его Господинъ и онъ поѣхали вчера изъ гостей прежде четырехъ часовъ, чтобъ возвратиться въ предсказанное имъ время Господиномъ Делилемъ. Лишь только четверть дороги проѣхали, какъ небо вдругъ померкло. Насталъ столь густой туманъ, что ничего не можно было видѣть въ шести шагахъ разстоянія. Карлъ, будучи по природѣ бодръ, нимало о томъ не думалъ. Они продолжали свой путь большою рысью, вдругъ наѣхали на лежащаго впереди ихъ человѣка на дорогѣ. Кто это тутъ, спросилъ Карлъ, остановя свою лошадь? Это, отвѣчалъ слуга, по видимому какой нибудь пьяный лежитъ. Поѣдемъ впередъ, любезный мой Господинъ.

Нѣтъ, отвѣчалъ Карлъ. Естьли этотъ человѣкъ пьянъ, то должно по крайней мѣрѣ стащить съ дороги въ сторону, для того, чтобъ ѣдущіе въ темнотѣ не задавили его. Говоря сіе, слѣзъ съ лошади. Какое было тогда его изумленіе, когда приближась къ нещастному, примѣтилъ богато одѣтаго старика, которой имѣлъ большую рану на головѣ, изъ которой весьма много текло крови. Карлъ его вопрошалъ, но никакого не получалъ отвѣта. Онъ мертвъ, вскричалъ Иванъ, которой также слѣзъ съ лошади.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ еще, говорилъ Карлъ; но въ обморокѣ. О небо! что намъ дѣлать?

Что же въ самомъ дѣлѣ намъ дѣлать, отвѣчалъ слуга? Надобно продолжать намъ путь. Мы остановимся въ первой деревнѣ, и пошлемъ оттуда кого нибудь къ нему на помочь.

Какъ ты безжалостливъ Иванъ, возразилъ Карлъ съ пылкостію!

Прежде, нежели придутЪ тѢ, коихЪ мы сюда намѢрены послать, бѢдной раненой умретЪ. ВидишЪ, сколько уже крови вытекло изЪ его раны. Привяжи лошадей кЪ дереву. НамЪ должно самимЪ ему помочь, сколько можно.

КакЪ вы разсуждаете? сказалЪ ИванЪ. Ну, естьли ночь застанетЪ насЪ здѢсь, то вЪ туманѢ мы и дороги нашей не найдемЪ.

Ну что же, мы останемся здѢсь. --- Безспорно; но ваши родители, Государь мой? Вообразите себѢ ихЪ безпокойство. --- Ты говоришЪ правду, я о томЪ и не думалЪ. ---- КарлЪ пошелЪ было садиться на лошадь, но обратясь кЪ старику со взоромЪ, наполненнымЪ слезами отЪ сожалѢнія, почувствовалЪ себя принужденнымЪ остаться. НѢтЪ, нещастный старичокЪ, вскричалЪ онЪ, я тебя не оставлю вЪ толь жалостномЪ твоемЪ состояніи.

Я не допущу погибнуть подобнаго себѣ, не сдѣлавъ ему прежде помощи. Сказавъ сіи слова, съ поспѣшностію снялъ съ себя платье, и разодралъ свой камзолъ на двое.

Иванъ. Что вы дѣлаете, сударь?

Карлъ. Надобно обвязать ему лобъ, чтобъ чрезъ то пресѣчь теченіе крови.

Иванъ. Но, Государь мой. . . .

Карлъ. Не говори о томъ больше, и помоги мнѣ. --- Онъ тотчасъ сложилъ свой камзолъ въ четверо, и приложилъ оной къ окровавленной головѣ старика. Обвязку прикрѣпилъ своимъ платкомъ и нѣсколькими булавками. Послѣ съ помощію Ивана, стащилъ нещастнаго съ дороги и положилъ его на траву.

Что мы будемъ теперь дѣлать, сударь, сказалъ ему Иванъ?

Карлъ. Должно тебѣ, какъ можно, скорѣе ѣхать въ ближнюю деревню, и привесть оттуда ло-

дей, которые бы могли отнести пораженнаго старика въ ближайшій домъ. Я имъ заплачу за ихъ труды. А я останусь здѣсь до твоего возвращенія.

Иванъ. Избави меня Боже, чтобъ я вамъ въ этомъ повиновался. Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, любезный мой Господинъ, чтобъ я васъ оставилъ одного въ семъ пустомъ мѣстѣ. Батюшка вашъ мнѣ этого во всю мою жизнь не проститъ.

Карлъ. Я беру все на себя, и тебѣ это учинить приказываю.

Иванъ. Ну, сударь, когда вы мнѣ такъ точно приказываете, то я ничего не могу больше отвѣчать. Но вспомните по крайней мѣрѣ. . .

Карлъ. Я буду воспоминать все; поѣзжай.

Иванъ тотчасъ поскакалъ, и увидѣвъ въ нѣкоторомъ разстояніи крестьянской домикъ, прискакалъ къ оному. Вошедши въ избу

увидѣлъ двухъ мущинъ и нѣсколько женщинъ и дѣтей, плетущихъ разныя коробочки изъ ивы. Онъ подошелъ къ старшему изъ мущинъ и просилъ его итти съ своимъ товарищемъ на вспоможеніе раненому лежащему на дорогѣ старику. Они сначала показывали нѣкоторое отвращеніе итти въ столь дурную погоду, и то по прозьбѣ незнакомаго имъ человѣка; но Иванъ ихъ убѣдилъ своимъ прошеніемъ. Они сыскавши носилки, послѣдовали за нимъ.

Между тѣмъ Карлъ ни на минуту не отлучался отъ старика; и посредствомъ многихъ стараній, привелъ его въ чувство.

Смѣю ли васъ спросить, Государь мой, сказалъ ему Карлъ, кто вы таковы? и по какому нещастному случаю вы находитесь въ столь жалостномъ состояніи?

Мое имя есть Рабо, отвѣчалъ старикъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ. Я купецъ. Лошадь моя,

на которой я ѣхалъ въ загородной мой домъ, спотыкнувшись сронила меня такъ нещастливо, что я ударился головою объ камень. Я хотѣлъ было встать; но боль и текущая кровь изъ моей раны, при томъ и старость моя причинили мнѣ обморокъ. Я упалъ безъ памяти, и что приключилось со мною послѣ того, ничего не знаю. --- Но вы, любезное дитя, кои столь чувствительно оказываете соболѣзнованіе къ моему нещастію; вы ли тотъ, которой обвязалъ мою голову и спасъ меня отъ смерти?

Да, Государь мой, я имѣлъ щастіе вамъ услужить. Со мной былъ слуга, но я его теперь лишь послалъ въ ближнюю деревню, чтобъ вамъ доставить квартиру и нужное вспомоществованіе.

Г. Рабо. Какъ! вы имѣли бодрость остаться со мною, не взирая на сіе пустое мѣсто и мракъ? и будучи еще столь молоды, спа-

сли меня отъ смерти? Какой безцѣнною благодарностiю обязали вы меня!

Карлъ. Никакой, Государь мой. Я исполнилъ только мой долгъ; и естьли я могу еще вамъ быть полезенъ, то я весьма щастливымъ почту себя. . .

Сей разговоръ былъ прерванъ пришествiемъ Ивана съ двумя мужиками. Они положили Г. Рабо на носилки, на которыхъ былъ положенъ матрацъ. Сколько ни старались нести его тихо, но трясенiе несущихъ возобновило его боль, и онъ снова впалъ въ безчувствiе.

Карлъ, отдавши свою лошадь вести Ивану, шелъ подлѣ носилокъ, и всячески старался привесть больнаго въ чувство. Какъ скоро пришли къ дверямъ избы, то онъ тотчасъ приказалъ одному изъ мужиковъ сѣсть на лошадь, и ѣхать со всею поспѣшностiю отъискать лѣкаря.

Между тѣмъ Иванъ не переставалъ просить Карла, чтобъ ѣхать домой, представляя ему страхъ, въ которомъ его родители должны находиться, по причинѣ его замедленія.

Какъ отвѣчалъ ему Карлъ, я оставлю сего старика умирающаго въ рукахъ крестьянина! Ты видишъ, что онъ еще внѣ себя. Все то, что я для него сдѣлалъ, превратится въ ничто, естьли я его теперь оставлю. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу проводить ночь подлѣ него.

Иванъ. Какъ, сударь, что вы говорите?

Карлъ. Я уже рѣшился. Поѣзжай ты поскорѣе домой, и разскажи моимъ родителямъ все произшедшее, чтобъ они болѣе не безпокоились обо мнѣ. Скажи имъ, что я буду до завтрава дожидаться ихъ приказаній.

Иванъ. Сего не исполню, сударь, извините меня въ томъ. Я боюсь гнѣва вашего батюшки.

Однако должно быть такЪ, отвѣчалЪ КарлЪ суровымЪ голосомЪ. Не теряй времени, уже ночь.

ИванЪ сколько ни противился, но наконецЪ долженЪ былЪ повиноваться.

Между тѣмЪ худая погода увеличилась и туманЪ сдѣлался столь сильнымЪ, ночь при томЪ же была столь темна, что ИванЪ заблудившись вЪ лѣсу, чрезЪ которой надлежало ему непремѣнно ѣхать, и не знавши какЪ выѣхать, принужденЪ былЪ по безполезномЪ исканіи сѣсть подЪ дерево и дожидаться тутЪ дня, а насЪ между тѣмЪ повергнуть во всю ночь вЪ плачь. Бѣдной ИванЪ! онЪ много претерпѣлЪ отЪ стужи и усталости. ОнЪ боялся показаться Г. Делилю, думая, что будетЪ наказанЪ.

Я не могу вамЪ описать его восхищенія, когда онЪ по повѣствованіи своемЪ услышалЪ Г. Делиля воззывающимЪ: о Боже!

сколько я долженЪ тебя благодарить, что даровалЪ мнѣ такого сына, и что ему доставилЪ случай помочь сему почтенному старику! А ты, ИванЪ, очень хорошо поступилЪ, что исполнилЪ приказанія Карловы; вотЪ тебѣ подарокЪ, чтобЪ ты забылЪ прошедшую худую ночь. Поди отдохни, чтобЪ быть вЪ состояніи опять возвратиться кЪ моему сыну. Я его не укоряю за безпокойство, причиненное намЪ. ОнЪ все то сдѣлалЪ, что только могЪ сдѣлать для своего прощенія.

ИванЪ отправился обратно кЪ Карлу. Я нетерпѣливо желаю узнать о семЪ нещастномЪ Г. Рабо, живЪ ли онЪ, или нѣтЪ? Я надѣюсь васЪ скоро о томЪ увѣдомить. Прощайте, любезная маминька.

Два часа.

КарлЪ возвратился, любезная матушка. СЪ какимЪ восхищеніемЪ я его обнялЪ. ОнЪ есть Ан-

тель въ моихъ глазахъ. Чрезъ его старание Господину Рабо гораздо легче стало, и Карлъ надѣется, что онъ скоро вылѣчится.

Карлъ приѣхалъ въ ту минуту, въ которую мы его еще совсѣмъ не ожидали. Эмилія всѣхъ прежде его увидѣла. Она вскрикнула отъ радости: Карлъ! Карлъ! и поспѣшно побѣжала на встрѣчу ему. Они взошли обнявшись. Карлъ поцѣловавши ее спѣшилъ итти къ своему отцу. Онъ бросился въ его объятія, а по томъ къ своей матери. Я вамъ разскажу слово до слова все то, что они говорили. Я во всю мою жизнь не забуду оной разговоръ.

Карлъ. Простите меня, любезнѣйшие родители, въ нанесенномъ мною вамъ безпокойствіи.

Г. Делиль. Тебя простить, сынъ мой? Спѣши скорѣе въ мои мои объятія. Ты исполнилъ твой долгъ къ ближнему твоему, не забывши того, чѣмъ ты долженъ

намЪ самимЪ. Сіе есть то, чего ты еще не вѣдаешь: спасши жизнь сего почтеннаго Г. Рабо, ты заплатилЪ великій долгЪ за твоего отца. *Я* никогда не думалЪ, чтобЪ возможно было тебя болѣе любить; но я обманулся.

Карлъ. Вы меня чувствительно трогаете, батюшка, вашею благосклонностію.

Г. Делилъ. Ты того достоинЪ, любезный сынЪ. Скажи же намЪ, какЪ находится твой больной, первый и величайшій благодѣтель твоего отца?

Карлъ. Ему гораздо легче. ОнЪ нѣсколько еще слабЪ; но лѣкарь меня увѣрилЪ, что рана его не опасна.

Госпожа Делилъ. ОнЪ еще вЪ шалашѣ тѣхЪ бѣдныхЪ людей? БудутЪ ли имѣть о немЪ нужныя попеченія?

Карлъ. О! маминька, не безпокойтесь о томЪ. Дочь и сестра

его находятся при немъ. Какъ скоро Г. Рабо назвалъ мнѣ его деревню, я тотчасъ послалъ въ нее мужика, дабы увѣдомить его семейство о его нещастіи. Дочь его и сестра пріѣхали вскорѣ. Какое удовольствіе было для меня вручить страждущаго отца тѣмъ, кои ему всего дороже!

Г. Делилъ. А гораздо еще больше удовольствія, любезный сынъ, быть избраннымъ провидѣніемъ, чтобъ примирить двухъ человѣкъ, которыхъ одна только клевета содѣлала непріятелями, не взирая на дружество одного и на нѣжную благодарность другаго. Г. Рабо знаетъ ли твое имя?

Карлъ. Знаетъ, батюшка. Онъ у меня спросилъ о немъ, и я ему сказалъ; но ничего не могъ понять въ смятеніи, кое произвело въ немъ познаніе моего имени.

Г. Делилъ. Ты все узнаешь и поймешь, но въ другое время. Мнѣ

теперь надобно поспѣшать въ объятія тѣхъ, коихъ ты оставилъ. Довольно для тебя знать то, что ты наивеличайшую услугу оказалъ твоему отцу.

Карлъ. О, батюшка, какъ могу я вамъ изъявить мою радость? Я боялся вашихъ упрековъ, а вы напротивъ меня осыпаете вашими милостями.

Госпожа Делиль. Но какъ ты находился въ той избѣ?

Карлъ. Я вамъ признаюсь, любезная матушка, что я ни мало не занимался мѣстомъ, въ которомъ я былъ. Я имѣлъ только предъ глазами сего почтеннѣйшаго старика, котораго видѣть умирающимъ я страшился каждую минуту.

Госпожа Делиль. Ты во всю ночь не спалъ?

Карлъ. Я было приказалъ положить нѣсколько вязокъ соломы подлѣ постели Г. Рабо, и легъ на оную. Но ваши безпокойства,

безпокойства братца и сестрицы и моего друга, которыя я себѣ представлялъ безпрестанно; страхъ, въ которомъ я былъ о больномъ; предосторожности, которыя я долженъ былъ употребить, боясь, чтобъ сіи мужички въ добромъ ихъ намѣреніи не дали чего Господину Рабо, могущаго ему сдѣлать вредъ; все это отымало у меня сонъ. Ахъ, естьли бы я зналъ, что вы будете цѣлую ночь препроводить не получая извѣстія обо мнѣ; то сколько бы мое сердце претерпѣло мученій!

Госпожа Делилъ. Обними меня, сынъ мой, и поди спать; время тебѣ успокоиться.

Я его проводилъ въ его комнату. Какъ я щастливъ, сказалъ онъ мнѣ, пожимая мою руку, тѣмъ, что мои родители довольны мною, и тѣмъ еще, что незная учинилъ услугу батюшкѣ!

Любезной и драгой другъ, вскричалъ я, бросившись въ его объятія! Это было все, что я

могЪ ему сказать; глаза мои наполнены были слезами, сердце мое трепетало, и я не могЪ почти отвлечь моихЪ рукЪ отЪ него. АхЪ! никогда, никогда я ему не уподоблюсь; но это не отЪ зависти, что я наслаждаюсь удовольствіемЪ, когда нибудь быть ему подобнымЪ.

ГильомЪ ДюфурЪ кЪ своей матери.

Во ожиданіи имѣть скоро удовольствіе васЪ увѣдомить, маминька, вЪ чемЪ состоитЪ услуга, учиненная КарломЪ его батюшкѣ, относительно до сдѣланнаго имЪ вспомоществованія Г. Рабо; я радуюсь, что могу васЪ увѣдомить между тѣмЪ о новомЪ похвальномЪ поступкѣ моего друга, вЪ коемЪ онЪ показалЪ много воздержности и правосудія.

ОдинЪ изЪ деревенскихЪ нашихЪ сосѣдей подарилЪ ему, уже

нѣсколько тому дней, собачку рѣдкой красоты. Молодой Фавръ, одинъ изъ нашихъ товарищей, многократно ее просилъ у Карла; но не могъ выпросить, понеже всѣ знаютъ, съ какимъ жестокосердіемъ онъ поступаетъ съ бѣдными тварями, которыхъ онъ имѣетъ.

Онъ воспитываетъ всякихъ животныхъ, какъ то: собакъ, птицъ, голубей, кроликовъ, бѣлокъ, и съ ними провождаетъ по крайней мѣрѣ половину дня. Мнѣ кажется, что надобно имѣть весьма малой разсудокъ, чтобъ терять время на сіи презрительныя занятія, вмѣсто того, чтобъ оное посвящать упражненію въ наукахъ и художествахъ.

Хотя онъ имѣетъ уже много разныхъ звѣрей, однако чрезвычайно сердился, видя собаку, въ которой ему отказали, подаренную Карлу, которой ее не просилъ. Что же случилось? Только

лишь другъ мой получилъ оную, какъ въ тотъ же часъ бѣдную сію тварь нашли убитую въ углу. Вчера узнали, что Фавръ приказалъ ее опоить ядомъ, по безмѣрной его зависти. Какія чудовища есть между людьми! Я сказалъ чудовища, и слово сіе не очень еще сильно. Да, любезная маминька, тотъ есть чудовище въ моихъ глазахъ, которой лишаетъ другаго того, чего онъ самъ не можетъ имѣть. Слѣдующій разговоръ, произшедшій вчера ввечеру между Эдуардомъ, Карломъ и мною, во время нашей прогулки, увѣдомитъ васъ, какъ другъ мой отомстилъ за сей дурной поступокъ.

Я ему изъявлялъ мое сожалѣніе о смерти его собаки. Я и самъ тѣмъ огорченъ, сказалъ онъ мнѣ. Никогда я не думалъ, что потеря собаки могла мнѣ быть столь чувствительна. Но сія собака была особенной красоты, и она начинала уже имѣть привязанность

ко мнѣ. Сверьхъ того я теперь обѣщаюсь самъ себѣ избѣгать впредь всякой привязанности, происходящей отъ нашей слабости, къ какой бы ни было твари, опасаясь чрезъ то имѣть менѣе жалости къ людямъ.

Эдуардъ. Это весьма скверно отъ Фавра, отравить бѣдную собаку. Я бы его во всю мою жизнь не простилъ, естьли бы я былъ на твоемъ мѣстѣ.

Карлъ. Однако мнѣ должно его простить собственно для того, чтобъ не быть столь злымъ, какъ онъ.

Эдуардъ. Ты слишкомъ добръ, братецъ. А я его за то терпѣть не могу.

Карлъ. Я вражды на него не имѣю, потому что ненависть есть безпокойная страсть; она возмущаетъ собственное наше спокойствіе; но я презираю его нравъ, и сожалѣю объ немъ. Причинить болѣзненную смерть невинной твари, для того только,

чтобъ не дать владѣть ею другому, есть жестокое свирѣпство, которое можетъ подать поводъ къ ужаснымъ предпріятіямъ.

Эдуардъ. Нѣсколько дней тому назадъ, какъ онъ еще назывался твоимъ пріятелемъ.

Карлъ. Я теперь узналъ, что не надобно пустымъ словамъ вѣрить, и что должно стараться распознавать хорошенько людей, съ коими имѣешъ обращеніе, прежде нежели имъ ввѣрять свою дружбу.

Эдуардъ. Не уже ли ты будешъ еще имѣть съ нимъ знакомство?

Карлъ. Я ему никакой публичной обиды не сдѣлаю, но буду стараться убѣгать его какъ можно болѣе. Товарищество съ молодымъ человѣкомъ, которой имѣетъ такой нравъ, каковъ его, не можетъ мнѣ нравиться ни подъ какимъ видомъ.

Эдуардъ. Сего не довольно. Послушай, хочешъ ли ты, чтобъ

я ему отрѣзалъ уши? Тебѣ стоитъ только слово сказать.

Карлъ. Сіе-то слово остерегусь я произнесть. Уши его мнѣ не возвратятъ моей собаки.

Эдуардъ. Какое же другое остается намъ средство отмщенія? Знаешъ ли что, Фавръ имѣетъ очень хорошую борзую собаку? Мы также можемъ ее отравить, по праву нашей очереди.

Карлъ. Тьфу, Эдуардъ! какъ ты можешъ желать учинить такое дѣйствіе, которое самъ теперь лишъ наименовалъ презрѣннымъ?

Эдуардъ. Но его поступокъ заслуживаетъ отмщеніе.

Карлъ. И бѣдная борзая собака то же заслужила отмщеніе.

Эдуардъ. Не уже ли ты хочешъ оставить его злодѣйство безъ наказанія?

Карлъ. Это до меня не касается. Я его ни судья, ни мучи-

тель. Довольно для меня предать сіе его совѣсти.

Эдуардъ. Я очень любопытенъ знать, что батюшка подумаетъ о семъ приключеніи. Я больше не удивляюсь тому, что батюшка старался всегда прервать нашъ союзъ съ симъ негоднымъ повѣсою.

Карлъ. Это есть знакъ, что батюшка предусматривалъ дурное его сердце. Я научаюсь чрезъ то, что должно намъ совѣтоваться съ нашими родителями о выборѣ друзей. Какъ они имѣютъ больше насъ опытовъ, то они умѣютъ лучше различать добрые отъ худыхъ нравовъ. Съ помощію ихъ разумныхъ совѣтовъ, я надѣюсь избавиться впредь отъ опасныхъ союзовъ, кои со временемъ могутъ повредить моимъ качествамъ. Но, Эдуардъ, я думаю, что намъ не нужно сказывать батюшкѣ о скверной зависти Фавра.

Эдуардъ. А для чего же скрывать оную?

Карлъ. По тому, что не должно никогда говорить худо даже и о своемъ непріятелѣ, развѣ тогда только, когда не льзя уже миновать, или для его поправленія, или для предохраненія другихъ отъ его злодѣяній. И естьли я бы зналъ, что мои увѣщанія сдѣлаютъ въ немъ впечатлѣніе, то бы я не медлилъ итти самъ къ нему, дабы заставить его чувствовать собственную свою вину.

Гильомъ. Вотъ благородной образъ мыслей, другъ мой. Но я думаю, что не худо было бы сказать это твоему батюшкѣ. Кто знаетъ? можетъ быть его увѣщанія поправятъ нравъ Фавра.

Карлъ. Перестанемъ-те о томъ толковать. Поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ пріятнѣйшемъ. Сегодни прекрасной вечеръ, не хотите ли итти прогуляться?

Эдуардъ. Охотно, естьли тебѣ то угодно. Но что я вижу.

посмотри, посмотри, не видишъ ли ты чего нибудь на верьхушкѣ сего дерева?

Гильомъ. Мнѣ кажется, что это бѣлка. Какъ она шибко прыгаетъ!

Карлъ. Посмотри, она зацѣпилась своею цѣпочкою за сукъ.

Эдуардъ. О, какое щастіе! эта бѣлка Фаврова. Она, видно, ушла изъ его садка. Я очень радъ, что она намъ попалась. Она скоро заплатитъ за собаку. Фавръ ее ни за что бы не отдалъ; дай срокъ, мы Фавру докажемъ дружбу.

Карлъ. О любезной Эдуардъ! бѣдная бѣлка страждетъ. Гильомъ, сдѣлай одолженіе вели принесть поскорѣе лѣстницу. Мнѣ хочется отпутать и освободить бѣдную бѣлку.

Эдуардъ. Чтобъ ее возвратить Фавру?

Карлъ. Безъ сомнѣнія. Вѣть она ему принадлежитъ.

Эдуардъ, Онъ погубилъ твою собачку, а ты хочешь спасти его бѣлку.

Карлъ. Для чего же не такъ? Я радуюсь, что могу въ сей день ему услужить за зло, полученное мною отъ него.

Эдуардъ. Но подумай Карлъ. Не скоро случится такой удобной случай отмщенія.

Карлъ. Я почитаю такъ же сіе за отмщеніе, доказавъ ему, что имѣю сердце лучше его.

Эдуардъ. Такъ точно, онъ въ состояніи чувствовать твой поступокъ. Развѣ ты не знаешъ, что онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ только страхъ отмщенія можетъ удержать отъ злодѣяній.

Карлъ. Ну такъ чтожъ? Естьли Фавръ не почувствуетъ честность моего поступка, то я собственное свое въ ономъ найду удовольствіе.

Я приказалъ садовнику принесть лѣстницу, онъ ее принесъ

вЪ ту же минуту; и КарлЪ самЪ взлѣзЪ на дерево, отпуталЪ цѣпочку, и освободивЪ бѣлку, велѣлЪ садовнику отнесть ее кЪ Фавру.

Что ты думаешЪ о моемЪ братцѣ, спросилЪ у меня ЭдуардЪ? ---- Его не льзя за то хулить, отвѣчалЪ я ему; онЪ великодушенЪ.

ЭдуардЪ. ТакЪ безЪ сомнѣнія. Но я бы на его мѣстѣ такЪ не поступилЪ.

ГильомЪ. Ты бы весьма дурно сдѣлалЪ. Но я увѣренЪ, что впредь, естьли случится такой случай, ты послѣдуешЪ хорошему примѣру Карла.

Оборотившись кЪ Карлу, мы увидѣли, что онЪ весьма веселЪ, и я замѣтилЪ вЪ немЪ видЪ удовольствія. О! какЪ оное легко можно получить! Нужно только дѣлать добро.

О любезная матушка, берегите, прошу покорно, мои письма, чтобЪ я могЪ ихЪ перечитывать,

когда возвращусь домой. Я былъ бы весьма не достоинъ любви моего друга, естьли бы его поведеніе не возбудило во мнѣ желанія пользоваться хорошими его примѣрами. Желалъ бы я, чтобъ симъ примѣрамъ послѣдовали всѣ молодые люди нашихъ лѣтъ. Чтеніе добрыхъ дѣлъ раждаетъ въ насъ великое удовольствіе; но послѣдованіе онымъ еще то превозвышаетъ. ---- Будьте увѣрены, любезная маминька, что Карловы поступки впечатлѣны въ моемъ сердцѣ; я буду стараться имъ послѣдовать, и чрезъ то буду болѣе достойнымъ вашей любви. Прощайте, любезная маминька; поцѣлуйте за меня сестрицу.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Мы были вчера, любезная маминька, при собираніи осѣннихъ плодовъ. Воздухъ былъ тихъ,

небо ясно, и слышанъ былъ звукъ радостныхъ пѣсенъ по всей деревнѣ. Весьма было пріятно смотрѣть сквозь зеленыя деревья на мальчиковъ и взрослыхъ людей, взлѣзающихъ по сучьямъ на высокія деревья, для собиранія съ оныхъ плодовъ. Женщины и дѣвушки принимали оные въ свои передники, и клали въ корзины. Мы также занимались сниманіемъ оныхъ съ отраслей, которыя висѣли низко. Сіи труды имѣли видъ праздника, которой возбуждалъ радость въ сердцѣ.

Нѣсколько деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, довольно худо одѣтыхъ, смотрѣли на насъ чрезъ заборъ. Одна изъ сихъ дѣвочекъ кликнула къ забору садовника, и говорила ему съ просящимъ видомъ, обращая нѣсколько разъ свои взоры на моего друга. Карлъ примѣтилъ то, и думая, что садовникъ окончилъ уже разговоръ, подалъ ему знакъ при-

ближиться. Слѣдующее разсужденіе вамъ то изъяснитъ лучше, нежели мои слова.

Карлъ. (къ садовнику). Что эта маленькая дѣвочка у тебя просила съ столь трогательнымъ видомъ?

Садовникъ. Зная, что вы имѣете сердце наполненное благостію, она меня просила выпросить у васъ нѣсколько плодовъ, для больной ея матери.

Карлъ. Она проситъ плодовъ для больной матери? Сіе показываетъ, что она доброе дитя. Поди и дай ей столько яблокъ, сколько она ихъ можетъ снесть. Я радуюсь, что могу наградить ея любовь къ тѣмъ, отъ которыхъ она получила жизнь.

Садовникъ. Я ей самыхъ мѣлкихъ дамъ, и изъ тѣхъ, кои не очень хороши вкусомъ?

Карлъ. Какъ! ты хочешь выбирать для бѣдной больной точно такія, коихъ нѣтъ хуже?

нѣтъ, нѣтъ, дай ей напротивъ самыхъ лучшихъ.

Садовникъ. Да вѣть хорошихъ-то, сударь не много, чтобъ это не причинило недостатку нашей провизіи.

Карлъ. Не самъ ли ты говорилъ мнѣ, что никогда не было изобильнѣе собиранія плодовъ нынѣшняго года.

Садовникъ. Правда, сударь, наши житницы будутъ преизобильны плодами.

Карлъ. И изъ сего изобилія, которое небо намъ ниспосылаетъ, можно дать, мнѣ кажется, что нибудь тѣмъ, кои ничего не имѣютъ.

Садовникъ. Ахъ! милой мой, Господинъ! не даромъ васъ всѣ любятъ и почитаютъ. Я исполню, сударь, ваше приказаніе.

Садовникъ тотчасъ побѣжалъ исполнить сіе. Между тѣмъ Эдуардъ подошедши къ своему брату, говорилъ ему: я не могу тебя хулить за твою щед-

рость; но чрезъ то ты подаешъ имъ поводъ просить что нибудь и другое.

Карлъ. Ахъ, братецъ, естьли бы они не просили того, чего у нихъ нѣтъ, то могли ли бы мы то предосудить въ нихъ? Мы требуемъ почти всякой день тысячу излишнихъ вещей у нашихъ родителей и у Бога. Предоставимъ смѣлость бѣднымъ, по крайней мѣрѣ намъ объявлять ихъ необходимыя надобности.

Эмилія. Карлъ правду говоритъ. Не ужасно ли было бы, естьлибъ мы имѣли сверхъ нужнаго для насъ, также для нашихъ удовольствій, и естьлибъ бѣдные были лишены крайнихъ надобностей въ жизни? Я скажу сего вечера матушкѣ о состояніи матери сей дѣвочки; я надѣюсь, что она ей поможетъ.

Г. Вернетъ, пришедшій къ намъ, слышалъ послѣднія слова Эмиліи, и похвалилъ ее за человѣколюбіе. Карлъ спросилъ у Г.

Вернета, здоровы ли яблоки для больныхъ? Конечно здоровы, отвѣчалъ Г. Вернетъ, наипаче когда они испечены. Сей фруктъ, которой полезенъ почти всякому сложенію людей, имѣетъ еще удобность, что можетъ сохраняться большую часть года. Какъ премудръ и добръ Творецъ, давъ сію способность многимъ плодамъ. Онъ предупреждаетъ нужду, кою мы можемъ имѣть въ оныхъ зимою. Тогда земля не въ состояніи произращать тѣхъ пріятныхъ плодовъ, коими она насъ снабжаетъ лѣтомъ.

О любезная маминька, я всегда буду благодарить Творца, что онъ по великодушной своей любьви снабдилъ дѣтей своихъ всѣмъ нужнымъ для жизни. Увы! сколько находится неблагодарныхъ, кои ѣдятъ зимніе запасы, не думая ни мало о благодѣтельной рукѣ, отъ которой они получаютъ оные! Да сохранитъ меня

Небо, чтобъ быть въ числѣ таковыхъ; я наипаче всѣхъ долженъ его благодарить весьма много, что оно мнѣ даровало столь добрую мать, каковую я въ васъ имѣю! Прощайте маминька, продолжайте вашу ко мнѣ любовь.

P. S. Въ сію минуту вручили Г. Делилю письмо отъ перваго при Его Величествѣ Камергера Графа Д.... Онъ требуетъ, чтобъ Карлъ явился немедленно къ нему; но не извѣстно для чего. Мой другъ поѣдетъ завтра съ Г. Вернетомъ въ столицу. О, естьлибъ вы знали, сколь много эта разлука причиняетъ намъ грусти, особливо мнѣ! Я сдѣлалъ себѣ пріятную привычку быть всегда вмѣстѣ съ моимъ другомъ; а теперь долженъ буду проводить цѣлые дни безъ него. Кто знаетъ, на сколько времени онъ разстается съ нами! Г. Делиль ни мало не безпокоится о причинѣ его требованія. Письмо Графа

очень ласково, и не содержитъ ничего огорчительнаго. Однако я разстаюсь съ моимъ другомъ.

Гилгомъ Дюфуръ къ своей матери.

Спѣшу, любезная матушка, вамъ послать копію съ перваго письма, полученнаго мной отъ друга моего Карла. Вы увидите въ немъ приключеніе его путешествія и прибытіе его въ столицу. Я нетерпѣливо ожидаю первыхъ извѣстій, касательно его требованія въ столицу. Мое сердце чувствуетъ уже впередъ, что это для его благополучія. Я столь спѣшу увѣдомить васъ о приключеніяхъ моего друга, что прерываю свое письмо.

Карлъ Делилъ къ Гильому Дюфуръ.

Я не знаю еще, любезный другъ, что доставитъ намъ далѣе наше путешествіе. Съ начала оно не было благополучно. Суевѣры подумали бы, что это предзнаменуетъ нѣчто худое; но мы, любезный Гильомъ, будучи воспитаны по истиннымъ правиламъ, знаемъ, что все располагается по волѣ Творца, которой все дѣлаетъ для нашего блага.

Лишъ только проѣхали мы милю, какъ одна изъ нашихъ лошадей остановилась, не хотя больше итти впередъ. Почталіонъ началъ ее бить; что причинило во мнѣ сожалѣніе къ столь бѣдной, но при томъ весьма полезной скотинѣ. Почталіонъ начавъ разсматривать причину ея супротивленія, увидѣлъ, что бѣдная лошадь была закована. Это принудило насъ ѣхать весьма тихо до ближ-

ней станцiи. Тамъ дали намъ свѣжихъ лошадей, и мы продолжали нашъ путь весьма скоро, но на половинѣ дороги, которая была весьма дурна, ось у нашей кареты сломилась. Къ нашему щастiю, мы упали на землю такъ благополучно, что ни чуть не ушиблись. По близости не находилось никакого жилья, и мы принуждены были итти пѣшкомъ до станцiи. Я не тужилъ о семъ приключенiи вразсужденiи себя; но былъ онымъ огорченъ для Г. Вернета, любви и почтенiя достойнаго друга. Холодъ и сырость воздуха, равно и усталость отъ ходьбы, меня безпокоили о его здоровьѣ. Солнце уже закатилось, и мы шли тихо въ сопровожденiи нашего слуги. Вскорѣ пошелъ чрезвычайно жестокiй дождь. Наконецъ спустя полчаса нашей ходьбы, мы примѣтили въ правой сторонѣ нѣсколько въ сторону отъ дороги, маленькой домикъ. Мы въ немъ были приняты

землепашцемъ, согбеннымъ тяжестію работъ и лѣтъ. Жена его, которая, казалось, равныхъ ему лѣтъ, приняла насъ также очень ласково. Сіи добрые старики и ихъ дѣти старались всячески насъ угостить. Старшіе сыновья тотчасъ побѣжали за осью въ ближнюю деревню, и по отысканіи оной, пособили нашему почталіону ее приладить. Они ее исправили до сумерекъ. Однакожъ было уже поздо, чтобъ ѣхать далѣе; то мы и рѣшились препроводить ночь въ сей скудной хижинѣ, которая однакожъ казалась мнѣ столь же хорошей, какъ и богатая комната. Между тѣмъ, какъ старшая дочь готовила намъ ужинъ, старичокъ просилъ насъ ни о чемъ не безпокоиться. Мы вамъ уступимъ, сказалъ онъ намъ, нашу постелю; она вамъ доставитъ нужное для васъ отдохновеніе. Г. Вернетъ не хотѣлъ сперва склониться на сіе предложеніе; но хозяинъ и хозяйка

столько его просили, что наконецъ убѣдили его. --- Средняя дочь накрыла столъ только на два прибора. Г. Вернетъ увидѣвъ сіе, спросилъ ихъ: развѣ вы уже ужинали, друзья мои? ---- Нѣтъ еще, сударь. --- Ну, такъ мы будемъ вмѣстѣ ужинать, сказалъ Г. Вернетъ; нашъ ужинъ будетъ тѣмъ веселѣе. --- Что вы сударь! это намъ не прилично, сказалъ старикъ; но естьли вамъ это угодно, то мы повинуемся вашей воли. Деревенской ужинъ тотчасъ былъ поставленъ на столъ. Хорошая похлебка, блюдо съ овощами, масло и сыръ, и нѣсколько фруктовъ составляли оной; но увѣряю тебя, любезный Гильомъ, что я очень хорошо поужиналъ, и по томъ спалъ всю ночь такъ крѣпко, что Г. Вернетъ съ трудомъ могъ меня разбудить. Вставши по утру я позавтракалъ, и между тѣмъ, какъ закладывали нашу коляску, началъ къ тебѣ писать. Коляска наша заложена,

Г. Вернетъ меня кличетъ; прощай, любезный другъ, я непремѣнно увѣдомлю тебя о нашемъ пріемѣ Графомъ. Мое почтеніе батюшкѣ и матушкѣ, поцѣлуй братца и сестрицу за меня. Остаюсь навсегда другъ твой

Карлъ Делиль.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Посылаю вамъ, любезная маминька, копію съ письма моего друга, писаннаго ко мнѣ; также копію съ письма Г. Вернета, къ Г. Делилю. Жалѣю, что не въ состояніи обьяснить вамъ всю радость, коею сердце мое преисполнено. Какое щастіе для меня: другъ мой щастливъ!

КОПІЯ СЪ ПИСЬМА

Г. Верньта къ Г. Делилю.

Какое щастливое извѣстіе имѣю вамъ сообщить, почтенный другъ! Какой восторгъ причиню вамъ и любезной вашей супругѣ! Сколь шибко сердца ваши затрепещутъ, узная столь радостное извѣстіе! Любезный вашъ сынъ. . . . Вы достойны всѣхъ благъ, коими васъ награждаетъ Всевышній. Я вамъ всегда предвѣщалъ, что сынъ вашъ предопредѣленъ чтобъ наполнять вашу жизнь сладчайшими чувствованіями. Въ такихъ еще младыхъ лѣтахъ быть предметомъ милостей своего Государя! и видѣть, что всѣ, кои его знаютъ, находятъ его достойнымъ оныхъ! Знайте, что Король пожаловалъ его Графомъ, и желаетъ, чтобъ онъ воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми. Графъ Д. . . . будучи въ великой милости у Его Величества, представилъ Королю добрыя качества вашего сына въ столь хорошемъ

видѣ, что Король полюбопытствовалъ его видѣть.

Но прежде дальнаго продолженія, нахожу за нужное сказать вамъ, что жена Графа Д.... сестра Г. Рабо, коего Карлъ спасъ отъ смерти.

Графъ представилъ нашего Карла къ аудіенціи, и съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ, что онъ понравился Его Величеству. Король самъ соблаговолилъ представить его своимъ дѣтямъ. Карлъ съ глубокимъ почтеніемъ и съ удивительною точностію отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы. Онъ столь много понравился молодымъ Князьямъ, что они хотѣли, чтобъ онъ въ самое тожъ время съ ними остался.

Карлъ съ учтивостію имъ предлагалъ, что ему нужно еще пожить нѣсколько у своего отца, чтобъ по пользоваться его наставленіями, и сдѣлаться достойнѣе ихъ милости.

По выходѣ изъ покоевъ, Карлъ мнѣ признался, что онъ просилъ сію отсрочку, по причинѣ, что Гильому остается уже только три мѣсяца прожить въ Англіи, что ему было бы весьма горестно лишиться удовольствія прожить сіе время вмѣстѣ.

Вы видите чрезъ то, почтенный другъ, что разумъ его всегда при немъ, и что блескъ щастія и тщеславія не приводитъ въ забвеніе у него долгъ дружества.

Графъ сдѣлалъ нынѣча балъ, въ честь вашего сына. Карлъ принималъ поздравленія со скромностію, и ни мало не гордился. Всѣ гости удивлялись его рѣдкимъ качествамъ. Но не подумайте, любезный другъ, чтобъ эти похвалы происходили отъ моей къ вамъ и къ вашей фамиліи любви. Вы получите такія

же похвалы въ письмѣ Графа. Мы пробудемъ здѣсь еще пять или шесть дней, для исполненія нѣкоторыхъ должностей. Потомъ я возвращу въ ваши объятія предмета достойнаго всей вашей любви. Остаюсь другъ вашъ

Вернетъ.

Гильомъ Дюфуръ къ своей матери.

Я такъ спѣшилъ, любезная матушка, послать къ вамъ копію съ письма Г. Вернета, что не успѣлъ описать вамъ впечатлѣнія, которыя возбудило во мнѣ щастіе друга моего. Я чувствую, что я не окончу сего дни, естьли захочу сообщить вамъ всѣ мои размышленія. Мнѣ легче будетъ вамъ описать мою радость о томъ, что Карлъ предпочелъ мою дружбу всѣмъ прошеніямъ молодыхъ Князей, и чтобъ про-

жить еще три мѣсяца со мною, лишаетъ себя тѣхъ удовольствій и забавъ, кои онъ могъ бы имѣть при дворѣ. --- Ахъ, онъ это дѣлаетъ не для неблагодарнаго! Вы знаете, маминька, всю мою къ нему любовь. Я думалъ, что она уже достигла до наивысочайшаго степени; но теперь вижу, что я его еще болѣе люблю. Онъ сталъ мнѣ дороже по его отсутствіи. Всѣ ласки фамиліи Делиль не въ состояніи замѣнить потерю моего друга. Мнѣ кажется, что я имѣю только половину души моей. Я не имѣю другаго прибѣжища въ моей скукѣ, какъ только, заниматься имъ. Такъ точно, маминька, всѣ труды и упражненія, кои были у насъ общія, теперь я исправляю одинъ, для того, чтобъ его отсутствіе не такъ было для меня чувствительно. Я переправилъ весь его садъ, и украсилъ его весенними цвѣтами, чтобъ онъ видѣлъ, по своемъ возвращеніи, всѣ попеченія, кои я имѣлъ ко все-

му, что ему принадлежитъ. Я продолжаю снимать копіи съ его плановъ. Хотя они не будутъ столь хороши, какъ бы онъ самъ ихъ сдѣлалъ, но мнѣ кажется, что естьлибъ я ихъ дѣлалъ для себя, то онѣ еще бы хуже были. Я надѣюсь, что его дружба извинитъ малые мои успѣхи, и что съ удовольствіемъ увидитъ ихъ въ своемъ сундукѣ. Я также вписалъ въ его музыкальную книгу новыя пѣсенки, вышедшіе въ свѣтъ, во время его отсутствія. Я привелъ въ порядокъ всѣ книги его библіотеки; кормилъ его птицъ; подавалъ, сколь мнѣ можно было, милостыню тѣмъ, коимъ онъ ее обыкновенно подаетъ; однимъ словомъ, старался дѣлать все то, что онъ самъ обыкновенно дѣлаетъ. Въ сіи-то минуты я вспоминалъ ваши наставленія. Вы часто мнѣ сказывали, что упражненіе насъ утѣшаетъ, и облегчаетъ наши горести. Сколько я былъ бы достоинъ жалости,

естьли бы надлежало мнѣ провождать это время безъ упражненія! Я старался не терять ни одной минуты въ праздности, которая усугубила бы мою печаль.

При семъ посылаю вамъ маленькую піэску, *о пользѣ трудовъ*, моего перевода. --- Прощайте любезная маминька. Будучи разлученъ съ моимъ другомъ, я еще болѣе чувствую мою разлуку съ вами.

ПОЛЬЗА ОТЪ ТРУДОВЪ.

Г. Дорвиль, богатый Фабрикантъ былъ непримиримъ съ праздностію. Онъ не токмо самъ цѣлые дни посвящалъ трудамъ, но старался также и все свое сѣмейство содержать въ упражненіи и работѣ.

Онъ благодѣтельствовалъ всѣмъ тѣмъ, у коихъ немощь или старость отнимала силы и способность трудиться; но никогда не

сожалѣлъ о тѣхъ здоровыхъ лѣнивцахъ, просящихъ милостыни Онъ спрашивалъ ихъ, для чего они не работаютъ?---- Когда отзывались тѣмъ, что нигдѣ не могутъ сыскать работы; тогда онъ предлагалъ имъ оную въ своей фабрикѣ; и естьли они хотя одинъ разъ отказывались отъ его предложенія, то уже никогда не допускалъ ихъ къ себѣ.

Онъ никогда не позволялъ укладывать или выкладывать товаровъ, безъ помощи своихъ дѣтей Франца и Роберта. Онъ имѣлъ довольно пространной садъ, въ которомъ лѣтомъ заставлялъ работать своихъ сыновей, подъ присмотромъ садовника; а зимою занималъ онъ ихъ дѣланіемъ мѣлочныхъ вещей изъ картузной бумаги, или давалъ имъ упражненіе въ своей мануфактурѣ.

Тремъ его дочерямъ не оставалось ни малѣйшаго времени, которое бы онѣ могли прово-

дить въ праздности. Онѣ безпрестанно были заняты мѣлочьми хозяйства, приличествующими ихъ полу.

Чтобъ лучше возбудить и подкрѣпить въ дѣтяхъ соревнованіе, Г. Дорвиль платилъ каждому за работу; и особенно награждалъ отличающихся своимъ стараніемъ. Это очень полезно было по тому, что дѣти замѣняли тѣмъ издержки на ихъ увеселенія и на невинныя ихъ забавы.

Никогда не было между ими слышно худыхъ словъ и жалобъ. Они наслаждались совершеннымъ здравіемъ, и каждой день получали новыя удовольствія, вкушая плоды трудовъ своихъ.

Когда мальчики дарили своихъ сестръ пучками цвѣтовъ, собранныхъ ими въ саду или коробочками изъ картузной бумаги; тогда они получали отъ нихъ чулки, манжеты, произведеніе трудолюбивыхъ рукъ ихъ. Когда они под-

носили плоды, собранные съ молодыхъ деревъ, посаженныхъ или привитыхъ ими: тогда они имѣли удовольствіе слышать себѣ похвалы отъ своихъ родителей, которые увѣдомляли друзей своихъ, кому они одолжены сими плодами; и такимъ образомъ всѣ пріѣзжающіе гости хвалили маленькихъ садовниковъ.

Сѣмейство сіе ежегодно праздновало свыше обыкновеннаго только семь дней, а имянно: день рожденія отца и матери, и каждаго изъ пяти дѣтей. Тутъ примѣтно было торжество нѣжности, любви и удовольствія; а наиболѣе въ дни рожденія родителей. Тогда дѣти ободренные похвальною ревностію, старались одинъ другаго превзойти поднесеніемъ чего нибудь происходящаго отъ своихъ трудовъ.

Мальчики подносили въ подарокъ коробочки, сдѣланныя изъ

картузной бумаги, хорошо разрисованныя. Дѣвицы дарили вышитыми вещами, которыя онѣ до того дни скрытно дѣлали. Родители ихъ, какъ то легко можно вообразить, не проминовали отдаривать за ихъ подарки. Они обыкновенно въ такой день дѣлали, во удовольствіе своихъ дѣтей, маленькой балъ, къ которому созывали всѣхъ ихъ маленькихъ друзей и пріятельницъ.

Кто бы подумалъ, чтобъ сіи дѣти стали скучать симъ столь пріятнымъ родомъ жизни. Однакоже это случилось. Францъ пошелъ нѣкогда навѣстить своихъ двоюродныхъ братьевъ. По возвращеніи домой, имѣлъ пасмурной видъ. Отецъ по нѣкоторымъ рѣчамъ примѣтилъ его неудовольствіе; однакожъ притворился, будто онъ не примѣчаетъ онаго. Между тѣмъ какъ, Францъ былъ весьма печаленъ, Г. Дорвиль приказалъ ему послѣ обѣда итти

вЪ садЪ, и тамЪ между прочимЪ произошелЪ между ими слѣдующей разговорЪ :

Г. Дорвиль. Что тебѣ сдѣлалось, любезной ФранцЪ? Меня весьма безпокоитЪ унылой твой видЪ.

Францъ. (улыбаясь насильно) Ничего батюшка. Мнѣ кажется, что я таковЪ же, какЪ и прежде былЪ.

Г. Дорвиль. Конечно; ты можешь удобно улыбаться. Но видЪ твой не такЪ веселЪ, какЪ обыкновенно.

Францъ. Я не могу не признаться вЪ томЪ.

Г. Дорвиль. Какую же имѣешЪ ты причину быть печальнымЪ?

Францъ. О, естьли бы я осмѣлился открыть вамЪ мою печаль?

Г. Дорвиль. Не уже ли ты боишся открыть мнѣ внутренность твоего сердца? Не уже ли я твой не другЪ?

Францъ. НѣтЪ батюшка! я боюсь только, чтобЪ васЪ чрезЪ то не прогнѣвать.

Г. Дорвиль. Меня прогнѣвать! Развѣ ты думаешь, что это можетъ заслужить мой гнѣвъ?

Францъ. Прошу васъ, батюшка, не требуйте отъ меня, чтобъ я открылъ свою тайну.

Г. Дорвиль Для чего же? Она тебя сокрушаетъ, а я могу, можетъ быть, ей помочь.

Францъ. Нѣтъ папинька, вы не захотите мнѣ помочь въ моей печали.

Г. Дорвиль. Слѣдовательно ты думаешь, что я лучше желаю видѣть тебя печальнымъ, нежели веселымъ. Я почиталъ, что ты иначе мыслишь о моей къ тебѣ любви и нѣжности.

Францъ. О, любезный родитель! что вы говорите? Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что для васъ весьма пріятно видѣть насъ веселыми.

Г. Дорвиль. И такъ я не знаю, чтожъ бы такое препятствовало тебѣ открыться мнѣ во всемъ.

Послушай, рѣшись, скажи мнѣ печаль свою; я тебѣ обѣщаюсь употребить всѣ мои силы, дабы утолить оную.

Францъ. Очень хорошо, папинька; поелику вы желаете знать это, то я принужденнымъ нахожу себя увѣдомить васъ обо всемъ. Вы содержите насъ въ узахъ, какъ рабовъ, чтобъ мы работали отъ утра до вечера. Посмотрите на моихъ двоюродныхъ братцевъ, посмотрите на другихъ дѣтей, какъ они съ дозволенія своихъ родителей гуляютъ. Лишь только ученье ихъ кончится, каждый изъ нихъ бѣгаетъ по двору, по саду, по улицамъ, и забавляется, чѣмъ ему угодно. Мы также любимъ порѣзвиться.

Г. Дорвиль. Какъ, любезный сынъ, эта-то причина твоей печали? Нѣтъ ничего легче, какъ удовольствовать твое желаніе. Сохрани меня Богъ, чтобы я заставлялъ тебя трудиться, про-

тивъ твоей воли. Отъ тебя зависитъ отдыхать дотолѣ, пока ты самъ захочешъ работать.

Францъ чрезмѣрно удивившись позволенію своего отца, наслаждаться вольностію, проводилъ остатокъ дня въ рѣзвости, безпрестанно бѣгалъ то по саду, то по улицѣ, гдѣ и поссорился съ мальчикомъ, которой его весьма больно прибилъ.

Г. Дорвиль вставалъ обыкновенно очень рано; и когда случалось что утро было прекрасно, то ходилъ прогуливаться въ полѣ съ тѣмъ изъ его дѣтей, который по вечеру былъ послушнѣе и прилѣжнѣе къ своей работѣ.

На другой день сего разговора заря возвѣщала прекрасное утро. Г. Дорвиль приготовлялся было къ выходу, какъ Францъ услышавъ, что родитель его хочетъ итти прогуливаться, хотя онъ и чувствовалъ самъ въ себѣ, что былъ не-

достоинъ сотовариществовать ему, однако не медленно всталъ, и пришелъ къ нему просить позволенія итти съ нимъ. Г. Дорвиль охотно согласился на его прозьбу. Они пошли на вершину одного пригорка, съ котораго видна была вся деревня съ ея окрестностьми. Это было въ первые весенніе дни. Луга, бывшіе за мѣсяцъ предъ симъ покрыты снѣгомъ, выпускали тогда изъ нѣдръ своихъ пріятную зелень. Древа одѣвались нѣжными листьями, отъ ихъ отраслей произрастали бѣлые и багряные цвѣты. Земледѣлецъ, обозрѣвая бразды свои, пѣлъ радостныя пѣсни, коихъ отголосокъ отдавался повсюду. Всѣ окрестныя дороги были усѣяны путешественниками; одни провождали большія фуры, наполненныя виномъ, хлѣбомъ или товарами; другія на плечахъ своихъ несли корзины съ зеленью, или сосуды съ молокомъ. Всѣ съ поспѣшностію приближались къ

вратамъ города. Францъ, тронутый сею картиною, чувствовалъ содроганіе въ сердцѣ своемъ отъ радости. Онъ повергся въ объятія родителя своего, произнося слѣдующія слова: О! любезнѣйшій родитель, какое пріятное утро! Сколь я васъ благодарю за удовольствіе, вкушаемое теперь мною:

Г. Дорвиль. О! естьлибъ всѣ наши друзья здѣсь были, и вмѣстѣ съ нами наслаждались сими пріятностями! Я сожалѣю, что мы не взяли двоюродныхъ твоихъ братьевъ, шедши мимо воротъ ихъ.

Францъ. О! они еще будутъ спать, по крайней мѣрѣ, два или три часа.

Г. Дорвиль. Возможно ли? --- Такъ они провождаютъ половину дня въ постелѣ?

Францъ. Однажды я пришелъ посѣтить ихъ въ шесть часовъ утра, то они еще спали.

Г. Дорвиль. Вѣ сію минуту безѣ сомнѣнія участь ихѣ кажется тебѣ наищастливѣйшею

Францѣ. О! нѣтѣ! вы не справедливо обо мнѣ думаете, батюшка. Естьли бы я спалѣ, какѣ они, то я не пользовался бы удовольствіемѣ, которое теперь чувствую.

Г. Дорвиль. Вотѣ польза трудолюбія. Оно пробуждаетѣ насѣ весьма рано, дабы вкушать намѣ пріятности хорошаго утра.

Францѣ. Но, батюшка, не могу ли я вставать очень рано, не имѣя никакой работы!

Г. Дорвиль. А что же бы ты сталѣ дѣлать?

Францѣ. Я пошелѣ бы прогуливаться то здѣсь, то тамѣ. Сего дня я пошелѣ бы на вершину сего пригорка, завтра пошелѣ бы вѣ лѣсѣ; а вѣ другое время сѣлѣ бы на берегу рѣки.

Г. Дорвиль. Это весьма хорошо, другѣ мой; но мы имѣемѣ

только три ста шестьдесятъ пять дней въ году. Естьли мы отнимемъ отъ нихъ холодныя и влажныя утра, то почти не останется шестидесяти дней, въ кои было бы столь прекрасное время, какъ сего дня. Пошолъ ли бы ты прогуливаться по утру, когда туманно, когда идетъ дождь, или снѣгъ или когда дуетъ сильной вѣтеръ, или когда холодно?

Францъ. О! нѣтъ конечно, я не пошелъ бы. Столь худое время весьма скоро истребило бы во мнѣ охоту къ гулянью.

Г. Дорвилъ. Чтожъ ты будешь дѣлать въ прочіе три ста дней, естьли не будешь работать?

Францъ. Я не могу ничего на сіе отвѣтствовать.

Г. Дорвилъ. Дѣйствительно ли ты думаешь, что ты былъ бы щасливъ, не имѣя никакой работы?

Францъ. Нѣтъ, я признаюсь въ томъ. Время мнѣ показалось бы весьма долгимъ.

Г. Дорвиль. И такъ не лучше ли трудиться доброхотно, нежели протирать глаза, потягиваться, зѣвать, и садиться въ кресла, такъ какъ ты дѣлаешъ, когда тебѣ скучно?

Францъ. Но, батюшка, что бы мнѣ попрепятствовало препровождать въ постелѣ дни туманные, дождливые, снѣжные, и прочїе дни худой погоды?

Г. Дорвиль. Однакожъ, сынъ мой, когда ложатся спать такъ рано, какъ ты; то надобно непремѣнно вставать рано, потому что сїе весьма полезно для здоровья. Въ твои лѣта довольно восемь или девять часовъ въ сутки уснуть; сонъ ежедневно долговременной горячитъ кровь нашу, располагаетъ тѣло къ дебѣлости, сердце къ слабости, а

разумъ къ бездѣйствію ; и ты знаешь меня , что я не позволю тебѣ имѣть сихъ губительныхъ дѣйствій.

Францъ. Но , естьли бы я вставъ рано не работалъ , то могъ бы забавляться какою нибудь игрою.

Г. Дорвилъ. Ты довольно знаешь , что я никогда не препятствую тебѣ забавляться. Но посмотримъ , работа или сія тщетная разсѣянность доставляетъ пріятнѣйшія утѣхи. Я весьма желалъ бы , чтобъ дѣти мои были столько щасшливы , сколько имъ хочется. Ты не будешь никогда трудиться , и всегда будешь препровождать время въ забавахъ , естьли ты докажешь мнѣ , что игры твои больше увеселяютъ тебя, нежели твои упражненія.

Францъ. Вы будете удостовѣрены , батюшка ; на сіе не трудно сыскать доказательства.

Г. Дорвиль. Хорошо, посмотримЪ; я хочу испытать это.

Францъ. Не примѣтили ли вы, что играя сЪ моими товарищами я прыгаю, смѣюсь, танцую, — и не вижу, какЪ проходитЪ время. — Но этого не бываетЪ, когда я тружусь.

Г. Дорвиль. Однако я видалЪ тебя неоднократно также забавляющимся и смѣющимся сЪ твоимЪ братомЪ и во время работы. А вчера пришелЪ ты домой печаленЪ, хотя и игралЪ весь день.

Францъ. Вы справедливо говорите, батюшка; но вчерашняя моя печаль была по особенной причинѣ.

Г. Дорвиль. У тебя никакого дня не проходитЪ, чтобЪ ты не игралЪ; но можешЪ ли ты показать мнѣ какой нибудь пріятной остатокЪ отЪ твоихЪ забавЪ?

Францъ. О! нѣтЪ, батюшка, я только помню ихЪ.

Г. Дорвиль. Не осталось ли тебѣ чего нибудь отъ трудовъ твоихъ?

Францъ. Въ моемъ саду есть три дюжины маленькихъ деревъ, мною посажденныхъ, и мною самимъ привитыхъ; всѣ мои гряды покрылись зеленью, а партеры мои прекрасными цвѣтами.

Г. Дорвиль. Все ли это, другъ мой?

Францъ. Нѣтъ еще. У меня есть въ комнатѣ большой шкапъ, наполненной вещами, сдѣланными изъ соломы и картузной бумаги, также съ превеликимъ множествомъ рисунковъ съ птицъ, цвѣтовъ, Геометрическіе и Архитектурные чертежи, кои я самъ сдѣлалъ.

Г. Дорвиль. Безъ сомнѣнія ты взираешь теперь на всѣ сіи предметы съ раскаяніемъ, судя о всѣхъ капляхъ поту, для нихъ тобою излитыхъ. Вотъ, скажешь ты, они стоили мнѣ великаго труда.

Францъ. О! какъ они пришлись мнѣ дороги! —

Г. Дорвилъ. Ну, такъ что же?

Францъ. Послушайте, батюшка! Когда смотрю я на мой шкапъ и на мой бумажникъ, украшенный моими трудами; когда я собираю пукъ цвѣтовъ для моихъ сестрицъ; или когда подношу хорошіе плоды моей матушкѣ: тогда я бываю столь щасливъ, что совсѣмъ позабываю заботы, мною понесенныя.

Г. Дорвилъ. Скажи мнѣ о времени, употребляемомъ тобою на обработываніе твоего сада, на рисованіе, на вспоможеніе мнѣ въ Конторѣ или на фабрикѣ, желалъ ли бы ты проводить оное въ твоихъ забавахъ?

Францъ. О! нѣтъ.

Г. Дорвилъ. И такъ, я думаю, ты согласишся теперь со мною, что игры могутъ увеселять только тогда, когда ими занимаешся,

и также уступишь мнѣ, что онѣ не всегда увеселяютъ столько, сколько объ нихъ думаютъ, на примѣръ: вчера по вѣчеру ты возвращаясь домой, былъ не веселъ. Напротивъ того отдыхъ нашъ послѣ трудовъ доставляетъ намъ пріятнѣйшее услажденіе. Больше двадцати лѣтъ ты будешь собирать плоды съ деревъ, собственными твоими руками насажденныхъ; вмѣсто того, что бы одну минуту наслаждаться пустыми забавами. Ты теперь можешь судить, что тебѣ доставитъ больше утѣхъ, полезной ли трудъ, или тщетныя твои забавы?

Францъ. О! батюшка, тотъ образъ, по которому вы приказываете мнѣ разсматривать вещи, безъ сомнѣнія весьма хорошъ. Ничто не учинитъ меня столь щастливымъ, какъ работа.

Г. Дорвилъ. Ты видишь, что я имѣю причину заставить тебя

любить трудъ. Естьли бы я сказалъ тебѣ: ну, Францъ, не работай; я хочу, чтобъ ты препровождалъ время свое въ игрѣ, то сіе учинило бы тебя нещастнымъ до самаго конца жизни твоей.

Францъ. Такъ, конечно; я это чувствую, и всѣ игры сдѣлались бы мнѣ въ короткое время ненавистными.

Г. Дорвиль. Напротивъ того не пріятны ли онѣ тебѣ кажутся послѣ многихъ трудовъ?

Францъ. Конечно пріятны, батюшка; я одного съ вами мнѣнія.

Г. Дорвиль. Я самъ желаю, чтобъ ты вкушалъ сіе удовольствіе чрезъ это средство. Когда ты хорошо выучишь свой урокъ, будешь полезно упражняться и исправенъ въ данной тебѣ работѣ; тогда я позову твоихъ двоюродныхъ братьевъ и другихъ твоихъ товарищей, чтобъ имъ

играть съ тобою вмѣстѣ. Не уже ли забылъ ты ваши сраженія при борьбѣ, при бѣганіи и въ прочихъ играхъ деревенскихъ?

Францъ. Нѣтъ, папинька, не забылъ; я очень хорошо помню оныя. Вы по своей милости всегда тамъ присутствовали, и я не однажды видѣлъ васъ улыбающимся при одержаніи мною побѣды.

Г. Дорвилъ. Въ самомъ дѣлѣ это случается часто съ тобой.

Францъ. Это по тому, что я сильнѣе моихъ товарищей; наипаче безсильны бѣдные мои двоюродные братцы; я и тогда не боялся ихъ, когда они по два вдругъ выходили противъ меня.

Г. Дорвилъ. Они, можетъ быть, моложе тебя?

Францъ. О! вы знаете, что меньшой братецъ старѣе меня годомъ.

Г. Дорвилъ. Ты по тому сильнѣе ихъ, что лучше воспитанъ.

Францъ. Извините, батюшка! Ихъ въ обыкновенные дни кормятъ лучше, нежели насъ въ праздники.

Г. Дорвилъ. И такъ я не знаю, откуда столь великая сила въ тебѣ, естьли не отъ работы.

Францъ. Позвольте, батюшка! мнѣ кажется, что это ни какъ не можетъ статься; ибо работа иногда такъ разслабляетъ меня, что я не могу даже двигать мои члены.

Г. Дорвилъ. Но, сынъ мой, какъ называются тѣ, которые весьма скоро бѣгаютъ?

Францъ. Скороходами.

Г. Дорвилъ. Откуда же они получаютъ сію способность? я спрашиваю у тебя.

Францъ. Отъ привычки къ бѣганію.

Г. Дорвилъ. Однако бѣганіе у-

томляетъ ли такъ же ихъ, какъ тебя разслабляетъ работа?

Францъ. Безъ сомнѣнія.

Г. Дорвиль. Но по утру не больше ли они проворны, --- и ты не больше ли веселъ и свѣжъ, нежели днемъ.

Францъ. Это правда.

Г. Дорвиль. Еще одно слово: не видалъ ли ты людей, у коихъ члены крѣпче, нежели у другихъ?

Францъ. О! конечно видалъ; на примѣръ нашъ кузнецъ: стоитъ только посмотрѣть на его руки, то всѣ мускулы изъявляютъ его крѣпость.

Г. *Дорвиль.* Но чрезъ что пріобрѣтаетъ онъ сію крѣпость?

Францъ. Какъ вамъ сказать? этотъ человѣкъ всякой день нагибается на свою наковальню. Онъ съ самой юности держалъ въ рукахъ своихъ молотъ, которой вы съ трудомъ можете поднять.

Г. Дорвиль. И такъ, ты признаешь его сильнѣе меня?

Францъ. О! батюшка, я не желалъ бы видѣть, чтобъ вы съ нимъ спорили о силѣ даже и тогда, когда я буду помогать вамъ.

Г. Дорвиль. Это увѣряетъ меня, что работа придаетъ силы людямъ. Вотъ кузнецъ, который упражнялся въ трудахъ гораздо тягчайшихъ, нежели мои, по тому онъ сильнѣе и проворнѣе меня. Ты занимаешся упражненіями труднѣйшими, нежели твои братья; и по тому ты превышаешь ихъ въ силахъ и въ проворствѣ.

Францъ. Въ самомъ дѣлѣ я начинаю тому вѣрить.

Г. Дорвиль. Ты мнѣ часто говоришь, что твои двоюродные братья имѣютъ великолѣпныя кушанья.

Францъ. Это очень справедливо.

Г. Дорвиль. Однако, мнѣ кажется, что желудки ихъ часто бываютъ не здоровы?

Францъ. Да, почти всегда. Но это, можетъ быть, отъ того, что они много ѣдятъ конфектовъ и плодовъ.

Г. Дорвиль. А твой желудокъ бываетъ ли когда нибудь не здоровъ?

Францъ. Никогда, батюшка; вы знаете, что я всегда имѣю хорошей аппетитъ.

Г. Дорвиль. Безъ сомнѣнія тебѣ много способствуетъ къ сему то, что ты повинуешся моимъ приказаніямъ, и не употребляешъ излишной пищи за столомъ. Однакожъ бываютъ такіе дни, въ кои ты кушаешъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Я замѣтилъ это тогда, когда ты приходишъ изъ саду, поработавъ въ ономъ.

Францъ. Справедливо, я съ

великимъ аппетитомъ ѣмъ послѣ трудовъ.

Г. Дорвиль. Это происходитъ отъ движенія. Оно укрѣпляетъ твой желудокъ, и увеличиваетъ позывъ на пищу. --- я желаю, чтобъ ты всегда съ аппетитомъ кушалъ, и не имѣлъ разслабленнаго желудка, какъ твои двоюродные братья. Желаю также, чтобъ ты былъ не слабѣе твоихъ товарищей въ борьбѣ, и не уступалъ бы имъ въ бѣганіи.

Францъ. Но, батюшка, естьли бы вмѣсто того, чтобъ работать, я скакалъ и бѣгалъ; то я имѣлъ бы столь же хорошей аппетитъ, и сдѣлался бы также силенъ.

Г. Дорвиль. Я весьма сомнѣваюсь въ томъ. Въ твои лѣта позволяютъ играть и бѣгать; однако сіи веселости обыкновенно оканчиваются нѣкоторыми шалостьми. Здѣлавъ оныя, боитесь

въ нихъ признаться, и часто ихъ скрываете, чтобъ не получить заслуженные выговоры. Но страхъ, чтобъ не спознали какимъ нибудь образомъ ваши шалости, тревожитъ васъ, вредитъ вашему здоровью, и мѣшаетъ иногда вашему сну, а чтобъ быть сильнымъ, нуженъ спокойной сонъ, которой тѣмъ спокойнѣе, чѣмъ лучше препроводишъ день. Полезной трудъ, любезной сынъ, служитъ наилучшимъ средствомъ къ сохраненію здравія, и къ тому, чтобъ быть собою довольнымъ. Но скажи мнѣ, кого ты изъ двухъ почитаешъ больше, двоюроднаго своего брата, или сосѣда Лаврентія?

Францъ. Этотъ вопросъ для меня труденъ, батюшка!

Г. Дорвиль. Ты можешъ чистосердечно отвѣчать на оной.

Францъ. О! Лаврентій!

Г. Дорвиль. Что это значитъ?

Францъ. Онъ человѣкъ прелюбезной, умѣетъ говорить обо всемъ, и почти все дѣлать, что намъ нужно въ нашихъ играхъ.

Г. Дорвиль. Откуда же онъ пріобрѣлъ столько знаній и дарованій?

Францъ. Оттуда, что онъ весьма прилѣженъ къ наукамъ, и что въ свободные часы онъ занимается у художниковъ, помогая имъ въ трудахъ ихъ, которые въ награду научаютъ его всему тому, чему онъ отъ каждаго изъ нихъ желаетъ научиться.

Г. Дорвиль. И такъ ты видишъ; что работа есть одно изъ наилучшихъ средствъ заставить другихъ почитать себя; и я желаю, чтобъ почитали моихъ сыновей. Повѣрь мнѣ, любезной мой Францъ, что такой молодой человѣкъ, какъ ты, занимающійся только бездѣлицами и увеселеніями, и которой препровождаетъ

время свое въ бѣганіи по улицамъ, дѣлая непристойныя шалости, не будетъ никогда почитаемъ; и хотя онъ исправится наконецъ, однако найдетъ во всѣхъ тѣхъ, кои знаютъ его, предупрежденіе невыгодное для себя, которое онъ не такъ легко уничтожить можетъ, и за которое часто будетъ платить своимъ щастіемъ.

Францъ. Но, батюшка, многіе говорили мнѣ, что вы будучи столь богаты, не должны бы заставлять насъ работать.

Г. Дорвилъ. Сіи люди сутъ вредные вертопрахи; --- и ты былъ бы весьма легкомысленъ, естьли бы имъ повѣрилъ. Я не столько богатъ, какъ ты можетъ быть думаешъ; и я имѣю еще пятерыхъ участниковъ въ моемъ имѣніи. Но положимъ, что я имѣю великое богатство; однакожъ естьли бы я спалъ всякой день до семи часовъ утра, то могъ ли бы я всѣми моими деньгами доставить те-

бѣ то, чтобъ ты наслаждался пріятностьми толь прекраснаго утра ?

Францъ. Нѣтъ, конечно, не могли бы.

Г. Дорвилъ. Чрезъ многія лѣта ты будешь собирать плоды съ деревъ, тобою посажденныхъ. Ты всегда можешь дарить твоихъ сестръ и твоихъ друзей прекрасными вещами, кои ты самъ сдѣлаешь. Вотъ что остается тебѣ отъ твоей работы ---- сего источника многихъ удовольствій, кои возобновляются тысячекратно.

Наконецъ, со всѣми моими деньгами, могу ли я учинить то, чтобъ по окончаніи игръ твоихъ, оставалось тебѣ что нибудь столько же пріятное ?

Францъ. Нѣтъ, не можете, батюшка.

Г. Дорвилъ. Сверхъ того, могу ли я всѣми моими сокровищами укрѣпить твои члены, и предо-

хранить твой желудокЪ отЪ разслабленія?

Францъ. О! этого совсѢмЪ не можете сдѣлать.

Г. Дорвиль. Смотри же, сколько отЪ трудовЪ происходитЪ драгоцѣнныхЪ выгодЪ, коихЪ и весь свѣтЪ не могЪ бы тебѢ доставить.

Францъ. Я согласенЪ вЪ томЪ.

Г. Дорвиль. И такЪ, для чегожЪ мнѣ имѢть богатство? для того ли, чтобЪ учинить моихЪ дѣтей щастливыми, или нещастными?

Францъ. Конечно для того, чтобЪ они были щастливы.

Г. Дорвиль. Но кто же щастливѣе, тотЪ ли, которой препровождаетЪ часть утра во снѣ, или который встаетЪ вмѢстѣ сЪ зарею, и которой вЪ хорошую погоду можетЪ итти прогуливаться вЪ поле, и взирая на восхитительныя красоты природы, удивляется Творцу оныхЪ? —

Францъ. Безъ сомнѣнія послѣдній.

Г. Доревиль. Кто еще щастливѣе, тотъ ли, которой употребляетъ время юности своей на игры и веселости, на рѣзвость съ своими друзьями, на снисканіе удовольствій не всегда веселящихъ его, и отъ которыхъ ничего не остается ему; --- или тотъ, которой занимается работою, предуготовляющею его къ снисканію полезнаго званія и должности, въ которую онъ вступитъ нѣкогда, и отъ которой остается ему тысяча наслажденій для послѣдующаго времяни?

Францъ. Конечно щастливъ сей трудолюбецъ.

Г. Доревиль. Я не спрашиваю тебя, лучше ли имѣть сильныя руки, нежели разслабленные члены; краску въ лицѣ, нежели блѣдность; хорошее здравіе, нежели безпрестанную слабость; хорошей аппетитъ, нежели отвра-

щеніе къ пищѣ; чистую совѣсть и хорошей сонъ, нежели возмущенную душу и страшныя сновидѣнія; надежду заслужить почтеніе отъ нашихъ знакомцевъ, нежели страхъ быть предметомъ ихъ презрѣнія.

Францъ. О! это очень справедливо.

Г. Дорвиль. Согласенъ ли ты на то, что отъ трудовъ происходятъ всѣ сіи выгоды?

Францъ. Да, конечно.

Г. Дорвиль. Не заслуживалъ ли бы я хулы и поношенія, есть ли бы занимаяся глупостями приличными вертопрахамъ, я не старался возбудить въ моихъ дѣтяхъ охоту къ упражненію, и пріобучить ихъ къ оному; и естьли бы тщеславіемъ моего богатства и всѣхъ моихъ сокровищъ, учинилъ бы ихъ нещастными?

Францъ. О! это справедливо, я очень вижу. Я только, я одинъ

столь былъ глупъ, что отвращался отъ работы. Ну, батюшка, вотъ заря уже восходитъ. Мнѣ чрезвычайно хочется приняться за обыкновенные свои труды. Я хочу подарить моихъ сестрицъ по прекрасному пуку цвѣтовъ, и собрать плоды съ моихъ деревъ, чтобъ вамъ поднесть.

Г. Дорвиль. Хорошо, сынъ мой; я весьма радъ, что вижу тебя столь разумнымъ. Это заставляетъ меня спросить тебя объ одномъ дѣлѣ, весьма тебѣ полезномъ. --- Мы завтра поговоримъ объ ономъ.

На другой день по утру, Францъ нѣсколько гордясь, и еще больше любопытствуя, о чемъ будетъ спрашивать его отецъ, спѣшилъ итти къ нему. --- Я уже давно, сынъ мой, говорилъ Г. Дорвиль, стараюсь съ выгодою употребить нѣкоторую сумму для моихъ дѣтей.

Францъ. Вы очень благосклонны батюшка.

Г. Дорвилъ. И такъ, я очень радъ, что совѣтуюсь съ тобою о дѣлѣ весьма выгодномъ, какое бы только я могъ учинить для моихъ дѣтей.

Францъ. Но, батюшка, нѣтъ ничего простѣе. Вы можете употребить сію сумму въ торговлю.

Г. Дорвилъ. Она уже употреблена, другъ мой. Напротивъ того я стараюсь возвратить ее оттуда, дабы сдѣлать ее надежною для васъ. Въ нашемъ состояніи многіе подвергаются опасности потерять всю сумму. Я уже испыталъ это отъ части. Естьли бы со мною случилось какое нещастіе, то я желалъ бы утвердить нѣкоторую часть нашего имѣнія такъ основательно, чтобъ она могла доставлять вамъ довольно порядочное пропитаніе во всю вашу жизнь.

Францъ. Мнѣ кажется, что вы могли бы купить на оную домъ?

Г. Дорвиль. Да, это хорошо, естьли бы онъ былъ безопасенъ отъ пожару;---чтожъ послѣдуетъ съ вашими деньгами послѣ онаго?

Францъ. Въ такомъ случаѣ купите земли; по крайней мѣрѣ онѣ не сгорятъ?

Г. Дорвиль. Ты хорошо думаешь; но надобно самому стараться о обработаніи оныхъ; иначе онѣ скоро придутъ въ упадокъ, и не будутъ вамъ доставлять даже и обыкновеннаго доходу, по которому должны располагать вашъ расходъ, такъ, что вы будете претерпѣвать бѣдность при всѣхъ вашихъ владѣніяхъ. Сверьхъ того случаются на нихъ великія опустошенія, кои на оныхъ причиняютъ частые морозы, инѣи, градъ и неплодородіе.

Францъ. И такъ я не знаю уже, батюшка, какой вамъ дать совѣтъ.

Г. Дорвиль. Послушай, другъ мой, я не нахожу другаго сред-

ства къ предохраненію суммы отъ всѣхъ приключеній, какъ только вамъ самимъ употреблять ее всегда съ пользою.

Францъ. Какъ же, батюшка! --- мы можемъ всю ее издержать?

Г. Дорвилъ. Да, конечно. На примѣръ, естьли бы я употребилъ ее на доставленіе вамъ полезныхъ дарованій, и нужныхъ познаній, дабы вы могли мужественно отражать величайшія нещастія, могущія случиться въ жизни; тогда въ какомъ бы состояніи ни велѣла судьба вамъ жить, всегда вы можете получить то, что для васъ нужно. Послушай, любезной Францъ: нѣтъ ничего столь основательнаго и твердаго, на что бы человѣкъ могъ во всемъ положиться; все подвержено перемѣнѣ, и ударамъ фортуны, выключая знанія и способности, кои мы сами пріобрѣтаемъ, и привычку къ полез-

нымъ трудамъ, кою мы заранѣе сдѣлали. Но сей привычки мы не возможемъ снискать, естьли будемъ трудиться такъ, что у насъ половина времени будетъ пропадать въ гулянiи. Надобно привыкать повседневно къ окончанiю предписаннаго намъ урока, которой бы со временемъ увеличивался. Надобно избирать часто тотъ родъ упражненiй, которой намъ противенъ, или превышаетъ нѣсколько нашу возможность; поелику это суть единственные способы и средства побѣдить склонности къ бездѣйственной лѣности, толико сродной молодымъ людямъ, и преодолѣть отвращенiе отъ единообразности, дабы не утомлять въ себѣ охоты чрезъ могущiя случиться препятствiя, или чрезъ тщетные опыты. Ты довольно знаешь, любезный сынъ, художниковъ, живущихъ и умирающихъ въ бѣдности, оставляя жену и дѣтей, не токмо безъ пропитанiя, но часто

принужденными голодомъ къ злодѣяніямъ.

Разсмотри, откуда происходитъ ихъ нещастіе; и ты найдешъ одну изъ показанныхъ мною причинъ, т. е. что они въ малолѣтствѣ своемъ не старались обработывать свой разумъ, и потому остаются столь глупы, что не могутъ пользоваться ни плодами своихъ знаній, ни примѣрами другихъ; --- или отъ того, что во время, когда они могли разпространять свои дарованія, имѣли великое отвращеніе отъ работы, которой они всячески старались убѣгать. Они въ дѣтствѣ своемъ не были заняты никакими трудами, и по окончаніи ученія употребляли остатокъ времени на увеселенія и шалости. Имъ не давали никакого понятія о драгоцѣнности времени, ни о цѣнѣ денегъ; еще менѣе старались заставлять ихъ чувствовать, чрезъ собственной опытъ поль-

зы, происходящей отъ продолжительнаго труда. Однимъ словомъ съ таковыми склонностями къ лѣности, съ таковымъ невѣжествомъ, относительно до благонравія, ввѣряютъ подъ смотрѣніе такого учителя, которой обучаетъ ихъ своему ремеслу не съ тѣмъ, чтобъ показать имъ и заставить ихъ чувствовать, что они отъ единаго труда должны ожидать нѣкогда себѣ пропитанія; но въ томъ намѣреніи, чтобъ принудить ихъ къ работѣ, отъ коей они не получаютъ ни увеселенія, ни удовольствія; а по тому они и не могутъ привыкнуть сносить оной. Ты, любезный сынъ, начинаешъ уже хорошо понимать коммерческія дѣла, ты умѣешъ садить и прививать деревья, ты прекрасно работаешъ изъ картузной бумаги разныя штуки, твои братья и твои сестры имѣютъ также особенныя дарованія: мнѣ ваше воспитаніе стоитъ великихъ денегъ; я употреблю оныхъ

еще больше на усовершенствованіе васъ. Тѣмъ обогащу васъ больше, нежели великимъ наслѣдствомъ; ибо великое богатство потерять можно, но полезныя знанія вѣчно останутся при васъ.

Францъ. Но, батюшка, вы весьма довольны вашимъ состояніемъ; вы имѣете хорошую мануфактуру. Мнѣ кажется, что мы чрезъ нее всегда будемъ достаточны.

Г. Дорвиль. Я повторяю тебѣ это: все подвержено перемѣнамъ. Есть люди богатѣе насъ, коихъ однакожъ щастіе оставило. Не худо пріуготовляться заранѣе ко всѣмъ приключеніямъ. Я разскажу тебѣ на сей случай исторію, которую тебѣ не противно будетъ слушать.

Францъ. Разскажите, батюшка, я съ удовольствіемъ буду ее слушать.

Г. Дорзиль. Нѣкоторой богатой помѣщикъ хотѣлъ сочетаться бракомъ съ прелюбезною дѣвицею. Онъ часто ходилъ просить ея отца, дабы онъ позволилъ ему вступить съ нею въ бракъ. Сей сказалъ ему въ отвѣтъ: я охотно вамъ отдамъ дочь мою, но знаете ли вы хорошее ремесло, чрезъ которое могли бы вы прокормить ее и дѣтей, которыхъ вы будете имѣть отъ нее, Ремесло; государь мой, отвѣчалъ ему богатой помѣщикъ? Не уже ли вы не знаете, что я владѣю прекраснѣйшимъ домомъ, великимъ множествомъ дачь, большимъ количествомъ векселей на вѣрныхъ людяхъ? Это ничего не значитъ, отвѣчалъ ему отецъ дѣвицы, вашъ домъ можетъ сгорѣть, ваши дачи могутъ быть опустошены, ваши вѣрные люди изнуренные нещастіями, могутъ не устоять въ своемъ словѣ: словомъ, тысяча нещастныхъ обстоятельствъ могутъ съ вами приключиться, ко-

ихъ ни вы, ни я не можемъ предвидѣть. И такъ естьли вы хотите получить мою дочь, то надобно вамъ обучиться какому нибудь ремеслу, которое меня успокоитъ. Это условіе не обходимо нужное для вашего союза. Молодой человѣкъ тщетно хотѣлъ отвергнуть сіе предложеніе, но не могъ на то склонить отца дѣвицы. Къ какому прибѣгнуть средству? Онъ страстно любилъ ее и не могъ даже перенесть мысль отказаться отъ своего щастія. Онъ побѣжалъ учиться къ одному корзинщику, по тому что его ремесло казалось ему весьма легкимъ; и чрезъ то получилъ молодую дѣвицу, — однакожъ сдѣлалъ напередъ предъ глазами отца ея нѣсколько корзинъ и различныхъ не большихъ штукъ изъ вербы и тросника. По оказаніи своего искуства получилъ удовлетвореніе своего желанія.

Въ первыхъ лѣтахъ своего супружества, онъ смѣялся внут-

ренно предосторожности своего тестя и своенравному правилу, возложенному имъ на него; --- однакожъ онъ вскорѣ пересталъ смѣяться тому. Огонь обьялъ домъ его такъ, что онъ весь сгорѣлъ до основанія. Сей самый огонь распространился по всему городу, превратилъ въ пепелъ домы и магазины купцовъ, которымъ онъ повѣрилъ свои деньги, и кои пришли отъ того въ совершенное разорѣніе. Онъ утѣшался, разсуждая о своихъ земляхъ; но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, наводненіе текущей вблизи рѣки разлилось по хорошей земли и покрыло ее песчанымъ камнемъ и пескомъ выше трехъ футовъ. Вотъ онъ разорился въ конецъ! Къ щастію своему онъ вспомнилъ о выученномъ ремеслѣ своемъ. Надежда его подкрѣпила, и онъ съ неусыпнымъ раченіемъ принялся за работу. Жена его пріуготовивъ столъ, помогала ему въ трудахъ его; дѣти ихъ

ходили продавать ихъ плетенки и корзины. Такимъ образомъ онъ дошелъ до того, что могъ хорошо содержать себя и свою фамилію до той щастливой минуты, въ которую по причинѣ нечаянной смерти одного дальняго родственника, учинился наслѣдникомъ довольно великой суммы, на которую онъ выстроилъ прекрасной домъ, и поправилъ опустошенія, причиненныя на его дачи разлитіемъ рѣки.

Сія исторія учинила живое впечатлѣніе въ сердцѣ молодаго Франца. Онъ самъ пересказалъ ее по вѣчеру брату своему и сестрамъ, которые всѣ были поражены ею. Она заставила ихъ иногда разсуждать о средствахъ, которыя были нужны имъ для предохраненія себя отъ нечаянныхъ нещастій.

Увы! Они не могли предвидѣть, что имъ надлежало вско-

рѣ подвергнуться равномужъ бѣдствію!

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ одну нещастную ночь загорѣлся магазинъ Г. Дорвиля, и всѣ строенія его фабрики превратились въ пепелъ прежде, нежели могли прекратить ярость пожара; а другой магазинъ обрушился отъ грому.

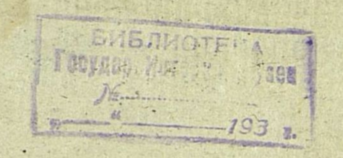
Однакожъ онъ не пришелъ отъ сего въ отчаяніе, сродное малодушнымъ и слабымъ людямъ; напротивъ того онъ укрѣпился противъ сего нещастнаго приключенія и усугубилъ свою дѣятельность. Всѣ друзья его старались вспомоществовать ему. Онъ пользовался съ успѣхомъ сими средствами; и своимъ трудолюбіемъ старался замѣнить свои убытки. Это однако не препятствовало разумнымъ людямъ, вскорѣ послѣ того нещастія присвататься къ его дочерямъ; поелику всѣ на-

ходили въ нихъ женъ способныхъ благоразумно содержать семейство. А сыновья его работали столь неутомимо, и столь разумно, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, могли они поправить состояніе своей фамиліи, и учинить ее столь благополучною, сколь она была прежде сего бѣдствія, которое по видимому долженствовало сдѣлать ихъ убогими.

КОНЕЦЪ

первой части.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Ист ... зея
№
" " 193 г.

оик № 2393 25г

К 061951

Центр. Рост Мест.
Предезинфецировано
„4" VIII 1938 г.

